

ЗНАНІЕ.

СБОРНИКЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

I. ИСТОРІЯ.

(Статьи Н. Устрялова, С. Соловьева и Н. Костомарова).

II. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

(Статьи Брема, Гартвига, Льюиса и Шлейдена).

III. БІОГРАФІИ.

(Біографіи Колумба и Линкольна).

IV. БЕЛЬЛЕТРИСТИКА.

(Произведенія графа А. Толстого, Тургенева, Некрасова, Аксакова, Мея, Ауэрбаха, Вейнберга.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

ЗНАНІЕ.

2007098240

ЗНАНІЕ.

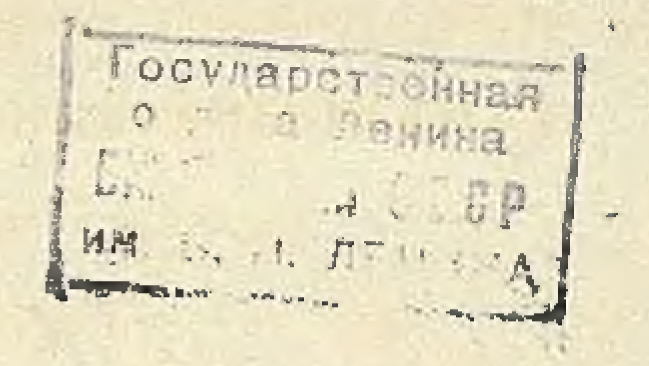
СБОРНИКЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

ВЫПУСКЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, № 45).

1867.

Государственная
Ленина
им.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

БІОГРАФІЯ.

БЕЛЬЛЕТРИСТИКА.

ИСТОРІЯ.

СМЕРТЬ ПАТКУЛЯ.

Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Петра I при дрезденскомъ дворѣ, тайный совѣтникъ Паткуль, безусловно преданный и вѣрный царю, но строптивый, вспыльчивый и надменный, такъ раздражилъ противъ себя саксонскихъ министровъ—намѣстника Фирстенберга, генерала Шуленбурга, въ особенности камеръ-президента Имгофа и кабинетъ-секретаря Пфингстена, что они кипѣли къ нему злобою непримиримою и ждали только случая погубить его. Наконецъ дождались.

Въ половинѣ 1704 года пришли въ Польшу, на помощь Августу II, одиннадцать русскихъ полковъ, до 10,000 человѣкъ, въ томъ числѣ четыре полка старыхъ московскихъ стрѣльцовъ, и поступили подъ начальство Паткуля. Послѣ разныхъ дѣйствій въ Польшѣ, уклоняясь отъ Карла XII, онъ вывелъ вспомога-

тельный отрядъ, уменьшившійся въ три мѣсяца до 6,000 человѣкъ, въ Саксонію. Тамошнее министерство расположило его въ Нижнемъ Лаузицѣ, близь Губена, въ странѣ бѣдной, истощенной войсками, и отказало во всякомъ продовольствіи. Отряду оставалось погибнуть съ голода.

Московскій дворъ повелѣлъ вывести русскія войска изъ Саксоніи въ Россію. Но какъ Польша была въ рукахъ Шведовъ и пройдти чрезъ нее оказалось невозможнымъ, то Паткуль спрашивалъ: для спасенія русской дивизіи не предоставить ли ее на время цесарю? По царскому повелѣнію, Ѳ. А. Головинъ отвѣчалъ ему 3-го октября 1705 года: „если послѣ всѣхъ усилій вывести вспомогательныя войска изъ Саксоніи чрезъ Польшу окажется невозможнымъ, въ такой крайней нуждѣ предоставить ихъ цесарю на возможно-выгодныхъ условіяхъ".

Получивъ такой отвѣтъ, Паткуль предложилъ полковымъ и батальйоннымъ командирамъ своего отряда вопросъ: есть ли возможность пройдти въ Россію чрезъ Польшу, и если нѣтъ, признаютъ ли удобными настоящія квартиры въ Нижнемъ Лаузицѣ, или находятъ за лучшее поступить на службу иному государю? Всѣ отвѣчали единогласно, что пройдти въ Россію чрезъ Польшу, по ихъ мнѣнію, невозможно; въ Лаузицѣ грозитъ гибель неминуемая и, для избѣжанія голодной смерти, они готовы вести полки куда угодно.

Тогда Паткуль заключилъ съ цесарскимъ полномоч-

нымъ министромъ при саксонскомъ дворѣ, графомъ Стратманномъ, договоръ, 4-го декабря 1705 года, о предоставленіи цесарю русскаго войска, находившагося въ Саксоніи, на одинъ годъ, съ тѣмъ чтобы по минованіи срока, оно приведено было чрезъ Венгрію или Силезію для соединенія съ русскою арміей. Августъ II былъ въ то время въ Гроднѣ.

На другой день Паткуль объявилъ оберъ-гофмаршалу Пфлугу о заключенномъ договорѣ, согласно съ царскимъ повелѣніемъ. Тайный совѣтъ, за отсутствіемъ короля управлявшій государствомъ, пришелъ въ ужасъ: конечно, русское войско, заключавшее въ себѣ съ небольшимъ 6,000 человѣкъ, было незначительно; но члены совѣта оскорбились глубоко и достоинство короля считали осрамленнымъ. Послѣ тщетныхъ попытокъ отмѣнить договоръ, саксонскіе министры, по предложенію генерала Шуленбурга, рѣшили: „Паткуля арестовать и всѣ бумаги его опечатать“.

Ночью 8-го декабря полковникъ Броунъ, окруженный 20 солдатами, взялъ его въ Дрезденѣ съ постели и отвезъ въ крѣпость Зонненштейнъ, на Эльбѣ, близъ Пирны. Тамъ посаженъ онъ въ тотъ самый казематъ, гдѣ не задолго предъ тѣмъ содержался полковникъ Гверинъ, заслуживш͏ій смертную казнь.

Одобривъ распоряженіе тайнаго совѣта, Августъ II послалъ изъ Гродна въ Москву къ россійскому государю съ каммергеромъ фонъ-Шенбекомъ горькую жалобу на Паткуля, на его престрашную наглость, на ссоры съ

министрами, на поносные отзывы при чужестранныхъ дворахъ о саксонскомъ правительствѣ, на похвальбу въ амнистіи шведскаго короля, наконецъ на договоръ съ цесарскимъ министромъ, изъ личныхъ видовъ, о выводѣ московскаго войска изъ Саксоніи, къ обоюдному вреду. Въ заключеніе предлагалъ: Паткуля для допроса привесть въ Гродно.

За два дня до пріѣзда Шенбека въ Москву съ королевскимъ письмомъ, Петръ извѣстилъ Меншикова, бывшаго въ Гроднѣ, объ арестѣ Паткуля слѣдующимъ образомъ: «Посылаю къ вамъ вѣдомость о незапномъ дѣлѣ, которое учинили зѣло жестоко, противъ всѣхъ правъ, министры саксонскіе надъ Паткулемъ. Для чего посылаю къ королю о семъ письмо. Если оно застанетъ васъ въ Гроднѣ, изволь самъ королю отдать и отповѣдь взять».

Получивъ же королевское письмо, Петръ отвѣчалъ Августу II, что Паткуль заключеніемъ съ Стратманномъ договора поступилъ противъ царскаго повелѣнія, ко вреду общихъ интересовъ, и требовалъ присылки его со всѣми бумагами, имъ оставленными, въ Гродно, для допроса. Головинъ, съ своей стороны, увѣдомилъ Стратманна, домогавшагося исполненія договора, что «Паткуль поступилъ весьма противно указу: ему велѣно было только въ крайней невозможности договариваться о перепускѣ войскъ цесарю; но прежде постановленія донести и ожидать указу».

Между тѣмъ, въ зонненштейнской темницѣ Паткуль

нашелъ средство тайно написать Петру письмо, въ оправданіе себя, о неслыханномъ поступкѣ саксонскаго министерства. Оно очень обширно и любопытно, не было извѣстно ни одному изъ біографовъ Паткуля и хранится въ московскомъ главномъ архивѣ въ подлинникѣ, съ современнымъ переводомъ (*). Прислано въ Москву 30-го января 1706 года съ почтой, чрезъ два дня по отъѣздѣ царя въ Смоленскъ.

Прочитавъ это письмо въ Оршѣ, на пути къ Гродну, государь снова, 24-го февраля 1706 года, повторилъ Августу II требованіе прислать Паткуля съ его бумагами и съ обвинителемъ на царскій судъ: «ибо инако за очи ничего съ нимъ дѣлать невозможно; такожъ онъ иному суду, яко нашъ генералъ и министръ, по всего свѣта правамъ подлежать не можетъ».

Еще сильнѣе и настойчивѣе требовалъ Петръ Паткуля послѣ извѣстія о фрауштатскомъ пораженіи: до сихъ поръ, по наговору польскаго короля, онъ, кажется, подозрѣвалъ его въ секретныхъ сношеніяхъ съ Карломъ XII; по крайней мѣрѣ, по присылкѣ Шенбека съ обвинительными пунктами, приписывалъ движеніе Шведовъ къ Гродну на русскую армію интригамъ Паткуля. Теперь все объяснилось. «Симъ случаемъ» писалъ онъ къ Ѳ. А. Головину 26-го февраля 1706 года, «измѣна Паткулева будетъ явна: ибо совершенно чаю для

(*) Напечатано вполнѣ въ IV томѣ *Исторіи царствованія Петра Великаго.*

того онъ взятъ, чтобы сей ихъ измѣнной факціи никто не свѣдалъ».

«Его царское величество» сказано въ нотѣ, писанной Шафировымъ въ Кроншлотѣ къ саксонскому двору 8-го мая 1706 года, «по многимъ важнымъ причинамъ не можетъ допустить, чтобы генералъ его Паткуль содержался въ саксонской темницѣ: дѣло его должно быть немедленно и строго изслѣдовано; право же розыска царское величество, какъ законный его государь, никому другому не можетъ предоставить и тѣмъ свое право неслыханнымъ образомъ нарушить: въ такомъ случаѣ всѣ его министры, въ особенности изъ чужеземцевъ, были бы устрашены отъ службы. А какъ господинъ фонъ-Паткуль, царскій полномочный министръ и посланникъ при саксонскомъ дворѣ, отъ тайнаго совѣта, безъ вѣдома и повелѣнія не только царскаго, но и королевскаго, ввержень въ темницу, куда сажаютъ только государственныхъ измѣнниковъ и преступниковъ, самыя секретныя письма его отняты, съ нимъ же поступлено весьма безчестно, безъ надлежащаго розыска и безъ доказательствъ его преступленія, чѣмъ право народное неслыханнымъ образомъ нарушено: то его королевское величество не откажетъ царскому величеству, своему вѣрному союзнику и другу, до отправленія Паткуля изъ Саксоніи, истребовать достаточнаго удовлетворенія отъ тѣхъ, которые то учинили; иначе столь непростительный поступокъ можетъ высокихъ союзниковъ совершенно разссорить и вынудить царское величество къ возмез-

дію. Только требованіе отчета отъ тайнаго совѣта можетъ удовольствовать царское величество; его же королевское величество всему свѣту покажетъ, что столь необдуманный поступокъ не былъ имъ апробованъ. Впрочемъ же его царскимъ величествомъ приняты мѣры, чтобы Паткуля доставить къ русской арміи, чрезъ бранденбургскія и прусскія владѣнія, подъ честнымъ и сноснымъ арестомъ».

Что̀ отвѣчалъ на эту ноту тайный совѣтъ, неизвѣстно; кажется, онъ ссылался на преступную корреспонденцію Паткуля съ Литомъ, царскимъ коммиссаромъ въ Берлинѣ; по крайней мѣрѣ, по высочайшему повелѣнію, канцлеръ Головинъ 2-го іюня 1706 года отозвался: «до сихъ поръ нѣтъ никакихъ документовъ Паткулевой измѣны. Ежели тайный совѣтъ жалуется на письмо Лита въ Берлинѣ, то дѣло въ томъ: по царскому повелѣнію великій канцлеръ писалъ письмо къ Паткулю и поручилъ Литу отправить къ нему прямо въ темницу; содержаніе же заключается въ томъ, что государь повелѣлъ удостовѣрить Паткуля, своего министра и генерала, въ покровительствѣ и милости противъ всякаго насилія».

Вообще Петръ до ноября 1706 года не терялъ надежды на освобожденіе Паткуля изъ Саксоніи и дѣятельно заботился о томъ, какъ видно изъ письма его къ Шафирову 4-го ноября: «о свобожденіи Паткулевѣ, какъ возможно (по письмамъ Литовымъ), тайно или явно трудиться надлежитъ».

Между тѣмъ Карлъ XII двинулся на Саксонію. Августъ II былъ при прусской арміи въ Польшѣ; фамилія его, мать, супруга, сынъ, стремглавъ бросились изъ Дрездена въ западную Германію. Невѣста Паткулева, любимая штатсъ-дама курфирстины-матери, Анна Софія Ейнзидель, урожденная Руморъ, обратилась къ королю Августу II съ слѣдующею просьбой: «При угрожающемъ наступленіи непріятеля, если Паткуль будетъ такъ несчастливъ, что останется подъ арестомъ, дозволить ей предъ отъѣздомъ изъ Дрездена снабдить его жизненными припасами и другими необходимыми вещами, потому что она опасается: въ случаѣ ея удаленія, никто не вспомнитъ о немъ, и онъ останется безъ всякаго утѣшенія».

Чрезъ пять дней участь его рѣшилась: въ Бишофсвердѣ полномочные коммиссары Августа II, Имгофъ и Пфингстенъ, секретнымъ договоромъ согласились: «всѣхъ шведскихъ перебѣжчиковъ, находившихся въ королевской службѣ, въ особенности Рейнгольда Паткуля, выдать Шведамъ». Договоръ подписанъ 2-го септябри, а 9-го числа Паткуль, уже скованный по рукамъ и по ногамъ, отвезенъ въ крѣпость Кенигштейнъ, вмѣстѣ съ комендантомъ Зонненштейна, Корбеемъ, котораго подозрѣвали въ тайной пересылкѣ его писемъ.

Формальнымъ договоромъ Альтранштадтскимъ, 13-го октября 1706 года, статьею 11-ю, подтверждено предварительное условіе, заключенное саксонскими коммиссарами въ Бяшофсвердѣ, съ тѣмъ, чтобы Паткуль, до

выдачи его Шведамъ, оставался въ крѣпкомъ заключеніи.

Въ Кенигштейнѣ онъ содержался болѣе полугода, до 27-го марта 1707, когда, по настоятельному требованію Карла XII, выданъ былъ Шведамъ и переведенъ въ оковахъ въ драгунскій полкъ генералъ-майора Мейерфельда, стоявшій въ Пирнѣ. По выступленіи Шведовъ изъ Саксоніи, въ Польшѣ, въ восьми миляхъ отъ Познани, при городкѣ Казимиржѣ, 30-го сентября 1707 года, онъ преданъ былъ мучительной смерти. О послѣднихъ минутахъ его жизни разсказываетъ полковой пасторъ Лоренцъ Гагенъ слѣдующимъ образомъ (*).

«28-го сентября 1707 года, поздно вечеромъ, изъ полка Мейерфельда Паткуль, подъ прикрытіемъ 30 солдатъ, привезенъ въ драгунскій полкъ полковника Гіелмса. На другой день, по окончаніи проповѣди, полковникъ объявилъ мнѣ секретно, что завтра будетъ казнь Паткуля, и велѣлъ, давъ ему о томъ знать, приготовить его къ смерти.

«Послѣ вечерни, около 3 часовъ, я пришелъ къ Паткулю, лежавшему въ постели, и поздоровавшись, просилъ не гнѣваться на мое посѣщеніе, зная, что печальное сердце требуетъ утѣшенія и совѣта отъ слова Божія. «Мнѣ очень пріятно», отвѣчалъ онъ. «Душевно «благодарю васъ за попеченіе. Визитъ духовнаго лица «мнѣ всего отраднѣе. Впрочемъ, что̀ слышно?» Я ска-

(*) *Letzte Stunden Johann Reinhold Patculs.* Cöln, 1714.

«залъ: «имѣю сообщить вамъ нѣчто особенное, когда мы «останемся одни». Онъ наклонился къ офицеру, бывшему при немъ въ комнатѣ; съ своей стороны я подошелъ къ караульному и шепнулъ на ухо: «полковникъ хочетъ, чтобъ я остался съ арестантомъ на единѣ». Офицеръ вышелъ.

«Паткуль, схвативъ меня за руку, спросилъ взволнованнымъ голосомъ: «Любезный пасторъ! что̀ имѣете вы мнѣ сказать?» — «Я принесъ вамъ, благородный «господинъ, вѣсть пророка Исаіи царю Езекіи: *устрой «о дому твоемъ, умираеши бо и до завтрешняго «вечера не будеши живъ»*. Онъ упалъ на постель, и слезы полились по щекамъ его. Я старался его утѣшить. «Вы человѣкъ просвѣщенный науками, вѣроятно «и христіанствомъ: оттого думали уже прежде о такой «вѣсти; она не должна васъ теперь тревожить и смущать» — «Такъ! Я знаю древнее изрѣченіе: *человѣкъ! ты смертенъ*; но эта смерть слишкомъ тяжела». Онъ плакалъ горько. Утѣшая его, я говорилъ: «хотя мнѣ и неизвѣстно, какая будетъ вамъ смерть, но «я твердо убѣжденъ, какъ бы ни страшна была она для тѣла, душѣ будетъ блаженствомъ». Онъ поднялся, и всплеснувъ руками, воскликнулъ: «Господи Боже! даруй мнѣ блаженную смерть!»

«Потомъ обратившись къ стѣнѣ, сказалъ: «О! редукція въ Лифляндіи и Швеціи — мать моего злополучія!» Я просилъ его оставить временное, земное и думать только о вѣчномъ, небесномъ, чтобы лучше упо-

требить немногіе часы. Онъ отвѣчалъ: «Любезный па-
«сторъ! Въ сердцѣ моемъ старый нарывъ, наполненный
«гноемъ: надобно его прочь; только тогда оно залѣчится.
«Дайте мнѣ сказать что у меня на сердцѣ. Редукція,
«погубившая благосостояніе столь многихъ, была винов-
«ницею преступленій, которыя мнѣ приписываютъ. По-
«койный король, трепля меня по плечу сказалъ: *Паткулъ,*
«*защищай правоту твоего отечества какъ честный*
«*человѣкъ.* И могъ ли я иначе поступать? Но злые
«люди повели дѣло по своему. Боже! прости Гастферу!
«Онъ много содѣйствовалъ къ тогдашнему моему несчастію:
«сначала меня прельстилъ, потомъ обманулъ, наконецъ
«сталъ преслѣдовать. Скоро увижу тебя съ другими про-
«тивниками предъ судилищемъ! Беркгеймъ поступалъ
«со мною дурно; но крайней мѣрѣ имѣлъ на то пове-
«лѣніе. Швеція! Швеція! не съ пляскою и смѣхомъ отъ
«тебя я удалился: это извѣстно моему Богу. Куда же
«было дѣться? Ползать между мертвецами я не могъ;
«въ монастырь не хотѣлъ по моей религіи; у князей
«союзныхъ былъ бы не безопасенъ. Говорятъ: ты пе-
«решелъ къ нашимъ непріятелямъ; слѣдовательно ты
«виновникъ этой кровопролитной войны. Но что за
«умствованія! Я пришелъ къ нимъ какъ бѣдный, го-
«нимый, а не какъ совѣтникъ, или изобрѣтатель: ни-
«гдѣ меня не признавали къ тому способнымъ, что въ
«самомъ дѣлѣ правда. Все было готово прежде, чѣмъ я
«появился въ Саксоніи: съ Даніею заключенъ союзъ,

«съ Москвою подписаны условія: тогда у меня не было «никакого значенія.»

«Я напомнилъ ему, что слишкомъ вдается въ мірскія дѣла. Онъ схватилъ меня за руку и сказалъ: «О! «дайте мнѣ время поговорить о земномъ; послѣ не скажу «ни слова. Откуда вы родомъ, господинъ насторъ?»— «Я Шведъ изъ Стокгольма.» — «Мнѣ тѣмъ пріятнѣе: «Шведы кой-что обо мнѣ узнаютъ. У меня, господинъ «пасторъ, было также шведское сердце, клянусь Бо«гомъ, хотя не хотѣли тому вѣрить. Легко признать «во мнѣ прямое шведское сердце изъ того, что мно«гимъ высокимъ особамъ я часто оказывалъ такія услу«ги, что другой (не говорю уже о славѣ) былъ бы не «въ состояніи. За такіе труды мнѣ часто предлага«ли большія суммы, но я нехотѣлъ принять и толь«ко просилъ о ходатайствѣ предъ шведскимъ дворомъ, «чтобы вступить въ его лоно. Двери милосердія мнѣ, «бѣдной и заблудшей овцѣ, были совершенно заперты. «Я пытался открыть ихъ и для того отправился въ «Москву, когда было тамъ ваше посольство (*). Вы слы«шали о томъ?» — «Да, я имѣлъ честь быть при по«сольствѣ придворнымъ проповѣдникомъ и ваше благо-

---

(*) Едва ли съ такимъ намѣреніемъ пріѣзжалъ Паткуль въ Москву въ ноябрѣ 1699 года: въ III томѣ *Исторіи Царствованія Петра Великаго* подробно, на основаніи актовъ, изложено стараніе его вооружить Саксонію, Польшу и Россію на Швецію.

«родіе видѣлъ.» — «Такъ это вы были! Я съ самаго «начала хотѣлъ сказать, что видѣлъ васъ гдѣ-то преж- «де. Такъ, господинъ пасторъ! я искалъ милости при «посредничествѣ царя. Но услышавъ, что королевское «посольство, между прочимъ, имѣло порученіе меня от- «крыть и потребовать, я долженъ былъ держать себя «скрытно и неизвѣстно. Оттого говорятъ, будто я под- «стрекалъ царя къ разорванію мира. Поджигателями «были, камъ мнѣ извѣстно, N, креатура N, и другіе; «я же совѣтовалъ, сколько было мнѣ можно, мира не «нарушать и въ первый годъ войны успѣлъ устроить «такъ, что король шведскій получилъ бы въ удовле- «твореніе Курляндію, польскую Лифляндію и большую «часть Самогиціи, еслибы согласился на миръ. Я ду- «малъ, что царь ни подъ какимъ видомъ не согласится; «когда же предложилъ ему, онъ былъ очень доволенъ, «обнялъ меня и благодарилъ за совѣтъ. Только король «шведскій не соглашался. Могутъ засвидѣтельствовать то «и плѣнные Шведы, которыхъ въ Москвѣ нѣсколько «сотъ. Я сдѣлалъ имъ много добра и роздалъ нѣсколько «тысячъ. Даже могу сказать, что истратилъ до ста ты- «сячъ талеровъ для возвращенія милости его величе- «ства короля шведскаго. О еслибы помогъ Всемогущій! «Я такъ заботливо искалъ Божіей милости.» Тутъ онъ снова сталъ плакать.

«Я старался утѣшить его, говоря, что есть еще вре- мя, что не надобно его терять, и врата Божія мило- сердія отверсты. «Это мое единственное утѣшеніе»,

«сказалъ онъ. «Ты Богъ, а не человѣкъ вѣчно гнѣвный.
«Мнѣ только то прискорбно, что я болѣе служилъ че-
«ловѣкамъ, нежели моему Богу.»

«Поговоривъ о разныхъ предметахъ, онъ наконецъ сказалъ: «Potentes potenter punicntur. (*) Можетъ быть, «слишкомъ долго я задержалъ васъ, господинъ пасторъ, «скучными разговорами, особенно если вы думаете чѣмъ-«нибудь распорядиться и хотите быть одни.» —Благо-«родный господинъ!» отвѣчалъ я, «чрезъ четверть часа «возвращусь.»—«Сдѣлайте одолженіе, и попросите пол-«ковника оставить меня наединѣ, чтобы не тревожить «меня въ молитвѣ. Я приму это за милость.» Давъ обѣщаніе сдѣлать все возможное, я простился.

«Вечеромъ, около семи часовъ, я возвратился. Офи-«церъ вышелъ. Паткуль съ улыбкой и съ довольнымъ «лицомъ сказалъ мнѣ: «Снова здравствуйте, господинъ «пасторъ! Я смотрю на васъ, какъ на ангела Божія. «Теперь, слава Богу, большой камень отъ сердца мо-«его отвалился. Я чувствую въ моей совѣсти большую «перемѣну; радуюсь, что долженъ умереть. Лучше смерть, «чѣмъ долговременный плѣнъ. Только бы смерть не «была мучительна! Но знаете ли, господинъ пасторъ, «къ чему я приговоренъ?» — «Отъ меня скрыто. Мнѣ «только объявлено, что все совершится очень тихо, и «кромѣ полковника, да меня, никто о томъ въ полку «не узнаетъ.» — «Это милость. Но неизвѣстенъ ли вамъ

(*) Сильные сильно да накажутся.

«приговоръ? Или я умру безъ допроса и приговора?» — «Приговоръ долженъ быть; но, вѣроятно, запечатанъ «и откроется только на мѣстѣ.» — «Можетъ быть. Но «меня не долго будутъ мучить?» Я успокоивалъ его, сколько могъ. Самъ онъ также утѣшалъ себя словами Божіими, хорошо ему извѣстными; между прочимъ сказалъ по гречески два изреченія изъ Дѣяній Апостольскихъ и изъ Посланія къ Римлянамъ (*).

«Потомъ спросилъ: «Нѣтъ ли бумаги и чернилъ?» и услышавъ что есть, поручилъ мнѣ написать, подъ его диктовку, слѣдующее: «Завѣщаніе или послѣдняя воля «нижеподписавшагося моимъ роднымъ по смерти моей. «Вопервыхъ, оба родственника мои, находящіеся при «шведской арміи, получатъ мои деньги, означенныя въ «обязательствахъ, по милостивѣйшему соизволенію его «величества короля шведскаго.»

«Но мы оставимъ,» сказалъ онъ; «я подумаю. Станемъ молиться.» Что мы и сдѣлали. Послѣ молитвы онъ воскликнулъ: «Слава Богу! мнѣ гораздо лучше. «Ахъ! еслибы меня не долго мучили! Какъ охотно заплатилъ бы я свою вину моею кровью! Король милосердъ?» — «Да,» отвѣчалъ я. «Мы благодаримъ Бога «за милостиваго и благочестиваго короля.» «Это главное,» сказалъ онъ, «гдѣ страхъ Божій, тамъ и другія добродѣтели, по словамъ Давида: *Страхъ Господень начало премудрости.* Люди при немъ благо-

(*) Дѣянія, XIV, 22; Посланіе къ Римлянамъ, VIII, 18.

«чествы?» спросилъ онъ далѣе. Я отвѣчалъ утверди-
«тельно. «Графъ Пиперъ, первый министръ, человѣкъ
«богобоязненный?» — «Да,» отвѣчалъ я. «Его превосхо-
«дительство доказалъ то неоднократно.» — «Итакъ, сла-
«ва Богу! Мнѣ ничего не будетъ, кромѣ справедливости.
«Благо государству, управляемому благочестіемъ и пра-
«восудіемъ!»

«Далѣе онъ говорилъ о шведскихъ университетахъ,
«объ ученыхъ людяхъ и богословахъ, о докторѣ Мейер-
«нѣ, потомъ о Галлѣ, въ особенности о профессорѣ Фран-
«кѣ и докторѣ Брейтгауптѣ; спрашивалъ меня, что я
«думаю о томъ и другомъ и гдѣ я учился. Въ заклю-
«ченіе сказалъ съ глубокимъ вздохомъ: «Такъ у меня
«есть друзья, которые будутъ сожалѣть и оплакивать
«мою смерть. Что скажетъ старая курфирстина и при
«ней фрейлина Левольдъ! Въ особенности моя бѣдная
«подруга! О, какъ горько ей будетъ, когда услышитъ
«о моей смерти!».

«Дорогой господинъ пасторъ!» сказалъ онъ, сжимая
мою руку, «исполните ли о чемъ васъ буду просить?» —
«Очень охотно» отвѣчалъ я, «если буду въ состояніи
«вамъ служить.» — «Будьте такъ добры,» продолжалъ
«онъ, «напишите послѣ моей смерти моей подругѣ, г-жѣ
«Ейнзидель, что я посылаю ей прощальное привѣтствіе,
«и дайте ей знать, какъ я умеръ: хотя позорно, тѣмъ
«не менѣе блаженно, какъ я надѣюсь на помощь Бо-
«жію. Это нѣсколько утѣшитъ ее, особенно, когда по-
«лучитъ извѣстіе отъ руки того, кто помогалъ мнѣ въ

«послѣднія минуты. Поблагодарите ее за вѣрную любовь. Теперь она свободна; я же, крѣпко къ ней привязанный, умираю.» Я обѣщалъ исполнить его желаніе и долженъ былъ дать въ томъ руку.

«Послѣ того онъ вынулъ кошелекъ съ тремя свертками золота, и сказавъ: «завтра, по волѣ Бога, мнѣ ничего не надобно», предложилъ мнѣ одинъ свертокъ съ сотнею червонцевъ, прося его принять. Я отказывался, ничѣмъ не заслуживъ такого подарка. «Любезный пасторъ!» сказалъ онъ, «неоднократно давалъ я «по 1000 червонцевъ за мірскія услуги, вы же оказали мнѣ дружбу, которую деньгами нельзя купить. «Еслибы Господь Богъ соизволилъ васъ лучше наградить! «Для большей благодарности дарю вамъ, господинъ пасторъ, сокровище, выше всего для меня на свѣтѣ: «Новый завѣтъ на греческомъ языкѣ, съ переводомъ «Аріи Монтаня. Онъ былъ моимъ неразлучнымъ спутникомъ въ моихъ бѣдствіяхъ, теперь находится у майора «Гротгузена: отъ него вы получите.» Я благодарилъ и далъ слово хранить такое сокровище на всю жизнь, въ воспоминаніе. Онъ же просилъ поблагодарить майора Гротгузена за все одолженіе, оказанное ему при взятіи подъ арестъ.»

«Потомъ взялъ другую книжку и сказалъ: «Это я «самъ написалъ: примите ее, господинъ пасторъ, въ мое «воспоминаніе и въ доказательство моего христіанства. «Я желалъ бы, чтобы король взглянулъ на эту книжку: «его величество, какъ государь высокопросвѣщенный,

«увидѣлъ бы, что я былъ не атеистъ.» Я взялъ и сказалъ: «Надѣюсь; я отдамъ книжку моему полковнику, «чтобъ онъ представилъ ее королю.» — «Очень хорошо», отвѣчалъ онъ. «Будь ты, книга, счастливѣе автора. Я «говорю тебѣ, какъ Овидій своимъ *печалямъ*, когда «посылалъ ихъ изъ заточенія императору Августу: *сту-«пай, моя книга, наживи то, чего я не могъ.»* Послѣ просилъ меня ее прочесть. Я исполнилъ его волю. Онъ зналъ ее наизусть.

«Затѣмъ желалъ слушать молитвы и пѣсни о смерти, въ особенности: *я предаю мое дѣло Богу.* Онъ молился въ глубокомъ размышленіи; потомъ разсуждалъ о суетѣ міра. «Богъ свидѣтель, что грустное сердце «мое погружено было въ сладострастіе; теперь лучше «на моей душѣ: знаю, что завтра долженъ умереть. «Munde, immunde vale. Повѣрьте, господинъ пасторъ, «что неоднократно, особенно въ послѣдніе годы, я ста-«рался удалиться отъ дѣлъ міра, но было невозможно. «Я такъ запутался, что не было средствъ выйдти. Бла-«годареніе Всевышнему, что сѣти дьявола разорвались, «узы пополамъ, и душа моя свободна. Этому помогла «рука могущественнаго Карла. Теперь слава Богу! Спра-«ведливо сказалъ апостолъ Павелъ: *Вѣмъ же, яко лю-«бящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое.»* (*).

«Какъ было уже поздно, онъ сказалъ: «Господинъ «пасторъ! я долго васъ удерживаю. Не сердитесь на ме-

(*) Посланіе къ Римлянамъ, VIII 28.

ня.» Я отвѣчалъ, что не скучаю; началъ снова молиться и совершилъ вечернюю молитву. По окончаніи ея спросилъ: «Какъ вы думаете, господинъ пасторъ, надобно «ли мнѣ уснуть? Я давно не спалъ и очень утомленъ: «сегодня не ѣлъ и не пилъ, лишь немного воды.» Я совѣтовалъ успокоиться: «Силы мои нѣсколько укрѣ«пятся. Завтра надобно быть въ порядкѣ, особенно «для того, что я желаю и хочу для бѣдной души моей «святыхъ даровъ.» Назначивъ мнѣ часъ, онъ легъ въ постель. Я же отправился на свою квартиру.

«Въ четыре часа утра, 30-го сентября, я пришелъ опять. Услышавъ мое привѣтствіе, онъ немедленно всталъ, благодарилъ Бога за добрую ночь и говорилъ мнѣ: «Давно «не спалъ я такъ спокойно.» Мы стали молиться. Благоговѣніе его было выше всякой похвалы. Около шести часовъ сказалъ онъ: «Во имя Господа приступимъ къ «святому дѣлу, прежде чѣмъ шумъ увеличится.» Я изъявилъ готовность. Онъ упалъ на колѣни и произнесъ свою исповѣдь очень благочестиво, особенно начало было набожно, словами Іуды: «Что долженъ я сказать, Боже «мой Господи? Какъ мнѣ говорить? Чѣмъ могу оправ«даться? Богъ обрѣлъ злодѣянія своего раба.» Принявъ святые дары, онъ благодарилъ Бога псалмопѣніемъ, которое просилъ меня читать, и усердно молился. Въ особенности утѣшался стихомъ: *Укрѣпи мя духомъ радости.* «Это было мое любимое изреченіе», сказалъ онъ.

«Когда взошло солнце, онъ посмотрѣлъ въ окно и воскликнулъ: «Salve festa dies! День моей свадьбы!

«Я думалъ нѣкогда о другомъ днѣ свадьбы, но ны-
«нѣшній блаженнѣе. Сегодня душа моя будетъ введена
«въ небесную залу женихомъ ея Христомъ. Какъ я
«радъ отъ всего сердца! жду тебя съ наслажденіемъ!
«Не знаете ли, какимъ образомъ я умру?» Отвѣтъ
прежній. Онъ просилъ меня не покидать его, какъ ни
жестока была бы казнь. «Призовите имя Христа: стра-
данія будутъ легче.»

«Потомъ, взглянувъ въ окно, онъ воскликнулъ:
«Ахъ, господинъ пасторъ! уже закладываютъ. Благо-
«дареніе Богу, что спѣшатъ. Жить мнѣ тяжело». Уви-
дѣвъ же бумагу, гдѣ я началъ писать его завѣщаніе,
сказалъ: «Здѣсь болѣе ничего не будетъ.» На вопросъ
мой, не подпишетъ ли, отвѣчалъ со вздохомъ: «Не
могу: мое имя проклято. Что завѣщалъ я, сродники
мои найдутъ въ другомъ мѣстѣ. Все въ порядкѣ. Го-
сподинъ пасторъ! поклонитесь имъ отъ меня, если нужно.»

«Онъ молился, когда пришелъ караульный лейте-
нантъ, чтобы взять его. «Вотъ исполненіе печальной
«вѣсти, высокородный господинъ!» сказалъ я. «Итакъ
въ путь!» отвѣчалъ онъ, взявъ свой плащъ. «Вы бу-
дете со мной ѣхать? Господинъ пасторъ, не удаляй-
тесь отъ меня.» Я обѣщалъ.

«Подошедши къ дрогамъ, онъ принудилъ меня сѣсть
съ собою. Окруженные сотней драгунъ, мы поѣхали
быстро. Дорогой онъ обнялъ меня и поцѣловалъ; при
чемъ просилъ не забыть привѣтствія къ его подругѣ
и благодарилъ за недавнее пріобщеніе святыхъ таинъ.

«Между тѣмъ мы пріѣхали на лобное мѣсто, окруженное тремя стами пѣхоты. Когда показались колья и на нихъ колеса, онъ страшно испугался, обнялъ меня и воскликнулъ: «Ахъ, господинъ пасторъ! молите Бога, «чтобъ я не отчаялся!» Я утѣшалъ его, сколько могъ, и просилъ постоянно имѣть въ памяти распятаго Христа.

«Его сняли съ дрогъ и стали расковывать кандалы. Онъ молился: «О, агнецъ Божій!» Потомъ привели его на мѣсто казни. Капитанъ полка, исправлявшій должность майора, громко прочиталъ: «Всѣмъ и каждому «да будетъ извѣстно, что его королевское величество, «всемилостивѣйшій государь нашъ, строго повелѣлъ: сего «измѣнника отечеству предать заслуженной имъ казни, «въ примѣръ другимъ, колесованіемъ и четвертованіемъ. «Каждый берегись измѣны и служи королю своему вѣр-«но.» При словѣ *измѣнникъ отечеству*, Паткуль пожалъ плечами и обратилъ взоры къ небу.

«Потомъ спросилъ: «Куда мнѣ?» Палачъ указалъ ему мѣсто. Онъ сказалъ: «Дѣлай свое дѣло», и далъ ему деньги въ бумагѣ. Послѣ легъ на землю, и когда снимали съ него платье, вскричалъ ко мнѣ: «О, молитесь Богу, чтобъ онъ укрѣпилъ меня въ сіи минуты!» Я исполнилъ его желаніе и говорилъ окружавшимъ солдатамъ: «Любезныя дѣти! помолимся нашему Отцу за «этого бѣднаго человѣка.» — «Такъ, молитесь!» воскликнулъ онъ. Всѣ мы молились съ благоговѣніемъ.

«Между тѣмъ палачъ нанесъ ему первый ударъ. Онъ вскрикнулъ: «Іисусе Христе! помилуй мя». Дано ему

14 или 15 ударовъ. Палачъ былъ неопытенъ и производилъ пытку медленно. Страдалецъ кричалъ жалостно, призывая спасительное имя Іисуса; также: «Въ руцѣ Твои предаю духъ мой.»

«Послѣ двухъ ударовъ въ грудь онъ болѣе не кричалъ; только прерывающимся голосомъ говорилъ: «Голову прочь.» Палачъ медлилъ; тогда подползъ къ плахѣ и положилъ на нее шею: четырьмя ударами онъ обезглавленъ и положенъ на колесо.

«Таковъ былъ конецъ знаменитаго Паткуля», заключаетъ Лоренцъ Гагенъ. «Христосъ, пришедшій въ міръ спасти всѣхъ грѣшныхъ, помилуй его душу!»

Чрезъ десять дней Гагенъ отправилъ слѣдующее письмо къ невѣстѣ Паткуля, госпожѣ Ейнзидель:

«Письмо неизвѣстнаго вамъ человѣка, безъ сомнѣнія, покажется страннымъ, тѣмъ болѣе, что я никогда не имѣлъ счастія видѣть вашу особу. Къ тому побуждаетъ меня, даже требуетъ, неотступная просьба бывшаго вашего друга, который кончилъ жизнь свою по грѣхамъ какъ человѣкъ, по вѣрѣ какъ христіанинъ, по вѣрности какъ постоянный слуга вамъ. Первое доказываютъ воздвигнутые въ память его столбы; второе — пламенный, только смертію погашенный страхъ Господень; третье — предсмертныя слова его: «Скажи мое послѣднее «привѣтствіе госпожѣ фонъ-Ейнзидель съ печальнымъ «извѣстіемъ, что знакомый ей Паткуль умираетъ съ «вѣрною любовью, съ живѣйшею благодарностію, съ «слезнымъ желаніемъ сердечнымъ, чтобъ она долго на-

«слаждалась жизнію свободно и въ удовольствіи.» Знаю, эта вѣсть смерти могла быть другимъ доставлена, тѣмъ болѣе, что честное сердце будетъ глубоко поражено; но какъ обязанность исповѣдника молчать не дозволяетъ, то я счелъ за лучшее извѣстить васъ чрезъ письмо, чтобы невѣрнымъ молчаніемъ не утаить моего порученія.»

Вольтеръ въ своей исторіи Карла XII говоритъ, что Августъ II въ 1713 году приказалъ собрать Паткулевы кости въ ящикъ и показывалъ ихъ французскому посланнику Безенвалю. Это извѣстіе, подобно многимъ другимъ, совершенно невѣрно. Въ дрезденскомъ архивѣ хранится письмо, на французскомъ языкѣ, одного офицера, по имени Эберштедта, отъ 9-го сентября 1710 года, гдѣ сказано: имѣлъ онъ повелѣніе отыскать тѣло генерала Паткуля и воздвигнуть надъ нимъ почетный памятникъ; но лейтенантъ Рауеръ, посланный для этого въ Казимиржъ, донесъ, что онъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ Паткулева трупа.

Н. Устряловъ.

УБІЕНІЕ

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ ВЪ УГЛИЧѢ (*).

Достигнувъ первенства, Годуновъ долженъ былъ подумать о будущемъ, и будущее это было для него страшно, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ выше было его положеніе настоящее: у Ѳеодора не было сына, при которомъ бы Годуновъ, какъ дядя, могъ надѣяться сохранить прежнее значеніе, по крайней мѣрѣ, прежнюю честь; преемникомъ бездѣтнаго Ѳеодора долженствовалъ быть братъ его Димитрій, удаленный въ Угличъ при воцареніи старшаго брата, удаленный «совѣтомъ всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ.» Димитрій росъ при матери и ея родственникахъ, Нагихъ; понятно, какія чувства эти опальные Нагіе питали къ людямъ, подвергнувшимъ ихъ опалѣ, съ какими чувствами дожидались прекращенія своихъ бѣдствій, своего изгнанія, въ какихъ чув-

(*) *Исторія Россіи Соловьева.*

ствахъ къ Годунову и къ людямъ ему близкимъ воспитывали ребенка, который неумѣлъ скрывать этихъ чувствъ. За будущее долженъ былъ бояться не одинъ Годуновъ, за будущее должны были бояться всѣ тѣ люди, которые были обязаны выгодами положенія своего Годунову и лишались всего съ его паденіемъ, а такихъ людей было очень много; наконецъ, за будущее должны были бояться тѣ люди, которыхъ судьба хотя и не была тѣсно соединена съ судьбою Годунова, но по совѣту которыхъ Димитрій подвергся изгнанію, а къ этимъ людямъ принадлежали всѣ начальнѣйшіе Россійскіе вельможи. И вотъ въ маѣ 1591 года разнеслась по государству вѣсть, что царевича Димитрія въ Угличѣ не стало, и понесся слухъ, что погибъ оно насильственною смертію, отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Лѣтописцы такъ разсказываютъ подробности событія.

Сначала хотѣли отравить Димитрія: давали ему ядъ въ пищѣ и питьѣ, но понапрасну. Тогда Борисъ призвалъ родственниковъ своихъ, Годуновыхъ, людей близкихъ, окольничаго Клешнина и другихъ, и объявилъ имъ, что отравой дѣйствовать нельзя, надобно употребить другія средства. Одинъ изъ Годуновыхъ, Григорій Васильевичъ, не хотѣлъ дать своего согласія на злое дѣло, и его больше не призывали на совѣтъ и чуждались. Другіе совѣтники Борисовы выбрали двухъ людей, по ихъ мнѣнію, способныхъ на дѣло — но эти отреклись. Борисъ былъ въ большомъ горѣ, что дѣло не удается; его утѣшилъ Клешнинъ: «Не печалься» го-

ворилъ онъ ему: «у меня много родныхъ и друзей; желаніе твое будетъ исполнено.» И точно Клешнинъ отыскалъ человѣка, который взялся исполнить дѣло: то былъ дьякъ Михайла Битяговскій. Съ Битяговскимъ отправили въ Угличъ сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Дмитріевой, Осипа Волохова; этимъ людямъ поручено было завѣдывать всѣмъ въ городѣ. Царица Марья замѣтила враждебные замыслы Битяговскаго съ товарищами, и стала беречь царевича, никуда отъ себя изъ хоромъ не отпускала. Но 15 мая въ полдень, она почему-то осталась въ хоромахъ, и мамка Волохова, бывшая въ заговорѣ, повела ребенка на дворъ, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльцѣ уже дожидались убійцы; Осипъ Волоховъ, взявши Димитрія за руку, сказалъ: «Это у тебя, государь, новое ожерельице?» Ребенокъ поднялъ голову и отвѣчалъ; «нѣтъ, старое». Въ эту минуту сверкнулъ ножъ; но убійца кольнулъ только въ шею, не успѣвъ захватить гортани, и убѣжалъ. Димитрій упалъ, кормилица пала на него, чтобы защитить, и начала кричать: тогда Данила Битяговскій съ Качаловымъ, избивши ее до полусмерти, отняли у нея ребенка и дорѣзали. Тутъ выбѣжала мать и начала кричать. На дворѣ не было никого, всѣ родственники ся разошлись по домамъ; но соборный пономарь, видѣвшій съ колокольни убійство, заперся и началъ бить въ колоколъ; народъ сбѣжался на дворъ и, узнавши о преступленіи, умертвилъ стараго Битяговскаго

и троихъ убійцъ; всего погибло 12 человѣкъ. Тѣло Димитрія положили въ гробъ и вынесли въ соборную церковь Преображенія, а къ царю послали гонца съ вѣстію объ убійствѣ брата. Гонца привели къ Борису; тотъ велѣлъ взять у него грамоту, написалъ другую, что Димитрій самъ зарѣзался, по небреженію Нагихъ, и велѣлъ эту грамоту подать царю. Θеодоръ долго плакалъ. Для сыску про дѣло и для погребенія Димитрія посланы были въ Угличъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ, дьякъ Елизаръ Вылузгинъ и Крутицкій митрополитъ Геласій. Посланные осмотрѣли тѣло, погребли его и стали распрашивать Угличанъ, какъ, по небреженію Нагихъ, закололся царевичъ? Имъ отвѣчали, что царевичъ былъ убитъ своими рабами — Битяговскимъ съ товарищами, по приказанію Бориса Годунова и его совѣтниковъ. Но пріѣхавши въ Москву, Шуйскій съ товарищами сказали царю, что Димитрій закололся самъ. Нагихъ привезли въ Москву и пытали крѣпко; у пытки былъ самъ Годуновъ съ боярами и Клешнинымъ; но съ пытки Нагіе говорили, что царевичъ убитъ. Царицу Марью постригли въ монахини и заточили въ Выксинскую пустынь за Бѣлоозеро; Нагихъ всѣхъ разослали по городамъ, по тюрьмамъ; Угличанъ однихъ казнили смертію, инымъ рѣзали языки, разсылали по тюрьмамъ; много людей свезли въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ, и съ того времени Угличъ запустѣлъ.

Въ этомъ разсказѣ мы не встрѣчаемъ ни одной чер-

ты, которая бы заставляла заподозрить его: подробности самаго убіенія, предшествовавшій разговоръ убійцы съ жертвою, подробности приготовленій въ Москвѣ, имена лицъ, выбранныхъ, но отказавшихся взять на себя совершеніе злодѣйства, указанія на Клешнина, какъ на главнаго дѣятеля—всѣ эти подробности не позволяютъ историку видѣть въ этомъ разсказѣ выдумку. Сравнимъ теперь съ этимъ разсказомъ другой памятникъ, имѣвшій цѣлію доказать противное, т. е. что Димитрій самъ закололся, обратимся къ слѣдственному дѣлу о убіеніи царевича.

19 мая, вечеромъ пріѣхали въ Угличъ князь Василій Шуйскій, Андрей Клешнинъ, Елизаръ Вылузгинъ, и разспрашивали Михайлу Нагова: «Какимъ обычаемъ царевича Димитрія не стало? и что у него была за болѣзнь? для чего онъ, Нагой, велѣлъ убить Михайлу Битяговскаго, сына его Данилу, Никиту Качалова, Данилу Третьякова, Осипа Волохова, посадскихъ людей, слугъ Битяговскаго и Волохова, и для чего онъ велѣлъ во вторникъ сбирать ножи, пищали, палицу желѣзную, сабли и класть на убитыхъ людей? посадскихъ и сельскихъ многихъ людей для кого сбиралъ? и почему городоваго прикащика, Русина Ракова, приводилъ къ крестному цѣлованію, что ему стоять съ нимъ за одно, и противъ кого было имъ стоять?

Слѣдователи пріѣхали 19 мая, вечеромъ; въ тотъ же вечеръ сдѣлали допросъ Михайлѣ Нагому, и о чемъ же спросили? не о томъ только, какъ приключилась

смерть царевичу и что происходило потомъ? но спросили: какая болѣзнь была у царевича, за чѣмъ онъ, Нагой, велѣлъ убить извѣстныхъ людей и положить на нихъ оружіе, зачѣмъ сбиралъ людей, приводилъ городоваго прикащика ко кресту? Тотчасъ же представляется вопросъ: какимъ образомъ слѣдователи могли узнать все это? и послѣ уже изъ розыска открывается, что слѣдователи, пріѣхавъ въ Угличъ, прежде всего выслушали городоваго прикащика, Русина Ракова, который обвинилъ Нагихъ и показалъ, что царевичъ убился самъ. Итакъ, въ самомъ началѣ акта мы уже замѣчаемъ подозрительную неточность: о Русинѣ Раковѣ ничего не сказано, и прямо дѣлается допросъ Нагому на основаніи показаній Русина Ракова!

Михайла Нагой отвѣчалъ, что царевичъ зарѣзанъ Осипомъ Волоховымъ, Никитою Качаловымъ и Данилою Битяговскимъ, что убійцъ побили черные люди, безъ его, Михайлова, приказа, что оружіе на убитыхъ положилъ Русинъ Раковъ самъ, также безъ его вѣдома, и къ присягѣ городоваго прикащика онъ, Михайла Нагой, не приводилъ. Тогда Русинъ сослался на брата Михайлова, Григорія Нагова, и на слугу, Бориса Аѳанасьева, и тѣ показали, что оружіе положено на убитыхъ по приказу Михайлы Нагова. Что же отвѣчалъ на это послѣдній—не знаемъ; знаемъ то, что онъ не приложилъ руки къ своимъ рѣчамъ; знаемъ еще любопытное обстоятельство: Русинъ Раковъ и сторожъ дьячьей избы, Евдокимъ Михайловъ, показалъ, что во вторникъ при-

ходилъ въ дьячью избу человѣкъ Михайлы Нагова, Тимоѳей, вмѣстѣ съ Русиномъ Раковымъ; этотъ Тимоѳей принесъ живую курицу, зарѣзалъ ее, кровью вымазали разнаго рода оружіе, которое Русинъ Раковъ и положилъ на трупы Битяговскаго съ товарищами; но другой слуга Нагова, Борисъ Аѳанасьевъ, показалъ, что Тимоѳей еще въ понедѣльникъ вечеромъ сбѣжалъ невѣдомо куда, и дѣйствительно Тимоѳей у допроса не былъ.

Теперь посмотримъ, что показали Нагіе о самой смерти царевича. Михайла Нагой, какъ мы видѣли уже, сказалъ, что Димитрія зарѣзали Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данила Битяговскій. Но онъ не объявилъ самаго главнаго, именно: кто сказалъ ему объ этомъ? потому что самъ онъ не видалъ, какъ было дѣло, прибѣжавши уже на колокольный звонъ и думая, что горитъ во дворцѣ. Григорій Нагой показалъ противное, что царевичъ накололся самъ ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни, которая на немъ и прежде бывала. Но и Григорій не объявилъ главнаго: кто сказалъ ему о родѣ смерти царевича? потому что самъ онъ также ничего не видалъ, прибѣжавши вмѣстѣ съ Михайлою. Но Григорій въ своемъ показаніи прибавляетъ очень важное обстоятельство, именно, что они застали царевича еще въ живыхъ и умеръ онъ при нихъ. При этомъ Григорій не прибавилъ обстоятельствъ важныхъ: въ какомъ положеніи засталъ онъ царевича (кормилица показала, что онъ умеръ на ея рукахъ)? былъ ли у него или подлѣ него ножъ, которымъ онъ игралъ? Слѣдователи объ этомъ

не спрашивали. Потомъ Григорій Нагой показалъ, что когда явился старый Битяговскій и набѣжало множество народу, то начали говорить, *невѣдомо кто*, будто царевича зарѣзалъ Данила Битяговскій съ товарищами. Изъ другихъ показаній открывается, что этотъ *невѣдомо кто* была царица Марья, что Григорій Нагой вѣрилъ своей сестрѣ и по ея приказу билъ мамку Василису Волохову полѣномъ по бокамъ; а теперь что заставило его перемѣнить убѣжденіе? Одни скажутъ: онъ одумался, увидалъ неправду сестры и собственную; но другіе скажутъ, что онъ былъ улещенъ и застращенъ, и дѣло попрежнему остается темнымъ. Наконецъ третій Нагой, Андрей, показалъ, что царевичъ ходилъ на заднемъ дворѣ, игралъ съ дѣтьми черезъ черту ножемъ, и вдругъ на дворѣ закричали, что царевича не стало, царица сбѣжала сверху, а онъ, Андрей, въ то время сидѣлъ за столомъ; услыхавъ крикъ, онъ прибѣжалъ къ царицѣ, и видитъ, что царевичъ лежитъ на рукахъ у кормилицы *мертвъ, а сказываютъ, что его зарѣзали*: и онъ, Андрей, того не видалъ, кто его зарѣзалъ, а на царевичѣ бывала болѣзнь падучая. Это показаніе правдоподобнѣе прочихъ; но вотъ что замѣчательно: Андрей Нагой сидѣлъ во дворцѣ за обѣдомъ и сбѣжалъ на дворъ за царицею, какъ только услыхалъ крикъ, и нашелъ уже царевича мертвымъ на рукахъ кормилицы; а Григорій Нагой обѣдалъ у себя на подворьѣ, прибѣжалъ уже на звонъ колоколовъ и нашелъ еще царевича живымъ!.... Что же мы должны заключить объ

этихъ показаніяхъ? то, что всѣ они, по своему явному противорѣчію и утайкѣ главныхъ обстоятельствъ, должны быть заподозрѣны и отстранены. Но обратимся къ показаніямъ очевидцевъ; не объяснятъ ли они намъ дѣла удовлетворительнѣе.

Мамка Василиса Волохова показала, что царевичъ игралъ съ дѣтьми ножемъ и, въ припадкѣ падучей болѣзни, накололся самъ въ горло; тогда царица Марья сбѣжала на дворъ и начала ее, Василису, бить полѣномъ, не слушая никакихъ оправданій, и пробила ей голову во многихъ мѣстахъ, приговаривая, что Димитрія зарѣзали сынъ ея, Василисинъ, Осипъ вмѣстѣ съ Даниломъ Битяговскимъ и Никитою Качаловымъ; потомъ царица велѣла бить ее, Василису, брату своему, Григорію Нагому, послѣ чего бросили ее замертво. Потомъ начали звонить у Спаса въ колокола, сбѣжались посадскіе люди, и царица Марья велѣла бить ее, Василису; мужики взяли ее, ободрали и простоволосу держали предъ царицею; прибѣжалъ на дворъ Михайла Битяговскій и началъ уговаривать посадскихъ людей и Михайлу Нагова; но царица и Михайла Нагой велѣли убить Битяговскаго. Василиса объявила также, что вмѣстѣ съ нею во время смерти царевича были: кормилица Ирина и постельница Марья Самойлова: спросили и этихъ женщинъ: кратко и сжато, почти въ одныхъ словахъ, онѣ объявили, что царевичъ игралъ съ дѣтьми и, въ припадкѣ падучей болѣзни, накололся самъ ножикомъ. Спросили и дѣтей, игравшихъ съ Димитріемъ: они показали

то же, что и женщины; слѣдователи спросили у нихъ: кто еще съ ними былъ на дворѣ во время смерти царевича? дѣти указали *дважды* на кормилицу Ирину и на постельницу Марью Самойлову, но пропустили — Василису Волохову, и слѣдователи не обратили вниманія на это обстоятельство! Кромѣ трехъ женщинъ и дѣтей явился еще одинъ очевидецъ, стряпчій Семейка Юдинъ, который сказалъ, что стоялъ въ то время у поставца и самъ видѣлъ, какъ царевичъ накололся ножемъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Вотъ и всѣ очевидцы! Остальныя же лица говорили по чужимъ рѣчамъ (чьимъ—неизвѣстно): и всѣ эти люди, сами ничего не видавши, тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что царевичъ игралъ съ дѣтьми и въ припадкѣ падучей болѣзни самъ наткнулся на ножъ.

Но кромѣ приведенныхъ есть еще и другія подозрительныя обстоятельства. Здѣсь первое мѣсто занималъ вопросъ: кто и когда началъ первый звонить у Спаса и этимъ привлекъ толпу народа на дворъ царевичевъ? Михайла и Григорій Нагіе показали, что они прибѣжали съ своего подворья къ царевичу, будучи встревожены колокольнымъ звономъ; Василиса же Волохова объявила, что Григорій Нагой находился у царевича и билъ ее прежде, чѣмъ начали звонить у Спаса; Григорій Нагой прибавилъ, что въ колоколъ началъ звонить пономарь прозвищемъ Огурецъ. Константиновской церкви пономарь, вдовый попъ Ѳедотъ Аѳанасьевъ, прозвищемъ Огурецъ, былъ потребованъ къ допросу и пока-

залъ, что сидѣлъ дома, когда у Спаса звонилъ сторожъ Максимъ Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ, и когда прибѣжалъ къ церкви къ Спасу, встрѣтился ему кормоваго дворца стряпчій, Суббота Протопоповъ, и велѣлъ ему звонить въ колоколъ у Спаса, да ударилъ его въ шею и заставилъ силою звонить, говоря, что царица Марья приказываетъ, и все это онъ говорилъ предъ Григорьемъ Нагимъ. Григорій Нагой сказалъ: «того онъ не слыхалъ, что тому попу Ѳедоту велѣлъ звонить Суббота Протопоповъ; а сказывалъ ему тотъ же попъ Ѳедотъ, что велѣлъ ему звонить Суббота, и что прибѣгалъ къ нему Михайла Битяговскій, и онъ заперся, на колокольню его не пустилъ». А Суббота Протопоповъ, поставленный на очную ставку съ попомъ Ѳедотомъ, сказалъ: «Какъ пріѣхалъ на дворъ Михайла Нагой, и велѣлъ ему, Субботѣ, звонить въ колокола для того, чтобы міръ сходился, то онъ и приказалъ пономарю Огурцу звонить». Такимъ образомъ звонъ произошелъ по приказу Нагихъ, а Нагіе показали, что они сами прибѣжали на звонъ; но если показывали ложно, то какъ очутились они на дворѣ у царевича? кто имъ далъ знать о несчастіи? Слѣдователи не обратили на это вниманія. Мало того: Огурецъ объявилъ, что онъ самъ прибѣжалъ на звонъ, что первый сталъ звонить у Спаса сторожъ Максимъ Кузнецовъ; но для чего же Субботѣ нужно было толкать Огурца въ шею и заставлять его звонить, когда звонъ уже былъ произведенъ? Куда дѣвался Кузнецовъ? какъ слѣдователи

не обратили вниманія на эту запутанность и не потребовали къ допросу Кузнецова? Далѣе: Константиновской церкви священникъ Богданъ показалъ, что онъ въ тотъ день, въ субботу, обѣдалъ у Михайлы Битяговскаго: вдругъ зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ; Битяговскій послалъ своихъ людей провѣдать, зачѣмъ звонятъ, и думалъ, что гдѣ нибудь пожаръ; посланные возвратились и сказали, что царевича Димитрія не стало; тогда Михайла *тотчасъ* пріѣхалъ на дворъ къ царевичу, началъ уговаривать посадскихъ людей и былъ ими убитъ; а сынъ Михайлы Битяговскаго, Данила, былъ въ то время у отца своего на подворьѣ, обѣдалъ. Священникъ показалъ, что Битяговскій дома еще узналъ о смерти царевича, и тотчасъ отправился во дворецъ; а Углицкіе разсыльщики показали, что Михайла Битяговскій, услышавъ шумъ, пошелъ вмѣстѣ съ сыномъ въ дьячью избу; здѣсь сытникъ Моховиковъ сказалъ ему, что царевичъ боленъ падучею болѣзнію (еще только!), и Битяговскій отправился къ царицѣ, а сынъ его остался въ дьячьей избѣ. Какое же изъ этихъ двухъ показаній справедливо? Если справедливо показаніе священника Богдана, то Михайлѣ Битяговскому, извѣщенному, что царевича не стало, не зачѣмъ было сначала идти въ дьячью избу: онъ долженъ былъ прямо спѣшить во дворецъ. Разумѣется, для объясненія этого противорѣчія нужно было спросить сторожа дьячьей избы, Евдокима Михайлова: онъ долженъ былъ знать, былъ ли Михайла Битяговскій въ избѣ, и какъ попалъ туда сынъ его

Данила, какъ вмѣстѣ съ послѣдними очутился тамъ и Качаловъ? Но сторожа Евдокима спросить объ этомъ не заблагоразсудили. Спрашивали Кирилла Моховикова, который, по объявленію разсыльщиковъ, первый далъ знать Битяговскому о болѣзни царевича; и Моховиковъ не сказалъ ни слова о томъ, давалъ ли онъ объ этомъ знать Битяговскому, а объявилъ только, что когда царевичъ покололся ножемъ и начали звонить, то Михайла Битяговскій прибѣжалъ къ двору, къ воротамъ, а ворота были заперты, и онъ Моховиковъ, побѣжалъ къ Михайлѣ къ воротамъ и ворота отперъ; когда Михайла вошелъ на дворъ и началъ посадскихъ и всякихъ людей уговаривать, то Моховикова начали бить и забили на смерть, руки и ноги переломили. По какимъ образомъ ворота были заперты, когда толпа народа находилась уже на дворѣ, когда нарочно велѣно было звонить, чтобъ народъ собирался на дворъ, и за что били Моховикова? На эти обстоятельства слѣдователи не обратили никокаго вниманія; упустили изъ виду и слова пономаря Огурца, что Михайла Битяговскій прибѣгалъ къ нему на колокольню, но что онъ заперся.

Послѣ всего этого не должны ли мы заключить, что слѣдствіе было произведено недобросовѣстно? не ясно ли видно, какъ спѣшили собрать побольше свидѣтельствъ о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ въ припадкѣ падучей болѣзни, не обращая вниманія на противорѣчія и на укрытіе главныхъ обстоятельствъ. Нагіе пострадали за то, что наустили народъ убить Битяговскихъ,

Волохова и Качалова; Угличане пострадали за то, что повѣрили Нагимъ; но ни одинъ изъ Нагихъ не былъ свидѣтелемъ несчастія: кто же первый произнесъ имена убійцъ? царица Марья, какъ выходитъ изъ показанія Василисы Волоховой? но царица сама не была свидѣтельницею несчастія; слѣдовательно, она или выдумала и то, что царевича убили, и то, кто именно убилъ, или услыхала объ этомъ отъ кого-нибудь изъ очевидцевъ. Положимъ, что выдумала; но странно, почему она назвала именно троихъ людей: Данилу Битяговскаго, Никиту Качалова и Осипа Волохова? почему она не назвала Михайлу Битяговскаго, главнаго врага ея братьевъ и ея самой? Митрополитъ Геласій, возвратясь въ Москву, говорилъ на духовномъ соборѣ: „Царица Марья, призвавъ меня къ себѣ, говорила, что убійство Михайлы Битяговскаго съ сыномъ и жильцовъ дѣло грѣшное, виноватое, просила меня донести ея челобитье до государя, чтобъ государь тѣмъ бѣднымъ червямъ, Михайлу Нагому съ братьями, въ ихъ винѣ милость показалъ.“ Положимъ, что царица точно говорила Геласію такимъ образомъ: но изъ ея словъ еще вовсе нельзя заключить, что она признавалась въ собственной винѣ; поступокъ Нагихъ она называетъ грѣшнымъ и виноватымъ: онъ и точно былъ таковъ, потому что Битяговскіе и товарищи его были убиты безъ суда, беззаконнымъ образомъ. Любопытно также, что ни постельница, ни кормилица, ни дѣти не подтвердили показанія мамки, что царица первая назвала имена убійцъ. Лѣтописное сказаніе благо-

склонно отзывается о кормилицѣ Иринѣ Ждановой; эта Жданова, подобно мамкѣ и постельницѣ, показала, что царевичъ закололся въ припадкѣ черной болѣзни; однако ее, вмѣстѣ съ мужемъ, вытребовали послѣ въ Москву.

Несмотря на всю неудовлетворительность показаній, содержащихся въ слѣдственномъ дѣлѣ, патріархъ Іовъ удовлетворился ими и объявилъ на соборѣ: „Передъ государемъ Михайлы и Григорья Нагихъ и Углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная: царевичу Димитрію смерть учинилась Божіимъ судомъ; а Михайла Нагой государственныхъ приказныхъ людей, дьяка Михайлу Битяговскаго съ сыномъ, Никиту Качалова и другихъ дворянъ, жильцовъ и посадскихъ людей, которые стояли за правду, велѣлъ побить напрасно, за то, что Михайла Битяговскій съ Михайломъ Нагимъ часто бранился за государя зачѣмъ онъ, Нагой, держалъ у себя вѣдуна, Андрюшу Мочалова, и много другихъ вѣдуновъ. За такое великое измѣнное дѣло Михайла Нагой съ братьею и мужики Угличане, по своимъ винамъ дошли до всякаго наказанья. Но это дѣло земское, градское, то вѣдаетъ Богъ да государь, все въ его царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость, о томъ государю какъ Богъ извѣститъ; а наша должность молить Бога о государѣ, государынѣ, о ихъ многолѣтнемъ здравіи и о тишинѣ междоусобной брани."

Соборъ обвинилъ Нагихъ; но въ народѣ винили Бориса, а народъ памятливъ и любитъ съ событіемъ, особенно его поразившимъ, соединять и всѣ другія важныя

событія. Легко понять впечатлѣніе, какое должна была произвести смерть Димитрія: и прежде гибли удѣльные въ темницахъ, но противъ нихъ было обвиненіе въ крамолахъ, они наказывались государемъ; теперь же погибъ ребенокъ невинный, погибъ не въ усобицѣ, не за вину отца, не по приказу государеву, погибъ отъ подданнаго. Скоро, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, сдѣлался страшный пожаръ въ Москвѣ, выгорѣлъ весь Бѣлый городъ: Годуновъ расточилъ милости и льготы погорѣвшимъ; но понеслись слухи, что онъ нарочно велѣлъ зажечь Москву, дабы заставить царя, бывшаго у Троицы, возвратиться въ Москву, а не ѣхать въ Угличъ для розыска: народъ думалъ, что царь не оставитъ такого великаго дѣла безъ личнаго изслѣдованія, народъ ждалъ правды. Слухъ былъ такъ силенъ, что Годуновъ почелъ нужнымъ опровергнуть его въ Литвѣ чрезъ посланника Ислѣньева, который получилъ наказъ: „Станутъ спрашивать про пожары Московскіе, то говорить: мнѣ въ то время не случалось быть въ Москвѣ; своровали мужики воры, люди Нагихъ, Аѳанасья съ братьею: это на Москвѣ сыскано. Если же кто молвитъ, что есть слухи, будто зажигали люди Годуновыхъ, то отвѣчать: это какой-нибудь воръ бездѣльникъ сказывалъ; лихому человѣку воля затѣвать. Годуновы бояре именитые, великіе.“ — Пришелъ ханъ Казы-Гирей подъ Москву, и по Украйнѣ понесся слухъ, что подвелъ его Борисъ Годуновъ, боясь земли за убійство царевича Димитрія; ходилъ этотъ слухъ между простыми людьми; Алексинскій сынъ бояр-

скій донесъ на своего крестьянина; крестьянина взяли и пытали въ Москвѣ; онъ оговорилъ многое множество людей; послали сыскивать по городамъ, много людей перехватали и пытали, кровь неповинную проливали, много людей съ пытокъ померло, иныхъ казнили и языки рѣзали, иныхъ по темницамъ поморили, и много мѣстъ отъ того запустѣло.

С. Соловьевъ.

ЭПИЗОДЪ

из

ИСТОРІИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ (*).

Пріѣздъ въ Россію невѣсты Димитрія-Самозванца, Марины Мнишекъ съ отцемъ, и бракосочетаніе ея съ Самозванцемъ.

Марина съ отцомъ переѣхала границу не прежде 8 апрѣля, близъ Баёва. Русскіе вельможи встрѣтили ихъ. Съ Мнишками ѣхало нѣсколько семей, большею частію родственники Мнишка: были съ нимъ Адамъ и Константинъ Вишневецкіе, Стадницкіе, Тарлы и другіе; съ каждымъ по нѣскольку десятковъ человѣкъ, а съ болѣе важными, какъ напримѣръ, съ Вишневецкимъ, со старостою саноцкимъ сыномъ Мнишка, со старостою красноставскимъ братомъ Мнишка—нѣсколько сотъ прислуги; всего было свиты въ обозѣ 1969 человѣкъ и сверхъ того, болѣе трехсотъ служителей. Все ѣхало болѣе, чѣмъ на двухъ тысячахъ лошадей. Вездѣ, при дурной погодѣ, тысячи московскаго народа строили имъ мосты

(*) Изъ «Исторіи Смутнаго Времени» Н. Костомарова. Вѣстникъ Европы. 1866 г.

боярскихъ. Самъ Басмановъ, другъ и собесѣдникъ Димитрія, одѣлся на этотъ разъ не въ русское, а въ гусарское платье, вышитое золотомъ. Съ нимъ повели четырехъ отличнѣйшихъ лошадей, осѣдланныхъ въ богатѣйшія сѣдла, оправленныя золотомъ; одна служила для пана воеводы, другая для его брата а двѣ остальныя для его родственниковъ. Отъ тріумфальныхъ воротъ до помѣщенія, назначеннаго Мнишку въ бывшемъ домѣ Борисовомъ въ Кремлѣ, уставлены были въ два ряда дворяне и дѣти боярскіе въ нарядныхъ платьяхъ. Говорятъ, что царь находился между ними инкогнито. Тутъ же увидалъ Мнишекъ и земляковъ — польскую роту, служившую у царя съ своимъ начальникомъ Доморацкимъ. Въ такомъ торжественномъ величіи, привѣтствуемый народомъ, при громѣ веселой музыки, въѣзжалъ воевода сендомирскій въ столицу Московскаго государства. Въ своемъ отечествѣ онъ былъ одинъ изъ многихъ; здѣсь онъ долженъ былъ почувствовать себя первымъ; только царь и дочь его были выше его; равнаго ему не было между невѣнчанными особами. За нимъ ѣхала его свита, состоявшая изъ четырехсотъ слишкомъ человѣкъ.

Какъ только вошелъ Мнишекъ со своими приближенными въ приготовленныя палаты, тотчасъ явились стряпчіе съ блюдами; одни несли кушанье, другіе напитки. Такъ слѣдовало по русскому хлѣбосольству: гость пріѣхалъ; надобно было тотчасъ его угостить; принесли, между прочимъ, много разнообразныхъ сортовъ пиро-

и гати. Вездѣ въ московской землѣ встрѣчали ихъ священники и народъ съ хлѣбомъ и солью, а въ городѣ Красномъ встрѣтили ихъ тѣ, что давно уже были высланы на встрѣчу и дожидались ихъ около трехъ мѣсяцевъ съ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Мосальскимъ и дядею царя Михайломъ Александровичемъ Нагимъ. Въ Смоленскѣ, десятки тысячъ народа толпами шли на встрѣчу; дворяне Смоленской земли подносили хлѣбъ-соль, дарили соболей. Здѣсь Марина пробыла три дни. Путешественники, однако иногда во время дороги лишены были всѣхъ удобствъ, при своей многочисленности: паны должны были помѣщаться въ бѣдныхъ хижинахъ, а другіе, за неимѣніемъ помѣщенія, останавливались въ разбитыхъ палаткахъ, не смотря на холодное время. 19 Апрѣля въ день пасхи по русскому календарю, путешественники достигли Вязьмы. Отсюда воевода отдѣлился отъ дочери, поѣхалъ скорѣе, и 24 апрѣля, прибылъ въ столицу. Дочь его еще оставалась въ дорогѣ.

Царь приказалъ устроить великолѣпную встрѣчу и роскошный пріемъ своему тестю; онъ желалъ теперь изъявить ему признательность за гостепріимство, которое испыталъ у него въ Самборѣ. Устроили нарочно мостъ на канатахъ, безъ свай; на концѣ его поставили тріумфальныя ворота, такъ чтобъ воевода, какъ только переѣдетъ рѣку, чувствовалъ свое величіе. Версты за двѣ отъ города выѣхалъ ему на встрѣчу Басмановъ; съ нимъ поѣхало тысячи полторы дворянъ и дѣтей

говъ, но поляки не нашли ихъ вкусными, потому что, по великорусскому обычаю, они готовились безъ соли. По придворному этикету, важный гость не представлялся въ тотъ же день: предполагалось, что ему надобно отдохнуть съ дороги. Поэтому Мнишекъ не увидѣлся съ царемъ въ день своего пріѣзда; только являлся къ нему князь Иванъ Федоровичъ Хворостинъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ. Поляки видѣли въ этотъ день царя только мимоходомъ, когда онъ проѣхалъ верхомъ въ бѣлой одеждѣ къ своей матери, въ Вознесенскій монастырь; за нимъ шли его нѣмецкіе алебардщики и ѣхали верховые; его провожалъ князь Иванъ Федоровичъ.

На другой день, 25 апрѣля, отъ бывшаго Борисова дома, гдѣ помѣщался воевода, до царскаго дворца стояли въ два ряда стрѣльцы въ полномъ нарядѣ съ оружіемъ. Воеводѣ подвели, для пріѣзда къ царю, татарскаго бахмата съ богатою позолоченною сбруею, которую цѣнили до десяти тысячъ злотыхъ. Онъ пріѣхалъ съ своею роднею; его провожалъ отрядъ дворянъ. Въ сѣняхъ, пановъ встрѣтили бояре и ввели въ золотую палату, гдѣ полъ былъ устланъ персидскими коврами. Царь сидѣлъ на тронѣ; этотъ тронъ былъ большое серебряное кресло подъ балдахиномъ, составленнымъ изъ четырехъ щитовъ, положенныхъ крестообразно; сверху на щитахъ былъ шаръ а на немъ драгоцѣнное изображеніе орла; надъ спинкой самаго кресла была икона Богородицы въ золотомъ окладѣ съ дорогими камнями. Балдахинъ, въ три

локтя вышиною, утверждался на колоннахъ, по которымъ отъ щитовъ сверху внизъ спадали и вились нитки крупнаго жемчугу съ камнями; вниманіе поляковъ привлекъ между ними одинъ большой камень величиною въ грецкій орѣхъ. Близъ колоннъ два, а по другимъ извѣстіямъ, четыре лежащіе, серебрянные, до половины вызолоченные льва держали золоченые на серебряныхъ ножкахъ подсвѣчники, на которыхъ стояли два грифа: одинъ держалъ кубокъ, другой — мечъ; они касались колоннъ; тронъ былъ поставленъ на возвышеніи съ тремя ступенями, покрытыми золотымъ ковромъ. По сторонамъ его стояло четверо рындъ въ мѣховыхъ шапкахъ, въ бѣлыхъ одеждахъ и бѣлыхъ сапогахъ, съ желѣзными бердышами въ рукахъ; ихъ груди обвивали крестообразно положенныя черезъ плеча золотыя цѣпи. По лѣвую сторону сядящаго царя, стоялъ князь Шуйскій (названный Димитріемъ, но вѣроятно это былъ Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, произведенный въ санъ великаго-мечника), въ бархатномъ кафтанѣ темнокаштановаго цвѣта съ золотыми цвѣтами, подбитомъ соболями; онъ держалъ обѣими руками обнаженный мечъ съ богатою рукоятью, на которой былъ золотой крестъ. Близъ него стоялъ стряпчій, сынъ Аѳанасія Власьева съ царскимъ платкомъ. Самъ царь былъ одѣтъ въ одеждѣ, сверху донизу унизанной жемчугами; на шеѣ отложное ожерелье было усажено алмазами и рубинами; на груди у него висѣлъ большой яхонтовый крестъ; на головѣ — царскій вѣнецъ; въ правой рукѣ царь держалъ ски-

петръ. По правую сторону отъ царя, сидѣли духовные, составлявшіе священный соборъ, которыхъ Димитрій сдѣлалъ тогда членами созданнаго имъ сената: патріархъ Игнатій сидѣлъ ближе всѣхъ къ царю на чернобархатномъ креслѣ въ черной бархатной рясѣ, унизанной въ ладонь шириною жемчугами и драгоцѣнными камнями, по разрѣзу и по подолу; правою рукою онъ держалъ посохъ съ золотою верхушкою; передъ нимъ стоялъ служка съ блюдомъ, на которомъ лежалъ крестъ и былъ поставленъ серебрянный сосудъ со святою водою. За духовными на правой сторонѣ отъ трона, а также на лѣвой сторонѣ близко отъ трона и прямо противъ трона на скамьяхъ, покрытыхъ персидскими ковровыми полавочниками, сидѣли бояре, окольничьи и думные дворяне; только по самой срединѣ, противъ трона оставлено было мѣсто для прохода, и около него нѣсколько пустыхъ лавокъ было приготовлено для гостей, которымъ давался пріемъ. За этимъ мѣстомъ стояли толпою дворяне, стряпчіе, жильцы и предводители польской дружины, находившейся на службѣ у Димитрія. Такое зрѣлище представилось воеводѣ и его роднымъ, когда они вошли въ залу.

Мнишекъ сталъ посреди залы, поклонился, потомъ подошелъ ближе къ царю и говорилъ рѣчь: „Не знаю, удивляться ли мнѣ, или радоваться, видя ваше величество на этомъ престолѣ! Могу ли я безъ удивленія смотрѣть на того, кого столько лѣтъ считали мертвымъ, а теперь видятъ окруженнаго величіемъ?“ Мнишекъ

сталъ въ рѣчи своей размышлять о странной игрѣ человѣческаго счастія, о непостижимости промысла, который однихъ возвышаетъ, другихъ понижаетъ; восхвалялъ доблести Димитрія, его храбрость на войнѣ, терпѣніе, съ какимъ онъ во время похода переносилъ стужу и всякія лишенія; но самая большая добродѣтель царя московскаго, по его словамъ, была та, что онъ женится на Маринѣ. Онъ говорилъ: „Ваше величество, осыпавъ меня золотомъ и серебромъ, избрали супругою себѣ мою дочь; ни громкій титулъ царя, ни высокая почесть не измѣнили вашего намѣренія; вы пріобрѣли право на такія похвалы, какихъ не можетъ выразить ни поэзія, ни исторія. Я не столько самонадѣянъ и смѣлъ, чтобъ быть равнодушнымъ къ моему возвышенію; но если вспомнить, какъ воспитана дочь моя, съ какимъ стараніемъ внушены были ей съ колыбели всѣ добродѣтели, приличныя ея званію, то смѣло могу назвать васъ моимъ зятемъ. Дочь моя, продолжалъ Мнишекъ, родилась въ свободной странѣ, гдѣ отецъ ея занимаетъ почетное мѣсто въ сенатѣ, гдѣ каждый шляхтичъ можетъ достигнуть высшихъ достоинствъ. Одна добродѣтель украшаетъ царей и сильныхъ земли, ведетъ человѣка на небеса и соединяетъ съ Богомъ. Мнѣ остается молить, чтобъ Всевышній благословилъ этотъ союзъ для счастія и благоденствія русской вашей державы“.

Димитрій былъ растроганъ, впродолженіи рѣчи плакалъ какъ бобръ, по выраженію поляка, безпрестанно бралъ у своего стряпчаго платокъ и отиралъ себѣ глаза.

Послѣ рѣчи воевода подошелъ къ рукѣ. „Цѣлую съ благоговѣніемъ руку — сказалъ онъ — руку, которую я жалъ нѣкогда съ нѣжнымъ участіемъ хозяина къ злополучному гостю“! За воеводою допущены были къ рукѣ родные Мнишка, давніе пріятели Димитрія: братъ его, староста красноставскій, сынъ его, староста саноцкій, князь Константинъ Вишневецкій и староста луковскій Павелъ Мнишекъ. Димитрій ничего не говорилъ. Такъ слѣдовало по обычаямъ. За него отвѣчалъ Аѳанасій Власьевъ, великій секретарь.

По окончаніи цѣлованья руки, воевода сѣлъ противъ трона; сзади, на пустыхъ лавкахъ, помѣстились другіе поляки: всѣ подходили цѣловать руку царскую по списку одинъ за другимъ, потомъ садились. Посидѣвши немного такимъ образомъ съ гостьми, царь всталъ; за нимъ всѣ встали. Патріархъ и духовные вышли впередъ и стали въ сѣняхъ, обратившись лицомъ къ палатѣ. Царь подозвалъ воеводу къ трону и просилъ его на обѣдъ, а Басмановъ отъ имени царя приглашалъ обѣдать прочихъ пановъ и дворянъ польскихъ. Стали выходить. Двое бояръ повели царя подъ руки, передъ нимъ несли государственное яблоко (державу); шествіе направлялось въ церковь. Патріархъ съ духовенствомъ благословлялъ идущихъ; онъ давалъ цѣловать крестъ и Мнишку; за воеводою и прочіе паны подошли ко кресту; и имъ патріархъ далъ цѣловать крестъ. Ревностнымъ поборникамъ православія это не понравилось.

Всѣ вошли въ церковь — судя по описанію — въ

Благовѣщенскій соборъ. Царю принесли другую корону, полегче. Воевода и поляки стояли въ переходѣ, окружающемъ церковь, и присматривались съ любопытствомъ къ московскому богослуженію. Православные паны, вѣроятно, входили въ самую церковь. По окончаніи литургіи, царь вышелъ изъ церкви и сѣлъ на паперти; подлѣ него сѣлъ воевода. Царь хотѣлъ показать, что ведетъ дружескую бесѣду съ тестемъ. Это продолжалось нѣсколько минутъ.

Вставши, царь повелъ воеводу въ свой деревянный дворецъ; паны пошли за ними. Димитрій показывалъ свое недавно оконченное жилище. Поляки хвалили вкусъ царя и убранство дома. Потомъ пошли въ столовую обѣдать въ большомъ каменномъ дворцѣ.

Предъ столовой залой, обитой персидскою голубой тканью, находились сѣни; въ нихъ поразило поляковъ множество дорогой золотой и серебряной столовой посуды: чарокъ, кубковъ, братинъ, стопъ, золотыхъ и серебряныхъ, вложенныхъ одна въ другую, и въ особенности семь или восемь серебряныхъ бочекъ съ золотыми обручами, величиною въ сельдяные бочонки. На окнахъ и дверяхъ столовой красовались золототканные занавѣсы; дорогими коврами устилался весь полъ. Великолѣпный поставецъ вокругъ столба, стоявшаго по срединѣ залы, пышно сверкалъ множествомъ посуды, затѣйливой работы; львы, единороги, драконы, олени, грифы, змѣи, ящерицы, лошади, всевозможнѣйшія фигуры, бросались

въ глаза полякамъ. Изъ серебряннаго съ позолотою сосуда, величиною въ человѣческій ростъ, лилась кранами вода въ три таза одинъ надъ другимъ; но, противъ обычая поляковъ, мывшихъ руки предъ обѣдомъ, московскіе люди совсѣмъ этого не сдѣлали. Столовъ было уставлено три большихъ и одинъ маленькій; два стояло подъ угломъ съ третьимъ, а напротивъ третьяго за маленькимъ столикомъ, серебряннымъ, покрытымъ золотною скатертью, сидѣлъ царь на высокомъ сѣдалищѣ, обитомъ черною матеріею съ золотыми полосами. По правую руку отъ царя сидѣли думные люди; налѣво отъ него, за другими столами, обѣдалъ воевода и съ нимъ паны. Прямо противъ царя, за большимъ столомъ, сидѣли дворяне, и между ними посольская свита; ихъ разсадили такъ, что московскіе люди и поляки сидѣли въ перемежку одинъ съ другимъ. Поляковъ поразило то, что никому не подали тарелокъ, кромѣ четыремъ важнѣйшимъ панамъ. Царь замѣтилъ, что таковъ обычай, и даже подача тарелокъ четыремъ панамъ была уже его нарушеніемъ. Передъ гостьми не клали хлѣба, но царь самъ разрѣзывалъ бѣлые хлѣбы и посылалъ каждому подачку съ солью. Куски хлѣба, говоритъ очевидецъ, были очень велики и служили намъ тарелками. Стряпчіе начали носить кушанья въ серебряныхъ мисахъ и полумискахъ; ихъ ставили предъ гостями такъ, что одна посудина стояла отъ другой на локоть. Изъ этихъ мисокъ и полумисковъ гости должны были ѣсть жидкое ложками, а прочее руками. День былъ тогда постный,

и царь угощалъ поляковъ рыбными кушаньями. Въ заключеніе, начали носить множество пирожныхъ. Стольники наливали вино, медъ, пиво въ драгоцѣнные кубки, чарки, чаши. Сначала церемонія питья совершалась такъ: стольники подносили царю, слегка клапяясь и не снимая шапокъ, въ которыхъ служили; царь выпивалъ самъ и отсылалъ всѣмъ гостямъ по чаркѣ; выпивши царскую присылку, каждый гость уже свободно принимался за питье, которое стояло въ чрезвычайномъ изобиліи. Многимъ панамъ, какъ вообще многимъ иноземцамъ, бывавшимъ въ Москвѣ, нравились тогда ставленные ягодные меды. Но московской кухни никто не хвалилъ. Еще не кончился обѣдъ, какъ уже воеводѣ сдѣлалось дурно отъ нея; онъ вышелъ изъ-за стола; его провели въ царскіе покои; пиръ продолжался безъ него. Тогда, для потѣхи гостямъ, царь велѣлъ призвать лопарей, которые на ту пору случились въ Москвѣ; они привезли обычную годовую дань. Ихъ, числомъ двадцать человѣкъ, ввели въ залу, въ народныхъ одеждахъ изъ оленьихъ шкуръ, съ луками и стрѣлами. Царь объяснялъ полякамъ, что это за народъ, какъ далеко на сѣверѣ живетъ, чему покланяется, какія у него понятія. Въ заключеніе обѣда, принесли полумисокъ сливъ, и царь раздавалъ ихъ каждому стольнику изъ своихъ собственныхъ рукъ; это означало почесть и вниманіе отъ царя за ихъ службу во время стола. Обѣдъ кончился вечеромъ. Царь ушелъ въ свой дворецъ, гдѣ былъ уже воевода. Гости разъѣхались по своимъ помѣщеньямъ; а воеводу уже поздно

проводили до его дома по крытымъ переходамъ, соединявшимъ царскія зданія въ Кремлѣ.

На другой день, гости обѣдали у себя, отъ царскаго стола, а послѣ обѣда воевода и другіе паны прибыли въ царскій деревянный дворецъ. Тамъ, въ передней комнатѣ, играло сорокъ человѣкъ музыкантовъ пана Стадницкаго. Русскіе — говоритъ полякъ очевидецъ — очень любовались этою музыкою. Князь Вишневецкій и сынъ Мнишка танцовали. Стольники разносили напитки. Царь ушелъ отъ гостей и чрезъ нѣсколько минутъ явился снова въ нарядномъ гусарскомъ уборѣ, въ сафьянныхъ башмакахъ, въ красныхъ шароварахъ; на немъ былъ надѣтъ золотоглавный жупанъ, а сверху накинутъ малиновый бархатный плащъ, унизанный по краямъ жемчугомъ. Повеселившись съ гостями, онъ ушелъ опять и явился въ московской одеждѣ, въ расшитомъ золотомъ кафтанѣ со множествомъ жемчуга и камней, подбитомъ дорогими соболями; на головѣ у царя была большая соболья шапка. Это переодѣванье рѣзко выказывало особенность характера царя Димитрія, склонность рисоваться и казаться, которая невольно прорывалась во всѣхъ его поступкахъ. Басмановъ между тѣмъ распоряжался угощеніями, занималъ гостей и заохочивалъ ихъ веселиться. Вечеромъ воевода посѣтилъ царскую мать въ Вознесенскомъ соборѣ, а потомъ возвратился опять во дворецъ къ ужину. Былъ приготовленъ роскошный столъ. Ужинали у царя и паны и бояре; много пили; музыка играла; паны танцовали, а московскіе люди на

нихъ поглядывали: одни любовались этими непривычными пріемами жизни, другіе скорбѣли о такомъ несчастіи, несогласнымъ съ монашескою тишиною и восточною неприступностью, чего требовало отъ царскаго жилища нравственное понятіе. Шуйскіе веселились съ царемъ, и царь простодушный и довѣрчивый, не догадывался и не подозрѣвалъ, что̀ въ головѣ у этихъ собесѣдниковъ. Утренняя заря застала гостей среди плясокъ, пѣсенъ, смѣховъ и веселости, и всѣ разъѣхались уже днемъ. Музыканты пана Стадницкаго получили въ эту ночь отъ щедраго царя двѣ тысячи злотыхъ за свой трудъ.

На слѣдующій день, 27 апрѣля, проспавшись отъ ночной пирушки, царь занимался дѣлами, а вечеромъ опять съѣхались къ нему польскіе паны, и опять роскошный ужинъ, опять попойка, музыка, танцы, пѣсни, веселье. Въ одинъ изъ слѣдующихъ затѣмъ дней, 28 и 29, царь пригласилъ воеводу и пановъ на охоту за городъ, и ѣхалъ верхомъ вмѣстѣ съ воеводою и Василіемъ Шуйскимъ. Въ подгородномъ селѣ Мамоновѣ были нарочно приготовлены звѣри; былъ между ними огромный медвѣдь, привезенный изъ далекихъ лѣсовъ сѣверовостока. „Не хочетъ ли кто сразиться съ этимъ медвѣдемъ?“ — спросилъ царь, обратившись къ гостямъ. Никто не рѣшился; можетъ быть, и находились бы храбрецы, да видѣли, что царь хочетъ самъ показать свою удаль, и для того уступили изъ вѣжливости. Выпустили медвѣдя; царь бросился на него съ рогатиною и такъ ударилъ, что топорище рогатины переломилось;

медвѣдь упалъ; царь въ мгновеніе отсѣкъ ему голову. Московскіе люди кричали ему похвалы и съ гордостію указывали полякамъ на неустрашимость, молодечество и силу своего царя. Послѣ такихъ забавъ, царь пригласилъ гостей обѣдать. Столъ былъ приготовленъ въ обширныхъ богатоубранныхъ шатрахъ; вечеромъ всѣ разъѣхались въ городъ съ веселыми криками.

Шатры, гдѣ обѣдали гости съ царемъ послѣ подвига съ медвѣдемъ, были приготовлены для царицы и для ея поѣзда. Когда воевода съ передними панами прибылъ въ Москву, нареченная царица находилась въ Вяземѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Бориса. Это былъ обширный дворъ, обведенный рвомъ, огороженный деревяннымъ частоколомъ съ шестью башенками, съ заостренными верхами; въ немъ находился царскій домъ со службами и каменная церковь, очень красивая, съ богатымъ иконостасомъ и утварью. Тутъ пробыла Марина три дня, потомъ выѣхала, и, доѣхавши за нѣсколько верстъ отъ Москвы, остановилась въ приготовленныхъ для нея шатрахъ, тѣхъ самыхъ, гдѣ угощалъ царь пановъ послѣ медвѣжьей травли. Здѣсь собственно для нея былъ раскинутъ особый нарядный шатеръ, а около него много другихъ обширныхъ шатровъ для помѣщенія ея свиты. Весь этотъ станъ устроенъ былъ такъ, что снаружи куча шатровъ казалась замкомъ; она обведена была полотняною стѣною; натянутое на длинныхъ шестахъ полотно изображало башни, разставленныя по стѣнѣ. Марина съ своимъ поѣздомъ прожила въ

этихъ шатрахъ цѣлыхъ два дни. Гости и купцы пріѣзжали изъ Москвы поклониться будущей государынѣ и подносили ей подарки, тѣ — дорогіе сосуды, другіе — богатыя матеріи. Въ это время въ Москвѣ приготовляли ей почетный въѣздъ, на день 3 мая. Наканунѣ того дня, воевода пріѣхалъ изъ Москвы къ дочери, чтобъ съ нею вмѣстѣ участвовать въ торжественномъ въѣздѣ.

Разомъ съ Мариной ѣхавшіе къ московскому государю послы Рѣчи Посполитой, Олесницкій и Гонсѣвскій, поѣхали впередъ и достигли Москвы прежде нареченной царицы. Они переправились черезъ Москву-рѣку по мосту, устроенному на лодкахъ; за рѣкою увидѣли приготовленные для царицы шатры. По выгону стояла и бѣгала пестрая толпа народа и русскихъ и поляковъ; ѣздили верхомъ, бѣгали пѣшкомъ; вездѣ суета, крики... Пословъ встрѣтили князь Григорій Константиновичъ Волконскій и дьякъ Андрей Ивановъ и объявили, что назначены приставами къ нимъ. Имъ привели царскихъ коней. Когда они ѣхали въ Москву, стрѣльцы стояли въ строю и отдавали имъ честь. Такъ, пріѣхавши въ столицу, они со всею посольскою свитой прибыли на посольскій дворъ.

Вслѣдъ за послами ѣхалъ обозъ Марины, а потомъ ѣхала и сама Марина. Поѣздъ переѣхалъ по тому же мосту на лодкахъ (*) и остановился у шатровъ, раскинутыхъ на зеленѣвшемъ лугу. На мосту стояло че-

(*) На дѣвичьемъ полѣ.

ловѣкъ сто барабанщиковъ и трубачей; гудѣли въ литавры, бубны, сурны. Такого рода національная музыка казалась иностранцамъ собачьимъ воемъ или кошачьимъ мяуканьемъ. Тысяча всадниковъ стояла въ строю около этихъ шатровъ. Польская нимфа, какъ называетъ ее современникъ, сѣла въ шатрѣ на богатомъ креслѣ; ее окружили ея дамы и кавалеры. Подъѣхала къ шатру великолѣпная карета; за нею верхомъ бояре и думные дворяне въ драгоцѣнныхъ нарядахъ. За каждымъ ѣхала толпа слугъ также красиво одѣтая. Они оставили конюхамъ своихъ коней, блиставшихъ серебромъ и золотомъ своихъ сбруй при яркомъ весеннемъ солнцѣ, вошли въ шатеръ и били челомъ новой государынѣ. На челѣ ихъ Мстиславскій, какъ самый важнѣйшій членъ боярской думы или сената. Всѣ приносили ей поздравленіе съ пріѣздомъ, кланялись до земли; въ заключеніе, Мстиславскій объявилъ, что его цесарское величество, ея женихъ, прислалъ за нею карету, просилъ сѣсть и ѣхать въ свою столицу. Всѣ поздравлявшіе царицу вышли изъ шатра безъ шапокъ и стояли съ порученіемъ, пока царица не сядетъ въ карету. Въ другомъ шатрѣ поздравляли съ пріѣздомъ Мнишка и подвели ему въ подарокъ коня со сбруею: чепракъ, узда, нагрудникъ, наколѣнки, стремена — все было разукрашено золотомъ, сверхъ того поднесли футляръ съ двѣнадцатью золотыми чарками и разными драгоцѣнными мелочами, цѣною, какъ говорили, на сто тысячъ злотыхъ. Царица, сопровождаемая Мстиславскимъ, сѣла въ подвезенную къ

шатру карету, запряженную двѣнадцатью бѣлыми въ яблокахъ лошадьми. Отъ шатровъ, откуда вышла царица, дорога лежала прямо къ земляному городу. До самаго города по лугу стояли рядами стрѣльцы въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ съ бѣлыми перевязями на грудя, и держали длинныя ружья съ красными ложами; далѣе, стояли въ два ряда конные стрѣльцы и дѣти боярскіе; на одной сторонѣ были съ луками и стрѣлами, на другой съ ружьями, привязанными къ сѣдламъ; они также были одѣты въ красные кафтаны. Потомъ стояло двѣсти польскихъ гусаръ, подъ начальствомъ Домарацкаго, на коняхъ съ пиками, у которыхъ древка были раскрашены красною краскою, а близъ острія были привязаны бѣлые значки. Поѣздъ долженъ былъ ѣхать между рядами этихъ воиновъ. Поляки били въ литавры и играли на духовыхъ военныхъ инструментахъ. Вступивши въ Москву, поѣздъ слѣдовалъ чрезъ Земляной городъ, потомъ въѣхалъ Никитскими воротами въ Бѣлый, оттуда въ Китай-городъ, на Лобное мѣсто, и наконецъ въ Кремль. Прежде всѣхъ ѣхали тѣ дворяне и дѣти боярскіе, которые высылаемы были на границу и три мѣсяца проводили въ нуждѣ и лишеніяхъ, дожидаясь государыни. Потомъ шли пѣшіе польскіе гайдуки или стрѣлки, числомъ триста; за плечами у нихъ были ружья, а при бокѣ сабли. Они были одѣты въ голубые жупаны съ серебряными нашивками и съ бѣлыми перьями на шапкахъ-магиркахъ: народъ былъ рослый на подборъ. Они играли на трубахъ и били въ

барабаны. За ними ѣхало двѣсти польскихъ гусаръ сендомирскаго воеводы, по десяти человѣкъ въ рядъ, на статныхъ венгерскихъ коняхъ, съ крыльями за плечами, съ позолоченными щитами, на которыхъ виднѣлись изображенія драконовъ, и съ поднятыми вверхъ копьями; на однихъ изъ этихъ копій были бѣлые, на другихъ красные значки. За ними вели, по однимъ извѣстіямъ, трехъ, по другимъ двѣнадцать лошадей, отличной породы, посланныхъ въ даръ невѣстѣ. За ними слѣдовали паны, сопровождавшіе воеводу: здѣсь были князь Вишневецкій, Тарлы, трое Стадницкихъ, (Мартинъ, Андрей и Матьяшъ), Любомирскій, Нѣмоѳвскій, Лаврины и другіе, каждый со своей ассистенціей; и каждый хотѣлъ выказаться предъ многочисленною толпою своимъ нарядомъ слугъ и убранствомъ лошадей. Сзади всѣхъ ихъ ѣхалъ верхомъ Мнишекъ въ малиновомъ кафтанѣ, опушенномъ соболемъ, въ шапкѣ съ богатымъ перомъ; шпоры и стремена были золотыя съ бирюзою. За Мнишкомъ слѣдовалъ арапъ, одѣтый по турецки. Потомъ, за отцомъ ѣхала дочь въ каретѣ, запряженной десятью лошадьми, всѣ бѣлой масти съ черными яблоками. На козлахъ не сидѣли, но каждую лошадь велъ за узду особый конюхъ, и всѣ десять конюховъ были одѣты одинаково. Карета снаружи была окрашена красною краскою съ серебряными накладками, колеса ея были позолочены, а внутри она была обита краснымъ бархатомъ. Въ ней на подушкахъ, по краямъ унизанныхъ жемчугомъ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ,

вся осыпанная каменьями и жемчугами, сидѣла Марина вдвоемъ со старостиной сохачевскою, которая помѣщалась противъ нее. Подлѣ самой кареты шло шесть лакеевъ въ зеленыхъ кабатахъ и штапахъ и въ красныхъ въ накидку плащахъ, а поодаль, по обѣимъ сторонамъ кареты, шли нѣмецкіе аллебардщики московскаго царя, и московскіе стрѣльцы. За каретой, въ которой сидѣла Марина, ѣхала другая карета, ея собственная, въ которой она прибыла изъ Польши; ее везли восемь лошадей бѣлой масти; карета была снаружи обита малиновымъ бархатомъ, а внутри краснымъ золотоглавомъ; въ ней устроены были четыре стула для сидѣнья, съ подушками. Возницы были одѣты въ жупанахъ и ферезеяхъ краснаго атласа; вся сбруя на лошадяхъ была краснаго бархата; карета была пустая. За нею слѣдовала третья карета, запряженная восемью сѣрыми лошадьми; упряжь была бархатная съ серебряною позолоченною накладкою, а возницы одѣты въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ, на которые накинуты были красныя атласныя ферезеи. Тамъ сидѣли четыре знатныя дамы (княгиня Коширская, Тарлова, Горбуртова и Казановская). За этой каретой слѣдовали два брожка (родъ коляски, съ высокимъ верхомъ), въ которыхъ тоже сидѣли дамы: одинъ, изъ рѣзнаго дерева, позолоченный, обитъ былъ краснымъ бархатомъ: возницы въ зеленыхъ атласахъ; а другой обитъ былъ чернымъ бархатомъ: возницы были одѣты въ черныя брхатныя ферезеи; каждый везли шесть лошадей. За ними ѣхало нѣсколько

каретъ, гдѣ сидѣли старушки и женская прислуга Марины. За всѣми этими каретами шла толпа московскаго народа всякаго званія, высыпавшая изъ столицы глядѣть на церемонію. Когда поѣздъ въѣхалъ на Лобное мѣсто, вся площадь пестрѣла разнообразными восточными нарядами; тутъ были и персы, и грузины, и арабы, турки и татары, которыхъ всегда можно было найти въ торговой Москвѣ; ихъ разставили нарочно для того, чтобы они увеличивали разнообразіе. Вдоль Кремля отъ Фроловскихъ до Никольскихъ воротъ играли музыканты и пѣсенники пѣли хоромъ польскую пѣсню: W każdym czasie, tak w szczęściu jako i nieszczęściu. Музыка сопровождалась боемъ въ литавры и бубны. Такъ въѣхала карета Марины въ Кремль и остановилась у Вознесенскаго монастыря. Здѣсь ей приготовлено было помѣщеніе до брака. Тамъ жила мать Димитрія, будущая ея свекровь. Слѣдовало по обычаямъ края, чтобъ невѣстка прежде пріѣхала къ ней и поселилась у новой своей матери. Инокиня Марѳа встрѣтила ее, какъ хозяйка, съ радушіемъ. Другія кареты разъѣхались по тѣмъ помѣщеніямъ, которыя были имъ отведены. Царь былъ во все продолженіе торжественнаго въѣзда въ толпѣ народа и вслѣдъ за невѣстою пріѣхалъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ имѣлъ съ ней первое свиданіе послѣ долгой разлуки.

Пріѣздъ Марины и съ нею огромной польской свиты отозвался не совсѣмъ радостнымъ впечатлѣніемъ на многихъ изъ москвичей. Поляковъ развели по квартирамъ

въ городѣ, брали для этого дома не только у гостей и торговыхъ людей, но и у дворянъ и даже у самыхъ бояръ; такъ Нагіе должны были принять гостей. Неизвѣстно, сочтено ли было это повинностью домовладѣльцевъ —службою царю, или выплачены имъ деньги, но во всякомъ случаѣ многимъ было непріятно вторженіе въ домъ людей, различныхъ по образу жизни и нравамъ, въ особенности когда изъ этихъ гостей было много наглыхъ, готовыхъ на разнаго рода своевольства и безпутства. Непріятно показалось москвичамъ, когда они увидѣли, что поляки пріѣхавшіе въ свитѣ Марины, стали вынимать изъ своихъ повозокъ ружья, пистолеты и сабли; у иного было по пяти, по шести ружей. Москвичи обращались къ нѣмцамъ и спрашивали: развѣ въ вашихъ заморскихъ земляхъ на свадьбу ѣздятъ съ оружіемъ? Шляхтичи смотрѣли съ высокомѣріемъ на русскихъ; подобно всѣмъ западнымъ иноземцамъ, они считали ихъ варварами, племенемъ ниже другихъ и по вѣрѣ и по образованію; обычаи московскіе казались для нихъ отвратительными, а на себя они смотрѣли какъ на цивилизаторовъ. Другіе иноземцы, какъ, напримѣръ, нѣмцы, въ этомъ отношеніи были сдержаннѣе и не всегда высказывали, что думали, но умѣли помолчать и притаиться. Поляки же, съ ихъ живымъ характеромъ; съ ихъ склонностью высказываться и ставить себя выше тѣхъ, съ кѣмъ имѣли дѣло, нарочно пользовались случаемъ заявлять о своемъ превосходствѣ. Въ особенности теперь это было неизбѣжно: они гордились тѣмъ, что царь на

нихъ сторонѣ, что они нѣкоторымъ образомъ дали московской землѣ царя. Еще не доѣхавъ до Москвы, на дорогѣ они заводили ссоры съ жителями: въ Можайскѣ посольскіе люди вышли покупать пиво, хотѣли заставить шинкаря взять литовскія деньги, и за это завелась такая ссора, что между московскими людьми и поляками дошло до ножей. Съ самыми послами возникло недоразумѣніе за требованія корма, и Аѳанасій Васильевъ написалъ довольно колкое письмо къ посламъ, а тѣ отвѣчали ему такимъ же, котораго смыслъ, повидимому, выражалъ мысль: мы-де не боимся твоего государя..... Тотчасъ же по въѣздѣ въ Москву поляки такъ были невоздержны въ рѣчахъ, такъ заносчивы и высокомѣрны что врагамъ царя легко было бросить въ народѣ мысль, будто въ этотъ разъ польскіе послы пріѣхали для того, что царь хочетъ отдать Литвѣ часть государства по Смоленскъ. Эти толки распространились и объ нихъ донесли царю. „Не только Смоленска — сказалъ царь въ собраніи думныхъ людей своихъ, — одной пяди земли русской я не отдамъ къ Литвѣ.“

Марина, живучи въ Вознесенскомъ монастырѣ, чувствовала себя неловко на своемъ новосельѣ. У ней не было католическаго священника; ей сказали, что не только каждый день, да и въ праздники нельзя ей слушать своей обѣдни. Ей нельзя было ѣздить даже къ отцу. Ее помѣстили въ монастырѣ на нѣсколько дней, какъ будто на затворничество, для того, чтобъ народъ думалъ, что молодая царица, пріѣхавши въ Москву

прежде всего знакомится съ православною вѣрою. Ходили толки, что она крестится въ православную вѣру. Но такъ сама Марина, какъ ея женская свита тяготилась этимъ положеніемъ: шляхтянки, пріѣхавшія съ нею, плакали, говорили, что онѣ въ неволѣ, что съ ними, Богъ знаетъ, что станется въ дикой странѣ, и бѣгали изъ монастыря въ помѣщеніе паньи старостины сохачевской слушать католическое богослуженіе, какъ единственную отраду въ своемъ злополучіи. Когда принесли Маринѣ кушать, она послала къ Димитрію сказать, что не можетъ ѣсть московскихъ яствъ. Царь тотчасъ послалъ ей польскаго повара и приказалъ отдать ему ключи отъ кладовыхъ и погребовъ. Для развлеченія царицы, царь приказалъ въ Вознесенскій монастырь входить польскимъ музыкантамъ и пѣсенникамъ; это необычное въ строѣ московской жизни нарушеніе тишины монастыря оскорбляло благочестивыхъ москвичей.

Въ воскресенье, четвертаго мая, Димитрій давалъ великолѣпный обѣдъ родственникамъ Марины въ новомъ домѣ своемъ; тамъ по обыкновенію, послѣ обѣда были танцы и музыка.

Въ понедѣльникъ, мая пятаго, Димитрій пріѣхалъ къ Маринѣ и поднесъ ей въ подарокъ шкатулку съ разными вещами; говорятъ, что тамъ было тысячъ на пятьсотъ злотыхъ. Марина не знала, что съ этимъ дѣлать, и раздаривала своимъ соотечественницамъ. Въ то-же время, онъ послалъ воеводѣ еще сто тысячъ злотыхъ и великолѣпныя сани, обитыя пестрымъ барха-

томъ съ краснымъ покрываломъ; былъ при нихъ коверъ, подбитый соболями; козлы окованы были серебромъ; оглобли увиты бархатомъ; въ сани была запряжена бѣлая лошадь, а у хомута ея висѣло сорокъ соболей. Въ этихъ саняхъ воевода долженъ былъ ѣхать во дворецъ въ день вѣнчанія. Димитрій объявилъ своей невѣстѣ, что, прежде совершенія желаннаго брака, онъ намѣренъ короновать ее на царство, такъ чтобъ она сдѣлалась царицей московскою еще будучи дѣвицей, и слѣдовательно, независимо отъ правъ по браку. Неизвѣстно, что навело его на эту мысль — честолюбіе ли Марины и отца ея подѣйствовало на царя или влюбленный до страсти юноша хотѣлъ всѣми способами проявлять свою любовь къ Маринѣ, и его сердце выдумало это.

Въ ночь со вторника на среду, Марину перевезли въ приготовленныя для нея царицыны палаты, убранныя золотными коврами и соединенныя переходами съ деревяннымъ дворцомъ царя. Выбрали для этого нарочно время ночное, чтобъ менѣе было давки. Царица проѣхала сквозь два ряда царской иноземной стражи и стрѣльцовъ; передъ ея каретою и за каретою несли зажженные факелы.

Наступилъ четвергъ, 8 мая, день, когда назначено было коронованіе Марины, а потомъ брачное вѣнчаніе. Было объявлено, что всякія работы въ городѣ прекращаются на этотъ день. Съ утра стали съѣзжаться въ Кремль всякіе начальные люди въ щегольскихъ золотныхъ нарядахъ; у кремлевскихъ входовъ заняли ка-

раулъ съ ружьями въ рукахъ стрѣльцы, одѣтые въ малиновые кафтаны. Народъ отовсюду толпами валилъ къ Кремлю. Это былъ день, когда, по обычаямъ церковнымъ, не вѣнчали; слѣдующій день былъ пятница, да еще праздникъ перенесенія мощей святаго Николая — святаго, особенно уважаемаго на Руси. Можетъ быть, патріархъ, будучи грекомъ, дозволилъ это отступленіе, потому что на востокѣ не наблюдается такъ строго, какъ на Руси, выборъ дней для брака; потомъ вѣнчаніе должно было произойти до вечерни, слѣдовательно до пятничнаго и праздничнаго богослуженія. Могло быть и то, что окружавшіе царя тайные враги, и духовные и свѣтскіе, нарочно потакали его нетерпѣливости и подстрекали его пренебречь обычаемъ, чтобъ потомъ раздражать народъ противъ него. Не смотря на это нарушеніе дня, бракосочетаніе торжественно произошло съ точнымъ сохраненіемъ всѣхъ завѣтныхъ обычаевъ старинной русской свадьбы. Были назначены всѣ чины свадебные: дружки, тысячкій, свахи. Двѣ боярыни, Мстиславская и Екатерина, жена Димитрія Шуйскаго, повели Марину; она была наряжена въ русское платье, бархатное вишневаго цвѣта съ рукавами, до того усаженное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, что трудно было различить цвѣтъ матеріи; на ногахъ у ней были сафьянные сапоги съ высокими каблуками, унизанные жемчугомъ; голова была убрана золотою съ каменьями повязкою, переплетённою съ волосами по польскому образцу. Говорили, что эта повязка стоила семьдесятъ

тысячъ рублей—большая сумма для того времени; сверху царица была закрыта фатою. Ее ввели въ столовую избу и посадили на возвышенное мѣсто; передъ нею былъ столъ съ караваемъ и сыромъ. Протопопъ со крестомъ благословилъ ее при входѣ. Когда посадили невѣсту, дали знать жениху, и Димитрій пришелъ окруженный боярами и своими свадебными чинами. Его съ обычными на свадьбѣ церемоніями посадили возлѣ невѣсты. Онъ былъ во всемъ царскомъ нарядѣ, въ царскомъ вѣнцѣ; на немъ была мантія, густо унизанная жемчугомъ и камнями по малиновому бархату. За нимъ несли скипетръ и яблоко. Прежде совершился обрядъ обрученія: новобрачные обмѣнялись кольцами. Такимъ образомъ, самъ Димитрій не призналъ достаточнымъ обрученія, совершеннаго Власьевымъ за него по обряду римско-католической церкви. Въ этой палатѣ не дозволено было находиться никому изъ поляковъ, кромѣ воеводы сендомирскаго; прочіе родственники и польскіе гости ждали въ золотой палатѣ, сидя на скамьяхъ, покрытыхъ богатыми полавочниками. По окончаніи обрученія, царя и царицу повели въ грановитую палату по пути, устланному сукномъ и бархатомъ. Самъ Мнишекъ былъ нѣсколько въ тревожномъ состояніи; дурная примѣта должна была его безпокоить: когда онъ въѣзжалъ во дворецъ въ великолѣпныхъ саняхъ, присланныхъ ему царемъ наканунѣ, вдругъ бѣлый конь, который везъ сани, упалъ. „Будетъ несчастье!“ — поговаривали тогда.

Царь сѣлъ на престолъ; скипетръ и державу дер-

жали близъ него; одинъ изъ приближенныхъ, молодой князь Курлятевъ, стоялъ съ обнаженнымъ мечомъ, и четыре рынды въ своихъ бѣлыхъ парчевыхъ платьяхъ поднимали къ верху бердыши. Подлѣ царя было пустое мѣсто. Царица остановилась. Къ ней подошелъ бояринъ и сказалъ:

„Найяснѣйшая и великая государыня цесарева и великая княгиня Марина Юрьевна всеа Руси! Божіимъ праведнымъ судомъ, за изволеніемъ найяснѣйшаго и непобѣдимаго самодержца великаго государя Димитрія Ивановича, божіею милостію цесаря и великаго князя всеа Руси и многихъ государствъ государя и обладателя, его цесарское величество изволилъ васъ, найяснѣйшую и великую государыню взяти себѣ въ цесареву, а намъ въ великую государыню; божіею милостію, ваше цесарское обрученіе совершилось нынѣ, и вамъ бы, найяснѣйшей и великой государынѣ нашей, по божіей милости и изволенію великаго государя нашего его цесарскаго величества, вступити на свой цесарскій маестатъ и быти съ нимъ, великимъ государемъ, на своихъ преславныхъ государствахъ.“

Бояринъ произносившій эту рѣчь, былъ Василій Шуйскій; онъ исправлялъ въ свадебномъ чинѣ важнѣйшее званіе тысячскаго, когда втайнѣ уже вырылъ глубокую яму подъ царственной четой. Съ довѣріемъ къ тому, кто ее рылъ, эта чета, въ упоеніи величія, не подозрѣвала, чѣмъ кончится ея короткая блестящая жизнь показа и тщеславія. Протопопъ благословилъ Марину крес-

томъ. Марина сѣла на тронное мѣсто; ее подводили подъ руки — подъ правую отецъ, а подъ лѣвую княгиня Мстиславская. Тогда велѣлъ царь позвать литовскихъ пословъ и родственниковъ панны Марины, ожидавшихъ въ золотой палатѣ. Всѣ усѣлись на своихъ мѣстахъ такимъ же порядкомъ, какъ бывало при аудіенціяхъ; но свадебные чины должны были стоять.

Между тѣмъ, въ Успенскомъ соборѣ, окольничій Колычевъ и думный дворянинъ Микулинъ устраивали чертожное мѣсто по срединѣ собора; на немъ должны были сидѣть новобрачные. Когда доложили царю, что все готово, онъ приказалъ принести знаки царскаго достоинства. Конюшій Михайло Нагой, братъ царицы Мароы, принесъ ихъ; это были: крестъ, корона и діадема. Царь цѣловалъ каждый знакъ по очереди, потомъ давалъ ихъ цѣловать царицѣ, и въ заключеніе отдали ихъ протопопу, а тотъ положилъ ихъ на блюдѣ, покрылъ пеленою, поднялъ надъ головой и понесъ въ церковь. Звонили въ колокола.

Проводивши священника въ соборъ, конюшій воротился и сказалъ, что все готово. Тогда пришли въ церковь стольники, стряпчіе, ближніе родственники воеводы и послы. Потомъ царь съ царицею пошли вмѣстѣ рука объ руку; царя по правую руку велъ сендомирскій воевода; царицу подъ лѣвую — княгиня Мстиславская. Протопопъ кропилъ передъ ними путь св. водою для предохраненія отъ порчи. По обѣимъ сторонамъ царственной четы шло по двое рындъ въ бѣлыхъ

кафтанахъ, въ высокихъ шапкахъ, съ серебряными топорами на плечахъ. За царственными особами шли поѣзжане — свадебные чины, а за ними двое бояръ несли государственные знаки: скипетръ и державное яблоко. За ними слѣдовали бояре, окольничьи и вообще думные люди, всѣ одѣтые въ золототканные кафтаны, въ высокихъ шапкахъ; за ними нѣкоторые поляки. Впускали въ церковь только знатнѣйшихъ, а изъ поляковъ, только пословъ и родственниковъ Марины. Церковь заперли. Отъ грановитой палаты до Успенскаго собора разставленные стрѣльцы и иноземные тѣлохранители берегли путь. По тогдашнему вѣрованію, боялись дурного вліянія отъ того, если кто во время вѣнчанія перейдетъ путь, по которому шли новобрачные.

Новобрачныхъ встрѣтили многолѣтіемъ. Царь приложился къ иконамъ и святымъ мощамъ; за нимъ пошла прикладываться царица, поддерживаемая воеводою и княгинею Мстиславскою; передъ нею шли дружки, за нею шли свахи; чтобъ достать до иконъ, подкладывали ей подъ ноги колодочки. Польки, не знавшія обычаевъ, соблюдаемыхъ у православныхъ, цѣловали иконы и мощи въ уста, вмѣсто того, чтобъ цѣловать въ руки. Объ этомъ пошли толки; русскіе находили тутъ оскорбленіе святыни.

По окончаніи цѣлованія образовъ и мощей царь и царица подошли къ патріарху, который сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; онъ благословилъ ихъ и самъ возвелъ на чертожное мѣсто, поставленное по срединѣ собора. На

это мѣсто вело двѣнадцать ступеней; на вершинѣ его стоялъ царскій тронъ весь золотой, персидской работы, осыпанный каменьями; передъ нимъ золотною тканью обитая колодочка. По правую сторону отъ него, стояло мѣсто для патріарха, обитое чернымъ бархатомъ а по лѣвую небольшой золотой стулъ для царицы; обитая краснымъ бархатомъ колодочка была у ней подъ ногами. Отъ всѣхъ трехъ сѣдалищъ чертожнаго мѣста протянуты были узкіе бархатные ковры, отъ государя и царицы — малиноваго цвѣта, а отъ патріарха — чернаго; по обѣимъ сторонамъ отъ этихъ трехъ ковровъ стояли скамьи, покрытыя полавочниками; на нихъ усѣлись архіереи и архимандриты. По правой сторонѣ отъ чертожнаго мѣста стали бояре и думные люди, по лѣвую боярыни. Царь говорилъ патріарху рѣчь, излагалъ, что онъ пріемлетъ супругу и желаетъ, чтобъ она была коронована царскимъ чиномъ. Патріархъ отвѣчалъ одобрительною рѣчью. Послѣ этихъ рѣчей, духовные архіерейскаго сана носили и подавали патріарху одинъ за другимъ знаки царскаго достоинства: сначала крестъ, потомъ бармы и діадему, а наконецъ корону. Патріархъ давалъ цѣловать крестъ, возложилъ на царицу руку, говорилъ молитвы, возлагалъ бармы и діадему, и, наконецъ, корону. Торжество коронаціи окончилось многолѣтіемъ, а потомъ духовныя власти, за ними бояре и боярыни, дворяне и всѣ, находившіеся въ храмѣ, поздравляли царицу. Патріархъ, во время многолѣтія и поздравленій, сидѣлъ рядомъ съ царемъ на чертожномъ

мѣстѣ. Во время сидѣнья царя съ царицею на чертожномъ мѣстѣ Димитрій приказалъ Шуйскому поправить себѣ ноги и положить одну ногу на другую, а потомъ тоже сдѣлать Маринѣ. Увидѣвъ это, послы польскіе говорили: „такого поруганія не дѣлаютъ у насъ государи и послѣднему дворянину! Благодареніе всемогущему Богу, что мы родились въ свободной землѣ, которую Богъ наградилъ правами!“

Послѣ обряда коронованія, царь и царица сошли съ чертожнаго мѣста; царь сталъ на своемъ обычномъ царскомъ мѣстѣ близъ столба, а царица въ придѣлѣ Димитрія Солунскаго со свахами и боярынями. Послѣ херувимской, царь и царица подходили къ царскимъ дверямъ. Патріархъ возложилъ на Марину Мономахову цѣпь, а потомъ въ свое время Марина была причащена святыхъ таинъ вмѣстѣ съ государемъ и помазана на царство.

Тотчасъ по окончаніи обѣдни совершилось брачное вѣнчаніе. Находившіеся въ соборѣ удалились, остались только самые знатнѣйшіе, и въ томъ числѣ паны. По окончаніи обряда, царь съ царицей выходили, и, при дверяхъ, князь Мстиславскій изъ мисы, которую держалъ казначей Головинъ, осыпалъ новобрачныхъ золотыми монетами; брали ихъ изъ мѣшка, который держалъ казенный дьякъ Меншой Булгаковъ. Это были большія португальскія монеты и малыя съ двухглавымъ орломъ, нарочно сдѣланныя для этого случая. Двое дьяковъ, любимцы царя, Афанасій Власьевъ и Богданъ Сутуповъ,

бросали ихъ въ народъ; москвичи чуть не дрались за нихъ между собою. Поляки бывшіе тутъ, хотѣли также пріобрѣсть что нибудь, но имъ, по сознаніи нѣкоторыхъ изъ свиты посольской, доставалось вмѣсто монетъ нѣсколько палочныхъ ударовъ. Только простымъ казалось позволительнымъ ловить эти деньги. Увидя стоявшихъ знатныхъ пановъ, Димитрій приказалъ бросить въ нихъ горсть червонцевъ; но паны не только не стали ихъ ловить на лету, а когда къ одному изъ нихъ случайно два червонца упали на шапку, полякъ хладнокровно сбросилъ ихъ какъ соръ.

Вышедши изъ церкви, самъ царь сказалъ посламъ: сегодня мы не можемъ пригласить васъ на пиръ; мы очень устали отъ продолжительной церемоніи, но завтра пожалуйте къ намъ къ столу." Въ самомъ дѣлѣ, въ церкви обрядъ продолжался нѣсколько часовъ, и когда вышли, уже былъ вечеръ. Сами послы и паны родственники, не привыкшіе къ долгому стоянію на ногахъ, потеряли было терпѣніе и требовали стульевъ; но Аѳанасій Власьевъ сказалъ имъ отъ имени царя, что въ церкви нельзя сидѣть; самъ царь сидѣлъ только по поводу коронованія. Не смотря на то, паны не вытерпѣли и садились, а другіе прислонялись спиною къ образамъ. Объ этомъ тотчасъ начались толки; русскіе тутъ увидали оскорбленіе церкви. Паны отправились домой, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ стольникъ и привезъ имъ множество разнородныхъ кушаньевъ и напитковъ въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ.

Новобрачныхъ повели въ столовую избу, посадили на прежнемъ мѣстѣ вдвоемъ и стали подавать кушанья. Когда подали третье кушанье, къ новобрачнымъ поднесли жареную курицу; дружко, обернувши ее скатертью, провозгласилъ, что время вести молодыхъ. Сендомирскій воевода и тысячскій Василій Шуйскій проводили ихъ до постельной комнаты. Это было уже вечеромъ. Брачный праздникъ не остался безъ зловѣщаго предзнаменованія: у царя изъ перстня на пальцѣ выпалъ дорогой камень, и не могли отыскать его.

Н. Костомаровъ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

ПОПУГАИ (*).

Попугаи — это оперенныя обезьяны. Къ этому заключенію приходитъ не только простой зритель, но его долженъ допустить и естествоиспытатель, и если ужъ сравнивать между собою животныхъ двухъ разныхъ классовъ, то едвали можно подъискать что либо удачнѣе этого сравненія. Конечно, я считаю его случайнымъ и вовсе не желаю основывать на немъ, то высокое положеніе, на которое я ставлю попугаевъ, они уже и безъ этого, сами по себѣ, имѣютъ полное право на мѣсто отведенное имъ мною.

Попугаи, — и за исключеніемъ ихъ только весьма немногія другія птицы — отличаются отъ всѣхъ прочихъ родичей того же класса, равномѣрнымъ развитіемъ орга-

---

(*) Изъ сочиненія: «Иллюстрированная жизнь животныхъ, А. Брэма», переведеннаго подъ редакціею В. Ковалевскаго. Спб. 1865.

новъ чувствъ. Ни одно чувство у нихъ не заброшено, ни одно не развито чрезмѣрно на счетъ всѣхъ остальныхъ. Соколъ отличается преимущественно своимъ зрѣніемъ, превосходящимъ всѣ другія чувства; сова, тѣмъ же чувствомъ и кромѣ того хорошо развитымъ слухомъ; воронъ, своимъ тонкимъ обоняніемъ; утка, по всей вѣроятности, разборчивымъ вкусомъ; дятелъ своимъ осязаніемъ, многія другія птицы своею способностью къ ощущенію. Попугай, напротивъ того, видитъ, слышитъ, обоняетъ, ощущаетъ вкусъ и осязаетъ почти одинаково хорошо. Зрѣніе и слухъ его, конечно не нуждаются въ доказательствахъ; развитіе же другихъ чувствъ доказывается чиханіемъ, въ случаѣ если ему попадаетъ въ носъ дымъ; превосходнымъ знаніемъ всѣхъ вкусныхъ лѣсныхъ плодовъ, наблюденіемъ вкушающаго животнаго и наконецъ легкимъ прикосновеніемъ къ перьямъ. Всего за нѣсколько часовъ до написанія этихъ строкъ, я опять и вполнѣ убѣдился въ этой общности чувствъ попугая; положительно нѣтъ никакой возможности отрицать ее.

Но, по моему, еще меньше подлежитъ спору, чисто умственное развитіе попугая. Именно умъ его, а нисколько не ловкость или видъ, породили сравненіе съ обезьянами. Мы узнаемъ въ попугаѣ обезьяну, только тогда, когда познакомимся съ его умственными способностями. Попугай перенесъ, въ свою птичью форму, всѣ добродѣтели и пороки обезьянъ, всѣ хорошія и дурныя стороны ихъ, миловидность и пакость. Это самая умная птица, которую мы только знаемъ, но все же остается

обезьяной, — взбалмошной и вздорной. Въ настоящую минуту, это самое милое, самое пріятное существо, въ слѣдующую за тѣмъ — самое невыносимое созданіе. Попугай понятливъ, остороженъ и разсудителенъ, предусмотрителенъ и хитеръ; различаетъ онъ чрезвычайно умно, обладаетъ превосходною памятью и поэтому въ высокой степени способенъ къ обученію и образованію; онъ самосознателенъ, гордъ и храбръ; привязывается сильно и любитъ нѣкоторыхъ пріятныхъ ему лицъ безъ памяти, до гроба; онъ благодаренъ, сознательно благодаренъ, даетъ воспитать себя, становясь подобно обезьянѣ вѣжливымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ злобенъ, хитеръ, предательски золъ, никогда не забываетъ нанесенной ему обиды, точно также какъ и услуги; жестокъ, немилосерденъ къ слабѣйшимъ, за небольшими исключеніями, совершенно безчувственъ къ угнетеннымъ и несчастнымъ, точно обезьяна. Характеръ его есть смѣсь всевозможныхъ качествъ и пороковъ. Подобную разносторонность нельзя упускать изъ виду, она составляетъ явное доказательство высокаго умственнаго развитія.

Нечего и говорить, что, обладая подобными способностями, птица умѣетъ отлично пользоваться ими. Попугаевъ отодвинули на задній планъ, относительно другихъ птицъ потому, что они лишены той подвижности, которую обнаруживаютъ нѣкоторые изъ нихъ. Безъ всякаго сомнѣнія соколъ летаетъ быстрѣе, дятелъ лазаетъ ловчѣе, курица бѣгаетъ скорѣе, утка плаваетъ

лучше нежели попугай. Но вѣдь тѣже недостатки можно пожалуй найдти и въ человѣкѣ!

На самомъ же дѣлѣ, попугаи принадлежатъ къ очень подвижнымъ животнымъ. Большіе виды взлетаютъ нѣсколько тяжело, но затѣмъ продолжаютъ свой полетъ очень быстро. Маленькіе виды летаютъ восхитительно, такъ хорошо, что я даже утѣшился въ потерѣ одного волнистаго попугая, увидя какъ онъ летитъ, — точно соколъ или ласточка пустился онъ по воздуху и улетѣлъ. „Арары, говоритъ принцъ Видъ, летятъ медленно, тяжело бьютъ по воздуху крыльями, а длинный хвостъ тянется горизонтально позади; маракапосы и перекитты же летаютъ чрезвычайно быстро, сильно бьютъ крыльями и точно стрѣла несутся по воздуху. Собственно попугаи летаютъ довольно медленно и быстро бьютъ по воздуху своими короткими крыльями, съ тѣмъ, чтобы подвинуть впередъ свое тяжелое тѣло“. Многіе попугаи повидимому чувствуютъ себя неловко на землѣ и ковыляютъ по ней больше нежели ходятъ; однако существуютъ другіе — земляные попугаи, которые бѣгаютъ также быстро, какъ цапли; австралійскихъ земляныхъ попугаевъ сравниваютъ съ куликами, а Гульдъ говоритъ объ травяномъ попугаѣ, что онъ бѣгаетъ по землѣ точно сивка! Прыгать между сучками попугаю не совсѣмъ то удобно, однако онъ лазяетъ чрезвычайно ловко по вѣтвямъ. Большія разстоянія они перелетаютъ, меньшія перелѣзаютъ и притомъ довольно быстро, какъ бы ни казались неловкими при этомъ нѣкоторые виды. Они

пускаютъ при этомъ въ дѣло не только ноги, но и клювъ, другія же птицы однѣ только ноги — различіе чрезвычайно важное. Плаваютъ конечно они не лучше курицы или дрозда, а нырять не могутъ вовсе; однако нѣтъ сомнѣнія, что они умѣютъ удачно пускать въ дѣло всѣ свои органы и притомъ даже гораздо полнѣе, нежели прочія птицы, въ особенности ноги. Нога эта превращается у попугая въ совершенную руку и они употребляютъ ее точно руку. Клювъ, заступающій у птицъ мѣсто руки, у попугаевъ гораздо подвижнѣе, нежели у какихъ либо другихъ представителей этого класса и употребляется ими съ гораздо большимъ умѣньемъ. Употребленіе его, какъ орудія лазанья, свойственно почти исключительно попугаямъ, и на основаніи подобнаго же употребленія клюва клеста часто называютъ сосновымъ попугаемъ.

Голосъ попугаевъ силенъ, часто непріятно крикливъ, однако не лишенъ совершенно всякой мелодичности; онъ очень гибокъ и очень выразителенъ. Нѣкоторые виды, какъ напр. волнистый попугай, поетъ своей самкѣ такую милую пѣсенку, что его, по голосу, можно просто причислить къ пѣвчимъ, не будь онъ попугаемъ; другіе виды выучиваются насвистывать разныя пѣсни съ такою чистотою, что могутъ пристыдить любого снигиря. Способность попугаевъ подражать человѣческимъ звукамъ и словамъ извѣстна; они превосходятъ въ этомъ отношеніи всѣхъ прочихъ животныхъ и достигаютъ на этомъ поприщѣ удивительныхъ, невѣроятныхъ результатовъ;

опи не болтаютъ безъ толку, они говорятъ; они знаютъ, что они выражаютъ словами!

Безполезно было бы присовокуплять къ вышесказанному еще что либо, чтобы удержать за попугаями то мѣсто въ системѣ, которое принимается нами. Попугаи и по своему положенію суть обезьяны между птицами, т. е. самые человѣкоподобныя и высокостоящія изъ всѣхъ. Имъ прилично только одно мѣсто, они должны стоять во главѣ своего класса.

Попугаи населяютъ, за исключеніемъ Европы, всѣ страны свѣта и водятся преимущественно подъ тропиками.

Живутъ они обыкновенно въ лѣсахъ, хотя и не исключительно въ нихъ однихъ, потому что нѣкоторые виды населяютъ совершенно безлѣсныя равнины и степи, другіе же встрѣчаются па вершинахъ Андовъ гораздо выше пояса лѣсовъ, попадаясь даже на 11,000 футовъ надъ поверхностью моря. Меня поразило, въ сѣверовосточной Африкѣ, то обстоятельство, что попугаи живутъ почти исключительно тамъ, гдѣ живутъ обезьяны, и что на нихъ, до извѣстной степени, можно смотрѣть, какъ на неразлучныхъ спутниковъ. Но чѣмъ разнообразнѣе и больше лѣса, т. е. чѣмъ богаче растительность, тѣмъ чаще попадаются попугаи. „Попугаи, говоритъ принцъ Видъ, составляютъ въ тропическихъ лѣсахъ большую, мнѣ кажется даже бо̀льшую, часть опереннаго творенія“. Тоже самое можно сказать объ Австраліи, многихъ мѣстностяхъ Индіи и отчасти также объ

Африкѣ. Они попадаются здѣсь также часто, какъ вороны или воробьи въ нашихъ странахъ.

Они умѣютъ обратить на себя вниманіе человѣка. Они украшаютъ лѣса и наполняютъ ихъ своимъ крикомъ. „Попугаи, говоритъ принцъ Видъ, украшаютъ своими роскошно-яркими цвѣтами темную зелень тропическихъ лѣсовъ". — „Невозможно, говоритъ Гульдъ, описать всю прелесть того впечатлѣнія, которое производятъ стада яркоокрашенныхъ красныхъ попугаевъ, когда они перелетываютъ по серебрянно-лиственнымъ акаціямъ Австраліи. Ихъ чудный цвѣтъ выступаетъ необыкновенно ясно на окружающемъ бѣломъ фонѣ". „Какаду, говоритъ Митчель, превращаютъ высоты, на которыхъ они живутъ, въ самыя роскошныя и восхитительныя мѣстности". Одюбонъ сообщаетъ, что они часто такъ густо покрываютъ вѣтви деревьевъ, какъ только можно себѣ представить. — „По утрамъ и вечерамъ, сообщаетъ Шомбургъ, можно видѣть, огромныя стада попугаевъ, летающими съ страшнымъ крикомъ очень высоко надъ землею. Однажды, послѣ обѣда, мнѣ случилось видѣть, какъ на прибрежное дерево опустилось такое огромное стадо, что вѣтви наклонялись до самой воды отъ тяжести насѣвшихъ на нихъ птицъ». — „Нужно самому пожить въ этихъ странахъ, въ особенности въ горячихъ долинахъ Андовъ, говоритъ Гумбольдтъ, чтобы повѣрить тому, что часто крикъ этихъ птицъ совершенно заглушаетъ ревъ горныхъ потоковъ, падающихъ со скалы на скалу". Да и чтобы были эти

чудные тропическіе лѣса безъ нихъ? Мертвые волшебные сады, мѣста мертваго покоя и запустѣнія. Попугаи, одни только они, вызываютъ ихъ изъ этого мертваго сна, они одни умѣютъ съ одинаковымъ интересомъ занять слухъ и зрѣніе наблюдателя.

Исключая времени спариванья, попугаи живутъ обществами, или по крайней мѣрѣ чрезвычайно большими стадами. Они избираютъ себѣ на жительство извѣстную мѣстность лѣса и облетаютъ ежедневно довольно большое пространство его. Общество живетъ между собою очень дружно и дѣлитъ по ровну все горе и радости. Они всѣ одновременно оставляютъ раннимъ утромъ мѣсто ночевки, садятся всѣ вмѣстѣ на одно и тоже дерево или поле, чтобы питаться плодами его, выставляютъ сторожей, заботящихся о безопасности всей общины, повинуются ихъ предостерегающему крику, всѣ вдругъ, или вскорѣ другъ за другомъ, пускаются въ бѣгство; въ случаѣ опасности не оставляютъ другъ друга, а напротивъ стараются защититься общими силами, слетаются вмѣстѣ на общую ночевку и пользуются ею, на сколько возможно сообща и даже, если только есть возможность, высиживаютъ яйца въ обществѣ.

«Уже при первыхъ лучахъ яркаго тропическаго солнца, говоритъ принцъ Видъ, они поднимаются со своего ночнаго ложа, осушаютъ крылья, сильно вымоченныя ночной росою, съ громкими криками и шалостями перелетываютъ надъ лѣсомъ, а наконецъ собираются вмѣстѣ и улетаютъ за пищею. Вечеромъ они

непремѣнно опять возвращаются на старое мѣсто». Чуди тоже наблюдалъ въ Перу ежедневныя странствованія попугаевъ и сообщаетъ, что одинъ изъ тамошнихъ видовъ, за ту правильность, съ которою онъ слетаетъ съ горъ и опять возвращается къ нимъ, называется въ народѣ — поденщикомъ.

Ле-Вальянъ замѣтилъ, что попугаи, живущіе въ юго-восточной Африкѣ, вылетаютъ утромъ небольшими стаями за пищею, около полудня купаются, во время полуденнаго зноя прячутся въ тѣнь густыхъ вѣтвей, къ вечеру опять разсѣеваются, затѣмъ вновь купаются, а послѣ собираются на ночевку на тѣ же мѣста, которыя покинули утромъ.

Мѣсто ночевки весьма различно, — это или густая верхушка дерева, или скала съ маленькими углубленіями, или дупло. Послѣднее обыкновенно предпочитается попугаями. „Для почлега, говоритъ Одюбонъ, попугаи выбираютъ обыкновенно дупло дерева, или углубленія, сдѣланныя для помѣщенія гнѣзда, большими породами дятловъ, если они только не заняты своими законными хозяевами. Въ сумерки можно часто видѣть, какъ большія стада попугаевъ вьются вокругъ старыхъ сикоморъ и тому подобныхъ деревьевъ. Птицы прицѣпляются сначала вокругъ самаго входа въ дупло и затѣмъ, одна за другой, проскальзываютъ внутрь, чтобы провести тамъ ночь; если мѣста для всѣхъ не хватаетъ, то остальные привѣшиваются у входа, ухватившись когтями и клювомъ за кору. Издали, на первый взглядъ, ка-

жется точно вся тяжесть тѣла удерживается однимъ клювомъ, но я, для своего успокоенія, наблюдалъ въ подзорную трубку и убѣдился въ противномъ“. — Я самъ тоже не разъ видѣлъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ, какъ попугаи въ сумерки влѣзали въ пустыя дупла, и такъ правильно встрѣчалъ ихъ по вечерамъ на издырявленныхъ адансоніяхъ, что вполнѣ вѣрю въ эту ночевку на манеръ дятловъ. Лайярдъ сообщаетъ, что въ Индіи попугай съ ошейникомъ спитъ обыкновенно въ густомъ бамбукѣ. „Всѣ попугаи, щурки и вороны, съ нѣсколькихъ миль въ окружности, ночуютъ общественно въ густыхъ бамбуковыхъ заросляхъ, и глухой шумъ, раздающійся тамъ отъ заката солнца до тѣхъ поръ пока не стемнѣетъ, и отъ появленія первой свѣтлой полосы на востокѣ, до тѣхъ поръ пока солнце не поднимется довольно высоко на небѣ, похожъ нѣсколько на шумъ нѣсколькихъ паровыхъ машинъ. Многія стада возвращаются на ночлегъ только позднимъ вечеромъ и летятъ при этомъ такъ низко надъ землею, что едва минуютъ разныя естественныя препятствія,— да и то не всегда, потому что нѣсколько ночей сряду мы находили на землѣ мертвыхъ попугаевъ, которые убивались до смерти, ударившись на лету объ стѣны и другіе твердые предметы.

Чрезвычайно живое описаніе нравовъ и поведенія попугаевъ на такомъ ночлегѣ, даетъ намъ Лайярдъ, наблюдавшій весьма многочисленнаго на Цейлонѣ Александровскаго попугая. „Въ Чилау, мнѣ случалось

видать на кокосовыхъ деревьяхъ, окружающихъ рынокъ, такія огромныя стада попугаевъ, что производимый ими шумъ совершенно заглушалъ вавилонское смѣшеніе языковъ вопящихъ продавцевъ. Мнѣ разсказывали не разъ объ огромныхъ стадахъ, прилетавшихъ сюда на ночевку и, однажды вечеромъ, я сталъ на сосѣдній мостъ, чтобы пересчитать стада, пролетающія въ одномъ только направленіи. Прилетъ начался около четырехъ часовъ послѣ обѣда; небольшія кучки стали возвращаться домой; за ними слѣдовали большія и чрезъ полчаса прилетъ былъ въ полномъ разгарѣ. Я вскорѣ увидѣлъ, что нѣтъ никакой возможности сосчитать стада, всѣ они соединились въ одинъ непрерывный и шумный потокъ. Многія летѣли въ вышинѣ, до самой верхушки деревьевъ, и оттуда прямо бросались, дѣлая разные повороты и изгибы, въ густую верхушку; другія летѣли надъ самой землею, такъ низко, что почти задѣвали меня своими крыльями. Они пролетали мимо съ быстротою молніи и ихъ блестящія перья чудно освѣщались заходящими лучами солнца. Я простоялъ на мосту до поздней ночи, и, не видя уже за темнотою рѣшительно ничего, слышалъ еще долго перелетъ возвращавшихся птицъ. Я выстрѣлилъ, попугаи поднялись съ шумомъ, похожимъ на шумъ сильнаго вѣтра, потомъ опять усѣлись и начался такой гамъ, котораго я никогда не забуду. Рѣзкіе крики птицъ, шумъ ихъ крыльевъ вмѣстѣ съ шелестомъ пальмовыхъ листьевъ, были до того оглушительны, что я былъ душевно радъ,

когда наконецъ мнѣ удалось добраться до своей квартиры“.

Рядомъ съ хорошимъ мѣстомъ ночлега, одну изъ главныхъ потребностей попугаевъ составляютъ густыя верхушки деревьевъ, и притомъ не столько для защиты отъ непогоды, сколько для укрывательства. Во всякомъ случаѣ, они больше всего любятъ теплоту, хотя и не боятся прохлады и даже, по крайней мѣрѣ по временамъ, мокроты. „Во время страшныхъ тропическихъ непогодъ, затемняющихъ иногда воздухъ, сообщаетъ принцъ Видъ, можно часто видѣть, какъ на засохшихъ сучкахъ деревьевъ сидятъ попугаи и весело кричатъ, между тѣмъ какъ вода льетъ съ нихъ ручьями. Несмотря на то, что по близости есть и густая зелень и толстыя сучья, они предпочитаютъ теплый дождь и, повидимому, какъ бы наслаждаются имъ. Какъ только дождь оканчивается они стараются однакоже тотчасъ высушить свои промокшія перья“. Совершенно иначе въ хорошую погоду, — тогда они рѣшительно предпочитаютъ самыя густыя деревья, съ тѣмъ чтобы защититься отъ палящихъ лучей солнца, или съ тѣмъ, чтобы просто спрятаться. Почуявъ какую либо опасность, они всегда прибѣгаютъ къ послѣднему, особенно зеленые попугаи, зная какою надеждною защитою служатъ имъ зеленые древесные листья. На такомъ деревѣ чрезвычайно трудно разглядѣть попугаевъ; знаешь навѣрное, что ихъ сидитъ тутъ штукъ пятьдесятъ, а между тѣмъ не видно ни одного. Скрываясь отъ врага они не только

пользуются своимъ цвѣтомъ, но пускаютъ въ дѣло и свойственную всѣмъ попугаямъ хитрость. Одинъ изъ сторожей замѣтилъ во время приближающагося непріятеля, онъ даетъ знакъ и все общество вдругъ замолкаетъ и укрывается въ чащу, гдѣ, помогая себѣ клювомъ и ногами, старается перебраться на противуположную сторону дерева и неслышно улетаетъ, подавая голосъ только тогда, когда всѣ уже удалятся на сотню шаговъ отъ врага, больше кажется изъ насмѣшки надъ нимъ, нежели для того, чтобы предостеречь другихъ. Подобныя выходки они особенно любятъ выкидывать въ томъ случаѣ, когда все общество собралось на дерево съ цѣлью пообѣдать, такъ какъ и вообще всѣ свои воровскія нападки они исполняютъ съ чрезвычайною ловкостью и осторожностью.

Пища попугаевъ состоитъ преимущественно изъ плодовъ и сѣмянъ. Многіе Лорисы однако питаются почти исключительно сокомъ цвѣтовъ, цвѣточною пылью и можетъ быть также насѣкомыми, сидящими въ чашечкѣ цвѣтовъ; арары и перекиты рядомъ съ плодами и зернами ѣдятъ также почки и цвѣты, а нѣкоторыя какаду съ жадностью нападаютъ на гусеницъ, червей и т. п. Вообще весьма вѣроятно, что большіе виды этого порядка истребляютъ гораздо больше животной пищи, нежели мы обыкновенно думаемъ; по крайней мѣрѣ въ пользу этого говоритъ кровожадность нѣкоторыхъ попугаевъ, точно также какъ и жадность, съ которою нѣкоторые виды, содержащіеся въ клѣткахъ, нападаютъ

на мясную пищу, какъ только сколько нибудь привыкнуть къ ней. Попугаи, жившіе у меня, часто нападали на другихъ птицъ того же вида, пробивали имъ черепъ и вынимали мозгъ — съѣдали ли они его или нѣтъ, этого я не могу припомнить. Другой попугай, жившій то внѣ клѣтки, то внутри ея, какъ мнѣ разсказывалъ хозяинъ его, любилъ въ особенности заманивать молодыхъ воробьевъ и вообще недавно вышедшихъ изъ гнѣзда птицъ, ловилъ ихъ, тщательно ощипывалъ перья, начиналъ ѣсть и тотчасъ же выбрасывалъ. Конечно, онъ былъ пріученъ ко всевозможной пищѣ. Какъ бы тамъ ни было, однако несомнѣнно, что главною пищею почти для всѣхъ попугаевъ все-таки остается растительная.

Въ высшей степени интересно наблюдать попугаевъ во время ихъ воровскихъ нападокъ на плодовыя деревья и поля. При этомъ, точно также какъ и вообще, своимъ образомъ жизни и ухватками они сильно напоминаютъ обезьянъ. Хитрость и ловкость, съ которою они выполняютъ свои воровскія продѣлки, поражаетъ всякаго наблюдателя. Дерево, покрытое зрѣлыми плодами, или видъ богатаго поля издалека приманиваетъ ихъ. „Нѣкоторые лакомые плоды, говоритъ Принцъ Видъ, приманиваютъ робкихъ арара изъ глубины лѣсовъ на самую опушку“. Гульдъ встрѣчалъ лорикитовъ, съ кисточкообразнымъ языкомъ, исключительно на эвкалиптахъ (ершепакъ), цвѣтки которыхъ доставляютъ имъ обильную пищу; изслѣдователь этотъ

никогда не замѣчалъ ихъ на другихъ деревьяхъ. Всѣ большіе виды чрезвычайно осторожны при отыскиваніи пищи и даже въ лѣсу ведутъ себя такимъ образомъ, точно они на воровской экспедиціи. Пёппигъ сообщаетъ, «что стада большихъ, золотисто-зеленыхъ арара Андовъ охотно садятся на красное безсмертное дерево и на желтыя тахіи, цвѣтками которыхъ они питаются. Крикъ ихъ ужасенъ, однако они очень хорошо понимаютъ всю опасность этой скверной привычки, въ особенности при нападеніи на зрѣющее маисовое поле. Каждый удерживаетъ въ этомъ случаѣ свое пристрастіе къ крику и слышно только одно подавленное ворчаніе, а между тѣмъ дѣло разрушенія быстро подвигается впередъ. Не легко удается охотнику или ожесточенному индѣйцу подкрасться къ хитрымъ врагамъ, такъ какъ на самыхъ высокихъ деревьяхъ всегда выставлена пара стариковъ въ видѣ сторожей. На первое предостереженіе воры отвѣчаютъ полуподавленнымъ звукомъ, а при второмъ все стадо улетаетъ съ оглушительнымъ крикомъ, „съ тѣмъ, чтобы по удаленіи непріятеля, вновь приняться за дѣло“. Шомбургъ подтверждаетъ это извѣстіе своимъ личнымъ наблюденіемъ, прибавляя, что присутствіе цѣлой толпы грабителей можно узнать только по шелесту, производимому падающей шелухой, которая, попадая на широкіе листья растеній, производитъ шумъ, слышный довольно далеко. Ле-Вальянъ тоже говоритъ о внезапномъ умолканіи большихъ стадъ попугаевъ, при появленіи какого пи-

будь подозрительнаго лица. „Они до того притихаютъ, говоритъ онъ, что не слышно ни малѣйшаго шороха, хотя бы ихъ сидѣли цѣлыя тысячи; но если вдругъ, случайно раздастся выстрѣлъ, все стадо съ громкими криками поднимается на воздухъ“. Впрочемъ они ведутъ себя совершенно иначе тамъ, гдѣ они узнаютъ, что люди не трогаютъ ихъ, причемъ становятся совершенно невыносимыми. Въ Индіи, по Іордану, они не только смѣло влетаютъ въ города, но даже садятся на крыши домовъ и грабятъ отсюда, по всей вѣроятности, поля и сады.

Опустошенія, производимыя попугаями въ садахъ и поляхъ, достигаютъ значительныхъ размѣровъ и вызываютъ человѣка на усиленное противудѣйствіе. „Они, въ особенности большіе арары, говоритъ принцъ, раскалываютъ своимъ громаднымъ, сильнымъ и подвижнымъ клювомъ самые твердые плоды и орѣхи“; точно съ такою-же ловкостью съѣдаютъ они самый скользкій плодъ и самое маленькое зернышко. Бороздки верхней половины клюва даютъ имъ возможность удерживать самыя гладкія или маленькія зерна, а подвижной языкъ служитъ самымъ лучшимъ помощникомъ. Въ одно мгновеніе разгрызается орѣхъ, вымолачивается колосъ, вышелушивается зерно. Въ случаѣ недостачи одного клюва, призывается на помощь нога, и лапою они чрезвычайно ловко подносятъ пищу ко рту. Подобно обезьянамъ они портятъ больше, нежели съѣдаютъ. Огромныя стада ихъ, нападающія общими силами на поля и плодовыя де-

ревья, наѣдаются тамъ на сколько возможно, но обламываютъ и портятъ еще больше, уносятъ иногда нѣсколько колосьевъ съ собою, чтобы, усѣвшись гдѣ нибудь на дерево, съ большей безопасностью и комфортомъ скушать ихъ. Появляясь въ садахъ они тщательно изслѣдуютъ каждое дерево, обвѣшанное плодами, срываютъ съ него какой либо фруктъ, и если онъ не вполнѣ удовлетворяетъ этихъ лакомокъ, бросаютъ его на землю и срываютъ другой. Во время ѣды они лазяютъ обыкновенно снизу вверхъ; достигши-же самой верхушки перелетаютъ плавно, едва шевеля крыльями, на другое дерево, начиная тамъ тоже опустошеніе. Въ Сѣверной Америкѣ и Чили, они нападаютъ на плодовыя деревья, даже въ томъ случаѣ, когда плоды еще не созрѣли, только съ цѣлью добыть молочныя зерна;—можно себѣ представить сколько при этомъ истребляется плодовъ. По словамъ Одюбона, они очень любятъ стоящіе на поляхъ стога. Они усаживаются или прицѣпляются снаружи, вытаскиваютъ клювомъ колосья изъ снопов, значительно облегчая молотьбу крестьянину. Одни оказываютъ предпочтеніе однимъ, другіе другимъ садовымъ или полевымъ плодамъ, такъ что все насаждаемое человѣкомъ подвергается ихъ нападенію, слѣдовательно объ общей дружбѣ обоихъ и думать нечего.

Пообѣдавши, попугаи отправляются пить или купаться. Пьютъ они, по Одюбону и Шомбургу, даже соленую или полусоленую воду. Кромѣ случайныхъ дождевыхъ ваннъ, они купаются даже въ лужахъ, при

чемъ, по словамъ Ле-Вальяна, полощатся такъ, что брызжутъ на себя каплями точно дождемъ. По наблюденіямъ Одюбона, они также охотно купаются въ пескѣ, подобно курамъ, и залѣзаютъ даже съ этою цѣлью въ норы большихъ зимородковъ. Отыскиваютъ себѣ соляныя земли и постоянно прилетаютъ къ солончакамъ въ лѣсахъ.

Размноженіе попугаевъ совершается въ мѣсяцы, соотвѣтствующіе нашей ранней веснѣ. Большіе виды выводятъ, какъ кажется, только однажды въ году и кладутъ только два яйца; австралійскіе-же травяные попугаи и другіе широкохвостые вообще, значительно уклоняются отъ этого правила; они кладутъ обыкновенно отъ трехъ до четырехъ, а нѣкоторые даже отъ шести до девяти яицъ и выводятъ дѣтей два или три раза въ году; покрайней мѣрѣ это можно заключить изъ наблюденій надъ заключенными. Настоящіе попугаи и какаду кладутъ обыкновенно также болѣе одного яйца, но выводятъ дѣтей только однажды въ годъ; яйца всегда бѣлаго цвѣта, гладкія и кругловатыя.

Древесныя дупла составляютъ любимыя, но нисколько не исключительныя гнѣздовья попугаевъ. Нѣкоторые американскіе виды высиживаютъ яйца въ расщелинахъ скалъ; индѣйскіе попугаи, по Іордану, часто въ старыхъ домахъ, пагодахъ, гробницахъ и т. д.; земляные попугаи кладутъ свои яйца на голую землю. Одюбонъ увѣряетъ, что многія самки кладутъ яйца въ одно общее гнѣздо, по моему это едвали вѣрно. Въ этомъ

увѣренія есть та доля правды, что попугаи гнѣздятся охотно большими обществами и даже громадными стадами. Уже Молина разсказываетъ о многочисленныхъ поселеніяхъ попугаевъ въ Чили; Пеппигъ описываетъ по всей вѣроятности, тотъ-же видъ, нѣсколько подробнѣе. «Всякаго непривычнаго, говоритъ онъ, поселенія эти поразятъ чрезвычайно. Послѣ долгаго перехода усталый путешественникъ приближается около полудня къ отвѣсной скалѣ, и конечно считаетъ себя совершенно одинокимъ; вокругъ него царствуетъ самая глубокая тишина, указывающая въ знойныхъ частяхъ Америки на наступленіе полудня, когда большая часть животныхъ засыпаетъ. Со всѣхъ сторонъ слышится только какое-то странное ворчаніе, однако наблюдатель напрасно озирается вокругъ себя, чтобы угадать причину его. Вдругъ раздается предупредительный крикъ сторожеваго попугая, на него отвѣчаютъ множество другихъ и, прежде чѣмъ успѣетъ понять въ чемъ дѣло, васъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ стада крикливыхъ птицъ, которыя съ видимою злобою описываютъ небольшіе круги надъ головою врага, какъ будто угрожая нападеніемъ. Изъ множества отверстій въ рыхлой скалѣ выглядываютъ, довольно комично, круглыя головы попугаевъ, и тѣ, которые не участвуютъ въ общей суматохѣ, выражаютъ свое сочувствіе громкими криками. Каждое отверстіе указываетъ на гнѣздо, выкапываемое въ глинистыхъ сланцахъ отвѣснаго обрыва и часто подобныхъ отверстій можно насчитать цѣлыя сотни. Гнѣзда эти всегда

устроены такимъ образомъ, что къ нимъ никакъ не можетъ подойти какой нибудь хищникъ, ни снизу, ни сверху. Подобныя общества не могутъ собираться въ лѣсу, такъ какъ въ немъ построеніе гнѣздъ становится уже гораздо труднѣе. Въ лѣсу, отъискиваются преимущественно старыя деревья со многими дуплами — въ средней Африкѣ, въ особенности Адансоніи, попугаи гнѣздятся даже и въ томъ случаѣ, если подобныя деревья стоятъ внѣ лѣса. Такъ я встрѣтилъ однажды въ Кордофанской степи уединенную группу хлѣбныхъ деревьевъ, населенныхъ попугаями, хотя зеленые листья не успѣли еще развернуться. Не будь въ этихъ деревьяхъ такого множества отверстій и пустотъ, они бы никогда не привлекли къ себѣ попугаевъ.

Не всегда, однако, находятъ попугаи удобное дерево, выдолбленное ловкимъ дятломъ или приготовленное самою природою; довольно часто случается, что имъ самимъ приходится приготовлять жилище для будущаго поколѣнія. Въ этихъ-то случаяхъ вполнѣ проявляется разносторонняя пригодность ихъ клюва. При помощи его, попугай, и при томъ преимущественно, хотя и не исключительно, самка, проламываетъ небольшое отверстіе въ деревѣ, пока не достигнетъ мягкой, гнилой сердцевины. Попугай ведетъ себя при этомъ чрезвычайно ловко, онъ прицѣпляется, подобно дятлу, къ корѣ и не столько рѣжетъ, сколько грызетъ клювомъ одну щепочку за другою, до тѣхъ поръ, пока не устроитъ себѣ жилища. Это продолжается часто цѣлыя недѣли, но съ

выдержкой и терпѣніемъ цѣль обыкновенно достигается. Впрочемъ главное дѣло здѣсь отверстіе, гнѣздо вещь уже второстепенная. Нѣсколько щепочекъ на днѣ, вотъ все что нужно для складки яицъ, и даже весьма несовершенное отверстіе вполнѣ удовлетворяетъ скромнымъ потребностямъ попугая. «Вотъ тамъ, на бѣломъ стволѣ пальмы, говоритъ Пеппигъ, видѣнъ прелестный хвостъ изъ голубыхъ перьевъ; онъ указываетъ на присутствіе желтаго арара, который работаетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ, чтобы расширить сдѣланное дятломъ отверстіе въ гнѣздо для себя, изъ котораго однако, при самомъ высиживаніи, все-таки вывѣшивается наружу его аршинное украшеніе».

Оба родителя приносятъ птенцамъ пищу и кормятъ ихъ, даже нѣкоторое время послѣ выхода изъ гнѣзда. Пища, если она состоитъ изъ зеренъ, размягчается предварительно въ зобу стариковъ и за тѣмъ кладется прямо въ клювъ птенца. Шомбургъ замѣтилъ, что пара попугаевъ, гнѣздившихся въ лѣсу по близости его палатки, кормила своихъ птенцовъ только два раза въ день, именно въ одинадцать часовъ передъ обѣдомъ и въ пять часовъ послѣ обѣда. «Прилетѣвъ, родители садились на сукъ не въ далекѣ отъ отверстія и если замѣчали, что за ними наблюдали, то продолжали сидѣть не двигаясь съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока не представлялось удобнаго случая проскользнуть незамѣтнымъ образомъ въ отверстіе». Родители выказываютъ множество самыхъ нѣжныхъ заботъ о благосостояніи сво-

его потомства; они съ самоотверженіемъ защищаютъ ихъ въ случаѣ угрожающей опасности, даже въ неволѣ и отъ любимыхъ ими сторожей. Нѣкоторые виды привязываются съ тою же нѣжностью, какъ къ своимъ собственнымъ дѣтямъ, къ чужимъ сиротамъ и при томъ не только своего собственнаго вида, но даже совершенно постороннихъ. Вотъ что разсказываетъ въ этомъ отношеніи Куниггамъ: «Докторъ корабля Тритонъ, нашъ спутникъ между Австраліей и Англіей, имѣлъ одного голубаго горнаго попугая и другаго, чрезвычайно красиваго, гораздо меньшей породы и притомъ вынутаго изъ гнѣзда въ такомъ состояніи, что онъ совсѣмъ не могъ еще питаться безъ посторонней помощи. Старшій попугай взялся за его кормленіе, заботился о всѣхъ его потребностяхъ и чрезвычайно нѣжно охранялъ его. Взаимная дружба птицъ повидимому все возрастала; они проводили большую часть дня въ любезностяхъ, цѣловались клювами и старикъ самымъ нѣжнымъ образомъ распростиралъ свои крылья надъ маленькимъ птенцомъ. Однако, подъ конецъ, ихъ взаимныя дружескія изліянія стали до того громкими, что сочли нужнымъ раздѣлить ихъ, чтобы не надоѣдать пассажирамъ. Вслѣдствіе этого распоряженія, младшій попалъ со многими другими въ мою каюту. Послѣ двухъ мѣсячной разлуки голубому попугаю удалось уйти изъ клѣтки, и голосъ его молодаго друга привелъ его прямо въ мою каюту, гдѣ онъ прицѣпился къ его клѣткѣ. Затѣмъ обоихъ друзей уже не разлучали болѣе, но къ несчастію, черезъ двѣ не-

дѣли молодой попугай самъ умеръ, вслѣдствіе поврежденія, причиненнаго паденіемъ клѣтки. Старшій пріятель его совершенно притихъ съ тѣхъ поръ, и не долго пережилъ потерю». — Конечно часто можно увидѣть и совершенно противное. Со мной случилось однажды, что поучивъ одного молодаго волнистаго попугая, я вновь впустилъ его въ клѣтку, гдѣ онъ до того былъ испуганъ своими товарищами того-же вида, что вскорѣ умеръ.

Полная роскошь красокъ развивается у попугаевъ уже на второмъ году ихъ жизни, когда они становятся способными къ размноженію. Меньшіе виды этого порядка, какъ кажется, способны размножаться уже на первомъ году. Несмотря на это, попугаи живутъ очень долго, покрайней мѣрѣ сколько извѣстно изъ наблюденій надъ находящимися въ неволѣ.

Вѣроятно, что значительная часть большихъ попугаевъ умираетъ отъ старости, а не отъ враждебныхъ нападеній. Враговъ и у нихъ есть довольно, однако нѣтъ ни одного, злѣе человѣка. Хищныхъ животныхъ они избѣгаютъ, благодаря своей хитрости, а тѣмъ которыя преслѣдуютъ ихъ даже на вершинахъ деревьевъ, даютъ энергическій отпоръ. Маленькіе виды конечно часто попадаются на обѣдъ ястребамъ и лазящимъ хищнымъ, но большіе виды успѣшно защищаются своимъ сильнымъ клювомъ. Противъ человѣка имъ конечно не помогаетъ ни хитрость, ни храбрость, они подъ конецъ

все таки попадають въ одну изъ его безчисленныхъ ловушекъ.

Попугаевъ преслѣдуютъ повсюду и неутомимо охотятся за ними. Дѣлаютъ это съ двоякой цѣлью: воспользоваться ими и защищаться отъ нихъ, послѣднее становится совершенно необходимымъ тамъ, гдѣ плантаціи граничатъ съ лѣсами, населенными попугаями. «Не слѣдуетъ думать, говоритъ Одюбонъ, что воровскіе нападки, совершаемые попугаями, остаются безъ всякаго вознагражденія; напротивъ того, крестьяне бьютъ цѣлыя массы птицъ, подстерегая ихъ на поляхъ. Вооружившись ружьемъ, озлобленный плантаторъ, подкрадывается къ стаду грабителей и убиваетъ отъ восьми до десяти штукъ съ перваго выстрѣла. Оставшіеся въ живыхъ поднимаются съ громкимъ крикомъ, въ продолженіи четырехъ или пяти минутъ описываютъ круги въ воздухѣ и возвращаются къ трупамъ своихъ товарищей, издавая при этомъ громкіе, жалобные крики и становятся такимъ образомъ опять жертвами своей привязанности;—это повторяется до тѣхъ поръ, пока остается такъ мало птицъ, что крестьянинъ не считаетъ нужнымъ даромъ тратить ни нихъ свои порохъ и дробь. Въ теченіи немногихъ часовъ я убивалъ цѣлыя сотни ихъ и наполнялъ огромные коробы убитыми; подстрѣленные, однако, дорого продаютъ свою жизнь и наносятъ своими острыми клювами весьма чувствительныя раны.» Чилійцы, замѣтивъ усѣвшееся на полѣ стадо, быстро набѣгаютъ на нихъ и бьютъ большими, гибкими

палками взлетающихъ птицъ. Австралійцы спугиваютъ ихъ съ ночлега и за тѣмъ бросаютъ въ кружащіяся стада большими палками. Смѣлые туземцы спускаются по отвѣснымъ обрывамъ, внутри которыхъ гнѣздятся американскіе виды и вытаскиваютъ молодыхъ крючьями изъ норъ. Разные воскресные охотники и диллетанты подкрадываются къ нимъ во время ѣды. Молодыхъ добываютъ также изъ гнѣздъ, на деревьяхъ, и въ случаѣ если нельзя влѣзть на дерево, оно срубается; кромѣ того ставятся разнаго рода сѣти, петли, ловушки и т. д. Мясо убитыхъ попугаевъ, не смотря на его твердость и вязкость, охотно употребляется въ пищу, или по крайней мѣрѣ идетъ на приготовленіе крѣпкихъ, мясныхъ отваровъ. Ш о м б у р г ъ, по собственному опыту, очень хвалитъ супъ изъ попугаевъ, какъ превосходное блюдо. Чилійцы страстно любятъ его. Также и американскіе индѣйцы и австралійскіе дикари, ревностно охотятся за попугаями изъ за мяса.

Но еще чаще за попугаями охотятся съ цѣлью добыть ихъ красивыя перья. Весьма естественно, говоритъ принцъ Видъ, что дикари тотчасъ-же обратили вниманіе на простое и превосходное украшеніе доставляемое перьями попугаевъ. Путешественники всѣхъ странъ свѣта, сообщаютъ не мало свѣдѣній о превосходныхъ украшеніяхъ изъ перьевъ, которыя дѣлаютъ дикари. Многіе изъ австралійскихъ туземцевъ, въ самомъ дѣлѣ производятъ въ этомъ отношеніи, поразительныя вещи. Нѣкоторые приписывали имъ умѣнье дѣлать перья по-

пугаевъ пестрыми, помазавъ ихъ кровью какой-то лягушки, принцъ Видъ считаетъ этотъ разсказъ выдумкою, изобрѣтенною самими же туземцами, чтобы обмануть легковѣрныхъ европейцевъ. Пристрастіе дикихъ народовъ къ перьямъ попугаевъ всеобще и чрезвычайно древне. «Уже въ давно прошедшія времена, говоритъ Пеппигъ, жители теплыхъ, лѣсныхъ странъ приносили Инкамъ, въ видѣ дани, перья арара, для украшенія ихъ дворцовъ и прежніе перуанскіе лѣтописцы сообщаютъ, что перья попугаевъ и кока были единственными побудительными причинами къ заселенію непроходимыхъ дѣвственныхъ лѣсовъ.» Такимъ образомъ попугаи послужили причиною міроваго историческаго явленія. Да и случай этотъ не стоитъ совершенно одиноко, потому что эти птицы содѣйствовали также, хотя конечно не умышленно, одному изъ величайшихъ открытій, имѣвшихъ вліяніе на весь міръ. Стадо попугаевъ помогло открыть Америку. Пинцонъ, спутникъ и подчиненный великаго Генуэзца, просилъ его убѣдительно измѣнить направленіе кораблей. «Я чувствую, говоритъ онъ, какъ будто откровеніе, что мы должны идти по другому направленію.» Откровеніе это однако и голосъ сердца, говоритъ Гумбольдъ въ своемъ «Космосѣ», были порождены у Пинцона, какъ это разсказывалъ одинъ старый матросъ наслѣдникамъ Колумба, просто стадомъ попугаевъ, летѣвшихъ на юго-западъ, по всей вѣроятности на почлегъ въ кусты какого-либо сосѣдняго материка. Никогда еще пролетъ стада птицъ,

не имѣлъ такихъ важныхъ послѣдствій. Можно сказать, что онъ рѣшилъ первоначальное населеніе новаго материка, первоначальное раздѣленіе германскихъ племенъ.»

Я конечно вовсе не желаю приписывать лично попугаямъ случайное содѣйствіе ихъ такому важному обстоятельству, и причислить и его къ числу разнообразныхъ пользъ, доставляемыхъ ими человѣку; мнѣ казалось только, что подобное обстоятельство нельзя выпустить изъ ихъ исторіи. Польза приносимая попугаями, почти равнозначуща той, которую мы извлекаемъ изъ обезьянъ. Кромѣ доставляемаго ими мяса и шкуры они служатъ для насъ пріятными товарищами въ домахъ. Мы привязываемся къ нимъ, не смотря на ихъ глупыя выходки и отвратительный крикъ, мы прощаемъ имъ слишкомъ частыя злоупотребленія ихъ разрушительнаго клюва, который, какъ это ни покажется невѣроятнымъ, не щадитъ даже желѣза;—все это вознаграждается ихъ красивыми перьями и умомъ.

Прирученіе попугаевъ напоминаетъ до извѣстной степени порабощеніе нашихъ домашнихъ животныхъ. Оно длится съ незапамятныхъ временъ. Уже Александръ Великій, извѣстный любитель и покровитель животныхъ, или можетъ быть одинъ изъ его полководцевъ, привезъ изъ своего похода ручныхъ попугаевъ изъ Индіи. Значитъ онъ уже нашелъ ихъ тамъ ручными въ домахъ туземцевъ.

При открытіи Америки Европейцы нашли ручныхъ попугаевъ въ хижинахъ туземцевъ; тоже мож-

но встрѣтить ихъ тамъ и въ настоящее время. Судя по разсказамъ Шомбурга попугаи въ индѣйскихъ лѣсныхъ селеніяхъ занимаютъ тоже мѣсто, что куры въ нашихъ деревняхъ. Но эти птицы обезьяны принимаютъ гораздо большее участіе въ занятіяхъ человѣка, чѣмъ наши смирныя домашнія птицы. «Замѣчательна любовь ручныхъ попугаевъ и обезьянъ къ дѣтямъ. Рѣдко удавалось мнѣ встрѣчать кружокъ играющихъ дѣтей индѣйцевъ и не видѣть въ немъ обезьянъ и попугаевъ. Послѣдніе скоро выучиваются подражать всѣмъ голосамъ изъ окружающей ихъ среды «крику пѣтуха, собачьему лаю, плачу дѣтей, смѣху и т. п.»

Въ сравненіи съ подобною жизнью въ неволѣ, судьба попугая, отправляемаго въ Европу, очень печальна. Хуже всего приходится ему, пока онъ еще не прибылъ на мѣсто своего назначенія. Индѣецъ первобытнаго лѣса, поймавъ попугая, съ тѣмъ, чтобы вымѣнять его на произведенія Европы, сдаетъ его въ первой гавани матросу, который не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, ни объ уходѣ за птицею, ни о томъ, чѣмъ ее надо кормить. Изъ всѣхъ попугаевъ, попадающихъ на корабли, едвали больше половины могутъ вынести долгое морское путешествіе; изъ тѣхъ же, которые благополучно достигнутъ Европы, множество погибаетъ въ темныхъ, грязныхъ, заразительныхъ лавкахъ торговцевъ. Положеніе этой птицы улучшается только тогда, когда она удостоится лучшаго ухода; но къ тому времени она ча-

сто успѣваетъ уже сдѣлаться недовѣрчивою и раздражительною, станетъ бояться людей и вести себя дурно, такъ что только долгими усиліями можно будетъ исправить ее отъ этихъ дурныхъ качествъ.

Но птица эта умна и все-таки съумѣетъ довольно скоро найтись въ своемъ новомъ положеніи. Прежде всего она привыкаетъ ко всевозможной пищѣ. Вмѣсто сочныхъ плодовъ и лѣсныхъ зеренъ ея родины ей предлагаютъ пищу употребляемую человѣкомъ. По мѣрѣ того какъ птица къ ней привыкаетъ, эта пища нравится ей все больше и больше. Сначала она удовлетворяется коноплей, или канареечнымъ сѣменемъ, но вскорѣ становится разборчивѣе. Подчуя ее постоянно разными сластями, изъ нея дѣлаютъ лакомку, которая уже не довольствуется обыкновенной пищей. Попугая можно пріучить ко всему, что ѣстъ человѣкъ; къ кофею, чаю, вину, пиву и т. п.; онъ даже бываетъ немного на веселѣ, если выпьетъ хмѣльнаго. Впрочемъ это не относится къ маленькимъ австралійскимъ травянымъ попугаямъ, которые не ѣдятъ ничего кромѣ зеренъ и зелени. Утверждаютъ что мясная пища нашихъ птицъ служитъ причиной одного изъ ихъ недостатковъ. Замѣчено, что въ неволѣ, многіе попугаи вырываютъ сами себѣ перья и иногда ощипываютъ себя до гола. Они слѣдятъ съ какимъ то озлобленіемъ за выростающими перьями и тотчасъ вырываютъ ихъ, и отъ этого ихъ нельзя отучить никакими наказаніями, хотя вообще они къ нимъ очень чувствительны. Я не знаю какъ велико

вліяніе неподходящей пищи на подобныя привычки, но такъ какъ я никогда не видалъ, чтобы попугаи, которыхъ кормятъ простой пищей предавались бы подобнымъ занятіямъ, то я и считаю вышеприведенное мнѣніе довольно правдоподобнымъ. Опытъ показалъ, что большинство крупныхъ попугаевъ довольствуется коноплею, круто свареннымъ рисомъ, маисомъ, салатомъ, капустою и плодами; мелкіе попугаи ѣдятъ просо, канареечное сѣмя, салатъ и различную зелень. При этой пищѣ они чувствуютъ себя хорошо и способны плодиться. Горькій миндаль, а по увѣренію Рюте, также и петрушка, вредны имъ; они умираютъ очень скоро, поѣвши этихъ веществъ, дѣйствующихъ на нихъ какъ ядъ.

Между попугаями, какъ и между всѣми высшими животными, встрѣчаются между особями одного и того же вида, болѣе и менѣе способныя. Одни учатся скоро и много, другіе долго и мало, а третьи вовсе неспособны учиться. Надо сказать, что тутъ очень много значитъ правильное обученіе попугаевъ. Воспитанію попугаевъ много помогаетъ ихъ отличная память. Они помнятъ усвоенное однажды, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Выучиться говорить помогаетъ имъ столько же память, сколько подвижность языка, которая даетъ имъ возможность подражать человѣческому голосу. Они схватываютъ понятіе, заучиваютъ слова, сперва одно, а потомъ и много другихъ; ихъ способности изощряются по мѣрѣ упражненія. Такимъ образомъ этотъ обитатель

первобытныхъ лѣсовъ, живя съ человѣкомъ, заимствуетъ отъ него все болѣе и болѣе, и постепенно становится существомъ, которому мы не можемъ отказать въ уваженіи, или по крайней мѣрѣ въ признаніи его достоинствъ. Нравъ попугая совершенствуется отъ постоянныхъ сношеній съ человѣкомъ; онъ становится похожъ на человѣческій, подобно тому какъ нравъ собаки улучшается воспитаніемъ. Но, какъ и всякое существо, воспитывающееся подъ вліяніемъ другаго выше стоящаго существа, попугай нуждается въ правильныхъ занятіяхъ и, при всей ловкости, необходима и извѣстная доля строгости. Иначе онъ будетъ не совершенствоваться, а портиться. Излишняя мягкость въ обращеніи вредна тутъ столько же, какъ и излишняя суровость. Одиноко живущія дамы, воспитывающія попугаевъ, часто дѣлаютъ изъ нихъ нестерпимыхъ животныхъ, потому что слишкомъ мягко и снисходительно обращаются съ ними. Для успѣха воспитанія надо сначала держать птицу взаперти, чтобы ея воспитатель могъ заниматься съ нею во всякое время. Если ей позволить летать на просторѣ въ довольно большой комнатѣ, то она трудно приручается и еще труднѣе выучится говорить. Полную свободу можно предоставить попугаю лишь по окончаніи обученія.

ЗВѢЗДНЫЙ МІРЪ (*).

Огненнымъ шаромъ стоитъ солнце на западѣ горизонта и бороздитъ своими золотистыми лучами вѣчно подвижную поверхность океана. Ослѣпленный безмѣрной силой свѣта, зритель не можетъ выносить солнечнаго блеска и опускаетъ взоры къ ногамъ своимъ, на морской берегъ, на который съ шумомъ напираютъ сѣдыя, пѣнящіяся волны прилива, звучно отбѣгающія потомъ назадъ, въ лоно моря.

Глазъ зрителя отдохнулъ. Еще разъ хочетъ онъ насладиться видомъ заходящаго солнца, но солнце уже скрылось—чтобъ потоками своего всеоживляющаго свѣта озарять другія страны и другія моря, и радовать безчисленныя множества другихъ твореній. Только огненныя облака, похожія на зарево чудовищнаго пожара, блистая всѣми переливами золотистаго, алаго и пурпур-

(*) Изъ сочиненія Гартвига «Единство Мірозданія», — изд. А. Глазунова.

наго цвѣтовъ, свидѣтельствуютъ еще о величіи зашедшаго свѣтила — подобно тому, какъ послѣ смерти героя, слава подвиговъ его еще долго звучитъ между народами. Но наконецъ и эти послѣдніе слѣды свѣта исчезаютъ; ночь беретъ перевѣсъ надъ днемъ, и тьма болѣе и болѣе глубокая, покрываетъ землю, какъ будто сбираясь обвить черным саваномъ всю природу. Только эта побѣда смерти — кажущаяся, преходящая: эта же самая ночь размыкаетъ предъ нами врата безконечности: день съуживаетъ нашъ горизонтъ, ночь расширяетъ его до безпредѣльности; день ставитъ тѣсныя границы нашему зрѣнью, ночь даетъ возможность проникать въ безграничныя пространства вселенной.

У кого хватитъ силъ изобразить все великолѣпіе звѣзднаго неба, этой бездны свѣтящихся и мерцающихъ солнцъ, такъ таинственно искрящихся въ темномъ небѣ! Волшебными красками рисуетъ художникъ отраженіе луннаго луча въ морской зыби, пробуждающіяся нивы, золотимыя утренней зарей; первобытный лѣсъ, море, горы, все что есть на землѣ замѣчательнаго по своей красотѣ или величію, все можетъ онъ перенести на свой холстъ, — но чудеса ночнаго неба превышаютъ его силы: какъ изобразить ему безпредѣльное, вмѣстить въ тѣсныя рамки картины безграничныя поля эѳира!

Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ звѣздное небо возбуждало радость и благоговѣніе въ душѣ человѣка; и можетъ быть, первое благоговѣйное ощущеніе, первое предчувствіе Всемогущаго пробудилось въ человѣкѣ при

созерцанія ночнаго неба, въ тѣ часы, когда миріады звѣздъ горѣли на небесномъ сводѣ, раскидывавшемся во всѣ стороны и не нуждающемся ни въ какихъ подпорахъ.

Какъ индѣецъ Ориноко представляетъ себѣ „духа савваны“ жителемъ созвѣздія Южнаго Креста, такъ можетъ быть, и дикіе, вмѣстѣ съ медвѣдями обитавшіе нѣкогда въ лѣсахъ Германіи, заселяли своими суровыми божествами созвѣздія сѣвернаго неба.

Какъ не равномѣрно распредѣлена красота по различнымъ странамъ земли: однѣ блистаютъ красотами самыми роскошными, другія — представляютъ видъ дикихъ пустынь. Звѣздное же небо равно великолѣпно — подъ экваторомъ и у полюсовъ, и блескомъ его наслаждается все человѣчество.

Но сколько столѣтій прошло до тѣхъ поръ, пока человѣкъ перешелъ отъ изумленія передъ величественнымъ зрѣлищемъ звѣзднаго неба къ болѣе точному наблюденію его и сталъ измѣрять величину небесныхъ тѣлъ и пути, по которымъ они движутся.

Первымъ шагомъ къ ближайшему знанію пространственныхъ отношеній звѣзднаго міра было опредѣленіе формы и величины земли, давшее единицу мѣры для измѣренія планетной системы и положившее твердое основаніе для дальнѣйшаго развитія астрономическаго знанія. Еще древніе Греки знали, что наблюдателю, стоящему на берегу моря, сперва бываютъ видны только верхушки подплывающаго корабля, а потомъ уже, мало

по малу, и болѣе нижнія его части; что солнце въ странахъ западныхъ восходитъ позднѣе, чѣмъ въ восточныхъ, и что тѣнь земли, видимая на лунѣ во время лунныхъ затмѣній, всегда бываетъ круглая. Основываясь на этихъ фактахъ, они пришли къ заключенію, что земля имѣетъ видъ шара, и дѣлали также попытки опредѣлить величину его.

Но такъ какъ древніе знали очень небольшую часть земли и мѣрительные инструменты ихъ были крайне несовершенны, то и вычисленія ихъ были крайне невѣрны. Только въ прошедшемъ столѣтіи, при помощи болѣе тщательныхъ измѣреній земли по градусамъ, удалось достигнуть результатовъ, если не вполнѣ вѣрныхъ, то, по малой мѣрѣ, очень близко подходящихъ къ истинѣ. Оказалось, что земля есть шаръ приплюснутый у полюсовъ; полярный радіусъ этого шара равенъ 1713, экваторіальный же 1715 географ. милямъ.

Когда, такимъ образомъ, узнали величину земли, легко уже было вычислить разстоянія небесныхъ тѣлъ, принадлежащихъ къ нашей планетной системѣ; ибо математику нужно только знать величину линіи и угловъ, подъ которыми, съ концовъ этой линіи, представляется данная точка; тогда треугольникъ, образующійся между концами этой линіи и данной точкой, можетъ быть измѣренъ во всѣхъ его протяженіяхъ. Такого рода треугольниками небесныя пространства измѣряются съ меньшей точностію, какъ и пространства полей, высота горъ и проч.

Такимъ образомъ оказалось, что луна отдалена отъ насъ почти на 52,000, а солнце на 20 милліоновъ географ. миль; что Меркурій, ближайшая къ солнцу планета, отстоитъ отъ него только на 8 милліоновъ, Нептунъ же—на 716 милліоновъ миль.

Вслѣдствіе обмана нашего зрѣнія, небесныя тѣла представляются намъ движущимися вокругъ земли, какъ вокругъ центра вселенной. Мы видимъ, какъ восходятъ и заходятъ солнце и луна, какъ, въ часы ночи, медленно движется по небу звѣздная сѣть. Земля же въ это время покоится, по видимому, въ величавой неподвижности—и кажется тогда, что всѣ эти свѣтящіяся міры ходятъ по небу съ цѣлью служить намъ, земнымъ жителямъ, и что вся земля наша—владычица всего мірозданія. Такъ силенъ этотъ обманъ, что онъ царилъ надъ наукой цѣлыя тысячелѣтія—до тѣхъ поръ, пока Коперникъ не разрушилъ этого заблужденія открытіемъ истины, предчувствованной еще Пиѳагоромъ и Леонардо-да-Винчи; открытіемъ, низведшимъ землю на степень ничтожнаго, въ сравненіи съ другими звѣздами, вассала, имѣющаго луну единственнымъ спутникомъ. Онъ показалъ, что не солнце движется вокругъ земли, а земля, вмѣстѣ съ другими планетами, вращается вокругъ солнца; и что вслѣдствіе суточнаго движенія земли вокругъ своей оси съ запада на востокъ, происходитъ то кажущееся передвиженіе небеснаго свода съ востока на западъ, которое вводило въ заблужденіе всѣхъ астрономовъ прежняго времени.

Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго мрака и заблужденія, вмѣсто прежней невозможности объяснить движенія планетъ по небесному своду никакими самыми хитросплетенными гипотезами, явилось теперь объясненіе самое простое и ясное, и открытіе Коперника освѣтило намъ всю ширь нашей планетной системы.

Послѣ Коперника является Кеплеръ—звѣзда первой величины между великими людьми Германіи. Развивая систему Коперника, онъ показалъ сперва, что всѣ планеты движутся вокругъ солнца не по круговой линіи, а по эллипсу, въ одномъ изъ фокусовъ котораго помѣщается солнце; потомъ имъ открыты были законы, опредѣляющіе скорость планетныхъ движеній и отношенія между временами ихъ обращеній. Неутомимому изыскателю не довелось сдѣлать еще того дополнительнаго открытія, что всѣ найденные имъ законы суть слѣдствія одного общаго закона, управляющаго всей вселенной. Но черезъ 12 лѣтъ послѣ его смерти родился безсмертный Ньютонъ, показавшій, что гармоническій порядокъ, усмотрѣнный его великимъ предшественникомъ въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ нашей планетной системы, есть дѣйствіе всеобщаго міроваго закона—тяжести или взаимнаго притяженія тѣлъ, пропорціональнаго отношенію между ихъ массами и разстояніями.

Съ помощію этого высшаго физическаго закона, которымъ обусловливается движеніе небесныхъ свѣтилъ и паденіе тѣлъ на землѣ, теченіе воды и качанія маятника, оказалось возможнымъ объяснить много непонятныхъ до-

толѣ явленій и рѣшить нѣкоторыя задачи, оставшіяся до Ньютона нерѣшенными. Такъ при помощи этого, объяснено отступленіе равноденствій, опредѣлены тяжесть и массы различныхъ тѣлъ нашей планетной системы, вычислены такъ-называемыя возмущенія или пертурбаціи, происходящія отъ взаимнаго притяженія планетъ.

Названіе „возмущенія" могло бы, какъ кажется, возбудить сомнѣніе въ прочности гармоническаго порядка вселенной и породить мысль, что когда нибудь, хотя-бы въ самомъ отдаленномъ будущемъ, законы, опредѣляющіе правильность планетныхъ путей, могутъ быть нарушены, а вмѣстѣ съ ними можетъ, слѣдовательно, быть разрушенъ и весь строй мірозданія. Но Лапласъ доказалъ, что и эти возмущенія подлежатъ закону, ограничивающему ихъ въ такой степени, что они остаются безвредны какъ для существованія всей планетной системы, такъ и каждаго ея тѣла въ отдѣльности.

Его геніальныя вычисленія показали, что массы въ нашей планетной системѣ распредѣлены такимъ образомъ, что возмущенія въ ней, мало по малу, выравниваются сами собой. Дальнѣйшими успѣхами астрономіи, основывающейся на незыблемыхъ данныхъ математики, открыто, что при всякомъ другомъ распредѣленіи массъ послѣдовало совершенное измѣненіе всѣхъ отношеній нашей планетной системы, что вѣчная прочность ея возможна только при распредѣленіи дѣйствительно существующемъ.

Дивно строеніе міра, превышающее своимъ величіемъ

всѣ наши понятія! Но не менѣе дивной силой является и мысль человѣка, способная постигать планъ столь великой системы, взвѣшивать отдаленныя небесныя тѣла и прозрѣвать во всѣхъ этихъ запутанныхъ звѣздныхъ путяхъ единую, неизъяснимо-величественную гармонію!

Когда Гершель открылъ планету Уранъ, отстоящую отъ солнца на громадное разстояніе 400 милліоновъ географ. миль, думали, что крайніе предѣлы нашей планетной системы были достигнуты; что за этой тусклой, холодной звѣздой начинается царство пустоты, простирающееся до области ближайшей неподвижной звѣзды.

Но въ пути Урана появлялись возмущенія, которыя не могли быть слѣдствіемъ притягательной силы Сатурна, а производились, очевидно, какой-то еще неизвѣстной тогда планетой. Путемъ математическихъ вычисленій, Леверрье опредѣлилъ положеніе и массу этого возмущающаго небеснаго тѣла, и едва успѣлъ указать гдѣ именно, судя по всей вѣроятности, слѣдуетъ искать его, какъ оно было уже усмотрѣно въ телескопъ берлинскимъ астрономомъ Галле: въ дальнихъ предѣлахъ неба, звѣздой 8-й величины, эта планета двигалась по своему исполинскому пути, на разстояніи 716 милліоновъ миль отъ солнца.

Торжество астрономическаго вычисленія, по истинѣ, блистательное! Великая побѣда человѣческой мысли безошибочно руководящей наблюдателя по безграничнымъ полямъ эфира и предсказывающей заранѣе то, чего не можетъ еще видѣть никакое зрѣніе!

*

Можетъ быть, по ту сторону Урана движутся еще и другія планеты, которыя, по своей малости и громадному разстоянію отъ земли, останутся недоступными для самыхъ сильныхъ телескоповъ, при всѣхъ усовершенствованіяхъ, которыя въ нихъ могутъ быть сдѣланы временами будущими, но по возмущеніямъ, ими производимымъ, астрономъ будетъ убѣжденъ въ ихъ существованіи также положительно, какъ и въ томъ случаѣ, еслибъ онѣ были ясно видимыми, свѣтлыми звѣздами: мысль прозритъ ихъ и тогда, если онѣ останутся навсегда сокрытыми отъ зрѣнія физическаго.

Кромѣ большихъ планетъ и многочисленныхъ неподвижныхъ звѣздъ, вокругъ солнца вращается еще множество мелкихъ небесныхъ тѣлъ, частію разсѣянныхъ, частію скученныхъ въ подобные кометамъ, кольцевидные поясы. Такое планетарное кольцо — а можетъ быть, и нѣсколько — пересѣкаетъ, какъ кажется, земную орбиту и производитъ періодическія явленія звѣздныхъ дождей, привлекавшихъ вниманіе народовъ съ самыхъ древнихъ временъ. Когда мельчайшія міровыя тѣла подходятъ, на своемъ пути, очень близко къ землѣ, то подчиняются силѣ земнаго притяженія и, проносясь огненными шарами по атмосферѣ, падаютъ, по закону тяжести, на землю, въ видѣ такъ называемыхъ воздушныхъ камней или аэролитовъ.

Эти падающія съ неба массы, интересныя по самому своему происхожденію, интересны еще болѣе тѣмъ, что суть единственные доступные осязанію и взвѣшиванію

свидѣтели чуждаго намъ міра, отдаленныхъ отъ насъ небесныхъ пространствъ. Онѣ показывать намъ, что составныя части нашей планеты повторяются и за предѣлами ея области. По анализамъ химиковъ, воздушные камни состоятъ изъ желѣза, никеля, кобальта, кремнезема, глинозема и другихъ составныхъ частей земной планеты, и нѣтъ въ нихъ ни одного атома вещества, которое не встрѣчалось бы и на землѣ.

Судя уже по этому, можно полагать, что вся наша солнечная система состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же составныхъ частей. Это предположеніе вполнѣ подтверждается изслѣдованіями Бунзена и Кирхгофа, доказавшихъ анализами солнечнаго спектра, что солнечная атмосфера содержитъ пары натрія, калія, кальція и другихъ веществъ, которыя—всѣ, безъ исключенія,—встрѣчаются и на землѣ.

Веллеромъ во многихъ аэролитахъ были также открыты и слѣды органическихъ веществъ, тройныя смолистыя соединенія. Дивныя явленія органической жизни не чужды, слѣдовательно, и отдаленнымъ отъ земли пространствамъ, и безконечно разнообразныя формы этихъ явленій встрѣчаются, по всей вѣроятности, во всѣхъ солнечныхъ системахъ вселенной.

Какъ ни великолѣпна наша планетная система съ ея центральнымъ солнцемъ и сопутствующими ему блуждающими звѣздами и кометами, она, все-таки, составляетъ безконечно малую часть видимаго міра. Число планетъ незначительно, если сравнить его съ числомъ такъ-на-

зываемыхъ *неподвижныхъ* звѣздъ, какъ-бы прикрѣпленныхъ къ небу и вмѣстѣ съ нимъ движущихся надъ землею, не измѣняя своего относительнаго положенія. Такъ далеко отстоятъ отъ земли эти звѣзды, что всѣ усилія астрономовъ опредѣлить ихъ величину долго оставались тщетными, и только въ новѣйшее время, при помощи самыхъ сильныхъ оптическихъ инструментовъ и самыхъ тщательныхъ сравнительныхъ наблюденій, удалось опредѣлить разстоянія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Масштабы солнечной системы не могутъ уже служить единицей при этихъ измѣреніяхъ; чтобъ опредѣлить численно эти необъятныя пространства, единицей сравненія берутъ скорость свѣта, пробѣгающаго, какъ извѣстно, 40,000 геогр. миль въ секунду.

До ближайшей къ намъ неподвижной звѣзды лучъ свѣта дошелъ-бы въ 3½ года, до яркосвѣтлаго Сиріуса—въ 20, а до полярной звѣзды —въ 30 лѣтъ.

Такимъ образомъ вычислены разстоянія какихъ-нибудь тридцати неподвижныхъ звѣздъ; но тысячи ихъ, видимыя простымъ глазомъ, и милліоны, открываемыя телескопомъ, движутся на такихъ неизмѣримо далекихъ разстояніяхъ отъ земли, что, конечно, останутся на всегда недоступными измѣренію.

О чрезвычайной трудности подобныхъ вычисленій и совершенствѣ современныхъ астрономическихъ инструментовъ, удобнѣе всего составить понятіе, представивъ приведенныя разстоянія въ миніатюрѣ. Представимъ солнце неподвижной звѣздой, величиной съ апельсинъ,

стоящей въ центрѣ большой круглой залы, а землю горошиной, движущейся по стѣнамъ этой залы: тогда путь Нептуна ляжетъ на разстояніи нѣсколькихъ домовъ отъ того дома, въ которомъ находится зала, а пути нѣкоторыхъ кометъ пройдутъ по совершенно другимъ частямъ города или даже за чертой его. Понятно что діаметромъ залы, соотвѣтствующимъ въ нашемъ примѣрѣ діаметру земной орбиты, не очень еще трудно опредѣлить величину угла, трбующагося для вычисленія показанныхъ разстояній. Но какъ страшно увеличивается трудность задачи, если сообразить, что разстояніе отъ земли ближайшей неподвижной звѣзды равняется, по нашимъ уменьшеннымъ размѣрамъ, разстоянію между Петербургомъ и Гейдельбергомъ. Какъ ничтожно малъ будетъ тогда діаметръ залы, и какъ вѣрны должны быть инструменты, и точны наблюденія для того, чтобъ опредѣлить величину угловъ, образующихся между плоскостью, по которой проходитъ этотъ діаметръ, и тѣломъ, отстоящимъ на такую даль.

Еще прежде Бесселя, сдѣлавшаго надъ 61 звѣздою созвѣздія Лебедя первый удачный опытъ опредѣленія разстояній неподвижныхъ звѣздъ, изученіе этихъ звѣздъ начато было старшимъ Гершелемъ, при помощи его исполинскаго телескопа. Гершелемъ было замѣчено, что съ увеличеніемъ силы телескопа, увеличивается и количество звѣздъ, въ него видимыхъ: этимъ наблюденіемъ и добытъ былъ масштабъ для опредѣленія формъ и размѣровъ той звѣздной кучи, къ которой принадлежитъ

наша солнечная система. Всѣ созвѣздія, видимыя въ небѣ простымъ глазомъ, вмѣстѣ съ млечнымъ путемъ, составляютъ одну, приплюснутую на подобіе чечевицы, и со всѣхъ сторонъ рѣзко разграниченную звѣздную кучу, островомъ плавающую въ міровомъ пространствѣ.

Этотъ кругообразный звѣздный слой, въ одной изъ своихъ третей, дѣлится на два рукáва: полагаютъ, что мы находимся вблизи этого дѣленія, почти въ срединѣ растяженія его въ ширину. По направленію продольной оси, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сгруппирована большая часть звѣздъ, заднія изъ нихъ представляются глазу плотно скученными въ одинъ свѣтлый поясъ молочнаго цвѣта, проходящій изъ конца въ конецъ по всему видимому небесному своду. Если бъ наша планетная система находилась внѣ помянутой звѣздной кучи, млечный путь представлялся бы вооруженному глазу кольцомъ, а на еще большемъ разстояніи — еле видимымъ круглымъ туманнымъ пятномъ.

Зная уже громадныя разстоянія нѣкоторыхъ неподвижныхъ звѣздъ, принадлежащихъ къ нашей звѣздной кучѣ, мы можемъ себѣ представить: по какому исполинскому масштабу построена эта куча, къ которой, по счету Гершеля, относится, по меньшей мѣрѣ, до 20 милліоновъ звѣздъ, свѣтящихся собственнымъ свѣтомъ. Вычислено, что свѣтлому лучу, для прохожденія по продольному діаметру нашей звѣздной кучи, понадобилось бы 6,000 лѣтъ, а для прохожденія по поперечному діаметру — 1400 лѣтъ.

Но и эта, почти невообразимо громадная, звѣздная куча составляетъ только точку вселенной: повсюду открываетъ телескопъ подобныя же звѣздныя кучи, и на такихъ разстояніяхъ, предъ которыми ничтожной кажется даль Сиріуса. Однѣ изъ этихъ звѣздныхъ кучъ, совершенно невидимыхъ простымъ глазомъ или представляющихся туманными пятнами, оказываются звѣздами, при разсматриваніи ихъ въ телескопъ лорда Росса — самый сильный оптическій инструментъ изъ всѣхъ доселѣ созданныхъ человѣкомъ; другія же остаются туманными пятнами и при телескопическомъ наблюденіи: онѣ или дѣйствительно состоятъ изъ парообразной, свѣтящейся массы, подобной веществу не вполнѣ еще сформировавшихся звѣздъ или — при большемъ усовершенствованіи нашихъ телескоповъ — окажутся звѣздами, подобно первымъ.

Наша звѣздная куча, на разстояніи, которое свѣтовой лучъ прошелъ бы въ десять милліоновъ лѣтъ, должна представляться точно такимъ же туманнымъ пятномъ, діаметръ котораго долженъ быть въ 15 разъ меньше діаметра луны: на такомъ разстояніи, самый сильный телескопъ едва ли могъ бы разложить это пятно на звѣзды, его составляющія. Это соображеніе наводитъ на мысль, что, можетъ быть, туманныя пятна, видимыя нами въ небѣ, суть тоже цѣлыя звѣздныя кучи, состоящія изъ нѣсколькихъ милліоновъ звѣздъ или солнцъ, и потому только кажутся намъ еле видными пятнами, что отдалены отъ насъ на невообразимо далекое разстояніе.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, неподвижныя звѣзды, къ числу которыхъ принадлежитъ, какъ извѣстно, и наше солнце, считались неподвижными вполнѣ — на томъ основаніи, что лѣтописи астрономіи не представляютъ никакихъ указаній на измѣненіе ихъ положенія на небѣ. Но, благодаря изумительной точности современныхъ астрономическихъ инструментовъ и успѣхамъ астрономическихъ наблюденій, теперь намъ извѣстно, что „неподвижными" эти звѣзды названы совершенно неосновательно.

Подобно тому, какъ мы движемся вокругъ солнца, точно также и солнце — а вмѣстѣ съ нимъ, опять таки, и мы — проходитъ болѣе 800,000 миль въ день. Болѣе точныхъ наблюденій надъ этимъ движеніемъ, по недавности самого открытія его, сдѣлать еще не успѣли; а потому неизвѣстны пока форма его, кривизна его направленія, а слѣдовательно, и тотъ центръ, вокругъ котораго это движеніе происходитъ. Точно такія же громадныя пространства проходятъ неподвижныя звѣзды; и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ солнца нашей звѣздной кучи находятся въ этомъ движеніи; что, по всей вѣроятности, и вся эта звѣздная куча вращается вокругъ другой, подобной же группы звѣздъ, и что такимъ же образомъ движутся и самыя отдаленныя туманныя пятна.

Будущимъ временамъ предстоитъ безконечное поле для изслѣдованій; никакая, самая смѣлая, мысль не въ состояніи сообразить: сколько времени потребуется человѣку для того, чтобы измѣрить пути ближайшей къ намъ неподвижной звѣзды, или — какія будутъ сдѣланы

съ этою цѣлью усовершенствованія въ инструментахъ и въ способахъ наблюденія.

Непомѣрная быстрота отдаленныхъ небесныхъ тѣлъ даетъ намъ понятіе о еле мыслимой величинѣ видимой нами части вселенной. Въ каждую минуту проходятъ они болѣе 500 миль; съ такой же скоростью, въ каждую минуту, движется по міровому пространству и наша земля, вмѣстѣ съ солнцемъ; и несмотря на это, видъ неба вѣчно остается неизмѣннымъ—такимъ же, какимъ представлялся онъ нашимъ праотцамъ. Какая противоположность съ ежечасными и повсюдными измѣненіями на нашей маленькой планетѣ!

Безграничность мірового пространства приводитъ насъ къ мысли и о безконечности времени: то, что мы видимъ въ дальнемъ небѣ теперь, есть не настоящее а прошедшее его состояніе. Лучъ свѣта, достигающій до насъ изъ міра далекихъ туманныхъ пятенъ въ настоящую минуту, исшелъ изъ нихъ милліоны лѣтъ назадъ: лучъ, посылаемый ими въ настоящее мгновенье, дойдетъ до нашей земли милліоны лѣтъ спустя. Эти туманные міры могли уничтожиться за милліоны лѣтъ, но вѣстники ихъ — лучи свѣта, испущенные ими до своего уничтоженія — долго еще будутъ свидѣтельствовать о томъ, что несчетное число лѣтъ назадъ, міры эти блистали въ неизмѣримомъ пространствѣ вселенной.

Съ усиленіемъ телескопа возрастаетъ, такимъ образомъ, не только величина, но и древность раскрывающихся передъ нами міровыхъ пространствъ, и чѣмъ болѣе про-

никаемъ мы, со временъ Гершеля, въ таинственную высь небеснаго свода, тѣмъ глубже и глубже погружаемся въ безпредѣльную бездну прошедшаго.

И если бъ мы могли перенестись въ тѣ далекіе міры, которые, не смотря на свою громадную величину, самымъ сильнымъ изъ нашихъ телескоповъ представляются еле видными пятнами — мы очутились бы на рубежѣ безчисленныхъ новыхъ міровъ. И гдѣ былъ бы конецъ этому полету? гдѣ были бы достигнуты нами предѣлы вселенной, за которыми наши взоры потонули бы въ безднѣ безформенной пустоты?

Можно сказать вполнѣ положительно, что самыя дальнія изъ видимыхъ нами туманныхъ пятенъ не составляютъ еще предѣловъ міра; что всѣ громадныя пространства, обозрѣваемыя нашими телескопами, составляютъ только одну точку вселенной, и въ лонѣ ея наша солнечная система, со всей звѣздной кучей, къ которой она относится — капля воды въ безбрежномъ океанѣ!

Передъ такой громадностью боязливо сжимается сердце; но какъ ободряетъ и подкрѣпляетъ насъ мысль, что той же Высшей Благостью, которой вдохнуто въ насъ дыханіе жизни, содержится и это вѣчное величіе въ безконечныхъ пространствахъ вселенной.

Правильными путями движутся вокругъ солнца планеты повинуясь закону тяготѣнія, кометы, какъ бы далеко не бродили отъ солнца, приближаются къ нему и снова потомъ отъ него отдаляются — во всей, сравнительно малой, области нашей солнечной системы усма-

тривается порядокъ, законосообразность и единство, исполняющіе наблюдателя благоговѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ же порядокъ, та же законосообразность и то же единство проявляются и во всемъ мірозданіи, во всѣхъ предѣлахъ вселенной; что по единому, всеобъемлющему плану направляются пути всѣхъ ближайшихъ къ намъ и самыхъ отдаленныхъ отъ насъ созвѣздій!

ГОЛОДЪ И ЖАЖДА (*).

I.

Голодъ.

Голодъ—благодѣтельный и страшный инстинктъ. Онъ поистинѣ нервъ жизни: отъ него исходятъ всѣ побужденія къ труду; онъ, своими неотступными требованіями, подвигаетъ людей къ благородной дѣятельности. Куда мы ни посмотримъ, вездѣ увидимъ, что онъ живая сила, приводящая въ дѣйствіе сложный механизмъ человѣческаго общества.

Голодъ сгоняетъ этихъ плечистыхъ работниковъ въ правильныя артели, и заставляетъ ихъ прорывать дороги сквозь горы, перекидывать мосты черезъ рѣки, перерѣзывать равнины желѣзными дорогами, приводящими въ ежедневное сообщеніе отдаленные города. Го-

(*) Изъ сочинен. „Физіологія обыденной жизни" Льюиса, изданіе А. Глазунова.

лодъ невидимый надзиратель этихъ людей, воздвигающихъ дворцы, тюрьмы, казармы и церкви. Голодъ сидитъ у станка, медленно ткущаго наши великолѣпныя бумажныя и шелковыя матеріи. Голодъ ходитъ за плугомъ, стоитъ у горнила, превращая природную лѣнь человѣка въ бодрую, непрестанную дѣятельность. Если бы пища стала обильна и доставалась безъ труда, цивилизація стала бы невозможною, до того зависимы наши высшія стремленія отъ низшихъ нашихъ побужденій. Ничто, кромѣ необходимости питаться, не принудитъ человѣка къ ненавистному ему труду, котораго онъ избѣгаетъ, гдѣ только можетъ. И хотя это кажется очевиднымъ только относительно рабочихъ классовъ, то же самое можно сказать и о классахъ высшихъ, потому что деньги, которыя всѣ мы стараемся пріобрѣтать, суть ничто иное, какъ пища, и избытокъ пищи, на который мы покупаемъ трудъ другихъ людей.

Но благодѣтельный инстинктъ голода вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктъ страшный. Когда ничто не сдерживаетъ его, онъ, какъ всепожирающее пламя, уничтожаетъ въ человѣкѣ все, что въ немъ есть благороднаго. Голодъ побуждаетъ къ преступленіямъ не менѣе, чѣмъ къ честному труду. Онъ бродитъ по темнымъ закоулкамъ, и нашептываетъ несчастнымъ отчаянныя мысли; онъ доводитъ до безумія жертвы кораблекрушеній, заглушаетъ въ нихъ всякій стыдъ, всякое состраданіе, всякое уваженіе къ ближнимъ, побуждаетъ ихъ къ поступкамъ, о которыхъ нельзя упомянуть безъ ужаса. Голодъ по-

бѣждаетъ человѣчность въ человѣкѣ, и даетъ перевѣсъ его животнымъ инстинктамъ. Его дикая сила заставляла людей съѣдать своихъ ближнихъ,—женщинъ—съѣдать своихъ дѣтей. И такъ, голодъ имѣетъ двойной характеръ: глядя на дѣятельность, которую онъ внушаетъ, мы не должны забывать ужасовъ, къ которымъ онъ побуждаетъ.

Что такое голодъ? Каковы его причины и дѣйствія?

Въ одномъ смыслѣ каждый изъ насъ можетъ сказать, что знаетъ, что такое голодъ; но въ другомъ смыслѣ никто не можетъ дать на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта. Всѣмъ намъ случалось испытывать голодъ, но наукѣ до сихъ поръ не удалось вполнѣ объяснить его явленія. Между слабымъ и пріятнымъ ощущеніемъ, которое мы называемъ аппетитомъ, и муками голодной смерти, существуетъ безконечный рядъ переходовъ. Раннія слабыя степени голода извѣстны даже людямъ богатымъ; но о его позднѣйшихъ періодахъ могутъ имѣть понятіе лишь люди, находившіеся въ крайней нищетѣ, подвергавшіеся кораблекрушеніямъ и тому подобнымъ исключительнымъ несчастіямъ. Мы всѣ знаемъ, что значитъ быть голоднымъ, даже *очень* голоднымъ; но страшныя ощущенія продолжительнаго голода испытаны лишь очень немногими. Я постараюсь изложить главныя явленія, сопровождающія это состояніе и ихъ причины, основываясь на печальномъ опытѣ ежедневной жизни, и на извѣстныхъ мнѣ исключительныхъ случаяхъ.

Причина голода.—Въ каждомъ живомъ организмѣ одновременно и безпрестанно происходятъ процессы разрушенія и обновленія. Живой организмъ, самыми дѣйствіями, составляющими его жизнь, ежеминутно разрушаетъ частицы самого себя, подобно углю, горящему въ печкѣ. На извѣстное количество теплоты сгараетъ извѣстное количество угля, на извѣстное количество жизненной дѣятельности потребляется извѣстное количество тканей. Вы не можете ни мигнуть глазомъ, ни шевельнуть пальцемъ, ни подумать о чемъ-нибудь, не жертвуя на это малою частицею веществъ вашего тѣла. Если вы не станете отъ времени до времени подкладывать угля въ печку, огонь ослабнетъ и наконецъ погаснетъ. Если вы не станете замѣнять пищею безпрестанно расходуемыхъ веществъ вашего тѣла, ваша жизнь догоритъ и угаснетъ.

Голодъ есть инстинктъ, побуждающій насъ пополнять пустѣющую печь.

Но хотя недостатокъ пищи, необходимой для пополненія жизненныхъ расходовъ, есть первая причина голода, онъ самъ по себѣ еще не составляетъ голода, какъ то часто и ошибочно принимаютъ. Отсутствіе необходимой пищи причиняетъ ощущеніе голода, но голодъ не есть прямое ощущеніе этого отсутствія. Пища можетъ отсутствовать безъ всякаго ощущенія голода; сумасшедшіе часто подвергаютъ себя долгому посту и при этомъ не ощущаютъ никакого позыва къ пищѣ. Подобное явленіе, въ меньшихъ размѣрахъ, извѣстно

каждому изъ насъ. Кому не случалось испытать, что сильная радость или сильное горе внезапно уничтожають въ насъ не только ощущеніе голода, но даже возможность проглотить кусокъ той пищи, къ которой за часъ передъ тѣмъ мы чувствовали сильный позывъ. Далѣе извѣстно, что ощущеніе голода можетъ быть успокоено посредствомъ куренія, посредствомъ пріемовъ опіума или даже минеральныхъ веществъ, хотя они не могутъ замѣнить недостающую нашему тѣлу пищу. И такъ, недостатокъ пищи есть первичная, но не ближайшая причина голода. Я тутъ употребляю слово голодъ въ его общепринятомъ смыслѣ, обозначаю имъ то особенное ощущеніе, которое побуждаетъ насъ ѣсть; развивши предметъ поподробнѣе, мы увидимъ, на сколько обиходный смыслъ этого слова соотвѣтствуетъ всѣмъ относящимся сюда явленіямъ.

Мы теперь можемъ объяснить себѣ, почему голодъ возвращается въ опредѣленныхъ промежуткахъ, и притомъ тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе потребность питанія. Молодыя животныя чаще требуютъ пищи, чѣмъ взрослыя; птицы и млекопитающія чаще, чѣмъ гады и рыбы. Сонный боа констрикторъ ѣстъ только разъ въ мѣсяцъ, подвижной кроликъ разъ двадцать въ день. Температура также имѣетъ вліяніе на продолжительность промежутковъ, послѣ которыхъ возвращается голодъ: холодъ возбуждаетъ аппетитъ теплокровныхъ животныхъ, но уменьшаетъ его у животныхъ съ холодною кровью, которыя большею частію перестаютъ принимать

пищу, когда температура понижается до нуля. Тѣ теплокровныя животныя, которыя представляютъ интересное явленіе *зимней спячки,* въ этомъ отношеніи схожи съ животными хладнокровными. Въ зимнее время они не нуждаются въ пищѣ, потому что почти всѣ ихъ жизненные процессы пріостановлены. Гонтеръ кормилъ ящерицъ въ началѣ зимы, и отъ времени до времени вскрывалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, причемъ онъ не замѣтилъ, чтобы содержимая въ ихъ желудкѣ пища сколько-нибудь переварилась. И когда настала весна, тѣ изъ ящерицъ, которыя остались живыми, извергли черезъ ротъ пищу, которая оставалась непереваренною въ ихъ желудкѣ въ продолженіи всей зимы.

Кромѣ обыкновенныхъ условій возвращающагося аппетита, есть условія исключительныя, зависящія отъ личныхъ особенностей, или отъ извѣстныхъ состояній организма. Такъ, во время выздоровленія послѣ нѣкоторыхъ болѣзней, въ особенности послѣ горячекъ, является аппетитъ почти постоянный, и адмиралъ Байронъ разсказываетъ, что поголодавши цѣлый мѣсяцъ, по случаю кораблекрушенія, онъ и его товарищи, добравшись до берега, не довольствовались обильною ѣдою за столомъ, но еще набивали себѣ карманы, чтобы ѣсть во всякое время дня. Въ извѣстныхъ болѣзняхъ является позывъ къ ѣдѣ, неудовлетворимый даже самою обильною пищею; но это явленіе уже не относится къ нашему предмету.

Дѣйствіе голода.—Кровь содержитъ множество

мелкихъ тѣлъ, которыя мы называемъ кровяными шариками, и которыя играютъ первостепенную роль въ дѣлѣ питанія. Эти шарики бываютъ двоякаго рода, красные и безцвѣтные.

Если мы станемъ разсматривать кровь человѣка, умирающаго съ голода, мы найдемъ, что ея качественный составъ вполнѣ подобенъ составу крови здороваго человѣка; но мы найдемъ, что количественное отношеніе между составными частями значительно измѣнилось; что количество шариковъ—которые мы можемъ назвать питательными тѣлами крови,—очень уменьшилось, и что количество неорганическихъ составныхъ веществъ, которыя суть продукты разрушенія тканей, сильно увеличилось. Дѣйствительно, эти неорганическіе продукты, подобно счетамъ, найденнымъ въ бумажникѣ мота, суть признаки бѣдности, признаки расточительности, ведущей къ раззоренію.

Мы не можемъ сказать, на сколько можетъ продлиться такая мотовская жизнь, потому что время не имѣетъ опредѣленнаго отношенія къ явленіямъ голодной смерти. Эти явленія зависятъ отъ опредѣленныхъ измѣненій, происходящихъ въ тѣлѣ, и которыя могутъ совершаться съ чрезвычайною быстротой. Въ одинъ и тотъ-же промежутокъ времени, можетъ завершиться весь кругъ измѣненій, необходимый для разрушенія жизни, или можетъ быть пройдена лишь часть этого круга: при нѣкоторыхъ условіяхъ, человѣкъ не переживаетъ

шестидневнаго поста, а при другихъ, онъ выноситъ постъ шестинедѣльный.

Но если мы не можемъ сказать сколько-нибудь точно, въ какое *время* голодъ доводитъ до смерти, мы можемъ опредѣлить, сколько *убыли* можетъ вынести животный организмъ. Изъ знаменитыхъ опытовъ Шосса надъ голодомъ слѣдуетъ, что смерть настаетъ, когда убыль доходитъ приблизительно до двухъ пятыхъ массы всего тѣла. Такъ, напримѣръ, если тѣло животнаго вѣситъ 100 фунтовъ, оно умретъ, когда его вѣсъ понизится до шестидесяти фунтовъ. Жизнь, конечно, можетъ прекратиться прежде, чѣмъ достигнется эта точка, но далѣе она, при обыкновенныхъ условіяхъ, продолжена быть не можетъ.

Средняя убыль, которую можетъ вынести животное, равняется 40 процентамъ; но иногда выносится убыль гораздо болѣе значительная; особенно если животное очень жирно. Такъ, въ запискахъ Линнеевскаго Общества разсказывается случай, при которомъ жирная свинья осталась засыпанною, впродолженіи 160 дней, слоемъ извести въ тридцать футовъ толщины. Въ это время ея вѣсъ уменьшился на цѣлыхъ 75 процентовъ. Очень любопытны, какъ примѣръ тому, что время не даетъ намъ мѣрки совершившихся измѣненій, наблюденія Шосса надъ рыбами и гадами; онъ нашелъ, что эти животныя умираютъ точно при томъ же предѣлѣ убыли, при которомъ умираютъ животныя теплокровныя; но что они доходятъ до этого предѣла въ періодъ вре-

мени, въ двадцать три раза болѣе длинный, чѣмъ эти послѣднія. Такъ, если мы станемъ морить голодомъ птицу и лягушку въ теплое время года, и та, и другая умрутъ, когда вѣсъ ихъ тѣла уменьшится на 40 процентовъ, но первая не переживетъ недѣли, вторая же выживетъ двадцать три недѣли.

Изъ наблюденій Шосса слѣдуетъ, что тѣло высшихъ животныхъ ежедневно теряетъ одну двадцать четвертую всего своего вѣса; и это наблюденіе близко согласуется съ опытами Биддера и Шмидта, показавшими, что животное требуетъ ежедневно по крайней мѣрѣ количество уподобимой пищи вѣсомъ въ одну двадцать третью долю собственнаго вѣса, иначе же масса его тѣла уменьшается.

Продолжительное голоданіе. — Ясно опредѣливши эти основныя понятія, приступимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ многочисленныхъ случаевъ продолжительнаго голоданія, которые навязываются легковѣрію публики, какъ учеными трактатами, такъ и менѣе разборчивою газетною литературою. Должны ли мы вѣрить этимъ чудесамъ, или отвергать ихъ существованіе? И если мы отвергнемъ ихъ, то на какомъ основаніи? Читатель часто будетъ натыкаться на такіе вопросы, и чтобы облегчить ему научное, точное обсужденіе ихъ, мы приведемъ нѣкоторые изъ самыхъ поразительныхъ случаевъ этого рода, и укажемъ на физіологическія начала, объясняющія ихъ.

Человѣческое тѣло во многихъ отношеніяхъ такъ зна-

чительно разнится отъ тѣла животныхъ, особенно же своею сложностію, что мы не можемъ выводить изъ ихъ способности переносить голодъ заключеній, приложимыхъ къ человѣку; впрочемъ, разница должна заключаться лишь въ степени, и одни и тѣ же физіологическіе законы должны имѣть силу въ обоихъ случаяхъ, такъ что мы можемъ быть убѣждены, что дѣйствіе голода на человѣка не разнится существенно отъ его дѣйствія на животныхъ.

Обратимъ-же сперва вниманіе на животныхъ. Опыты Поммера показали, что плотоядныя животныя долѣе переносятъ голодъ, чѣмъ животныя травоядныя; хищныя птицы долѣе, чѣмъ птицы, питающіяся зернами и плодами.

Это заключеніе можно было бы вывести и *a priori* изъ извѣстной намъ разности промежутковъ, послѣ которыхъ возвращается голодъ, и изъ разности въ количествѣ пищи, поѣдаемой каждымъ изъ этихъ разрядовъ животныхъ. Плотоядное животное ѣстъ жадно, когда ему достается пища, но удовлетворивши своему аппетиту, оно въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ не ощущаетъ позыва къ ѣдѣ; а при естественныхъ условіяхъ, промежутки между кормленіями по необходимости перемѣнчивы, и часто очень продолжительны, такъ какъ пища необильна, и добываніе ея нелегко. Травоядное-же животное постоянно имѣетъ пищу подъ рукою, и ѣстъ почти постоянно, потому что на поддержаніе его жизни нужно огромное количество растительной пищи.

Левъ, кошка, привыкаютъ къ долгому голоду; кроликъ, корова вовсе не знаютъ этого ощущенія. Ясно, что первые лучше вынесутъ долгій голодъ, чѣмъ послѣдніе.

Опыты Шосса надъ сорока осьмью птицами и звѣрями показываютъ, что они среднимъ числомъ выносятъ болѣе десяти съ половиною дней голода, при чемъ максимумъ доходитъ до двадцати дней съ половиною, минимумъ же два дня съ немногимъ.

Какъ между людьми, такъ и между животными, раньше всего умираютъ молодые, затѣмъ взрослые и наконецъ старые.

Нѣкоторыя изъ низшихъ животныхъ замѣчательно долго выдерживаютъ голодъ. Латрель прикололъ паука къ пробкѣ, и черезъ четыре мѣсяца нашелъ его еще живымъ. Бэкеръ въ продолженіи трехъ лѣтъ держалъ жука (Lucanus cervus) въ коробкѣ, безъ всякаго корма, и по прошествіи этого времени, онъ улетѣлъ. Мюллеръ разсказываетъ про скорпіона, который не только доѣхалъ живой изъ Египта въ Голландію, но еще прожилъ тамъ девять мѣсяцевъ безъ пищи. Ронделе держалъ рыбу безъ пищи въ продолженіи трехъ, а Рудольфи протея (Proteus anguinus) въ продолженіи пяти лѣтъ! Змѣи, какъ намъ извѣстно, проживаютъ по нѣскольку мѣсяцевъ безъ пищи; и Реди нашелъ, что моржъ проживаетъ внѣ воды и безъ пищи четыре недѣли.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, за исключеніемъ рыбы Ронделе, животныя были неподвижны и не тратили веществъ своего тѣла на обычную дѣятельность; и относи-

тельно этой рыбы еще возможно сомнѣніе, не попадались ли ей въ водѣ мелкіе черви и гусеницы.

Переходя отъ животныхъ къ человѣку, мы находимъ, что смерть настанетъ на пятый или шестой день полнаго лишенія пищи и питья. Но это общее правило представляетъ много исключеній. Тутъ сильно вліяетъ сложеніе каждой отдѣльной личности, ея возрастъ, здоровье, и другія условія. Нѣкоторые люди умираютъ на второй или третій день; другіе доживаютъ до десятаго, одиннадцатаго, даже шестнадцатаго. Далѣе, значительныя разности происходятъ отъ условій, въ которыя поставленъ человѣкъ — какъ-то, отъ дѣятельности или покоя, отъ температуры, влажности воздуха, и т. д.

Примѣры долгаго голоданія, большею частію, лишены той строгой достовѣрности, которой требуетъ наука; многіе изъ нихъ очевидно преувеличены, баснословны. Берар заимствовалъ слѣдующіе случаи изъ Галлера, и прибавилъ къ нимъ нѣсколько другихъ, которыя ему удалось собрать. Передаю ихъ, какъ примѣры, не какъ достовѣрные факты:

„Молодая дѣвушка, стыдясь признаться въ своей бѣдности, прожила безъ пищи двадцать семь дней, въ продолженія которыхъ она только сосала лимоны.

„Другая женщина изъ той же мѣстности прожила четыре мѣсяца безъ пищи, третья не ѣла цѣлый годъ.

„Галлеръ приводитъ еще два случая трехъ и четырехъ годоваго поста.

„Мекензи приводитъ въ *Philosophical Transactions*

исторію молодой дѣвушки, у которой зубы были судорожно сжаты въ продолженіи осьмнадцати лѣтъ, и которая въ продолженіи четырехъ лѣтъ не принимала пищи.

„Въ *Philosophical Transactions*, vol. LXVII, говорится о шотландкѣ, которая жила восемь лѣтъ, не принявъ ничего внутрь, кромѣ малыхъ количествъ воды.

„Одинъ случай долгаго голоданія приводится во многихъ сочиненіяхъ. Фабрицій де Гильденъ, принимавшій предосторожности противъ обмана, говоритъ, что Эва Флогенъ не ѣла и не пила въ продолженіи шести лѣтъ.

„Но всѣ эти разсказы ничто въ сравненіи съ исторіею одной женщины, которая прожила пятьдесятъ лѣтъ безъ пищи: прибавляютъ впрочемъ, что она отъ времени до времени пила снятое молоко."

„Допустимъ", говоритъ Берарь, „что во многихъ изъ этихъ случаевъ произошелъ обманъ, и что любовь къ чудесному сильно преувеличила многіе другіе; тѣмъ не менѣе мы не можемъ отказаться вѣрить нѣкоторымъ подобнымъ разсказамъ, которые вполнѣ засвидѣтельствованы. Каждый годъ записываются такіе случаи. Въ 1836 году, г. Лавинь пригласилъ меня посѣтить женщину лѣтъ пятидесяти двухъ, которая, доведши себя до того, что пила только по стакану молока въ день въ продолженіи осьмнадцати мѣсяцевъ, въ продолженіи послѣднихъ пяти не принимала ни пищи, ни питья. Въ 1839 году, г. Паризо сообщилъ мнѣ, что въ Марсильи живетъ дѣвушка, не принимавшая твердой пищи

въ продолженіи шести лѣтъ, а въ продолженіи пяти лѣтъ не принимавшая ни твердой, ни жидкой. Въ 1838 году, г. Плонжо написалъ мнѣ, что видѣлъ въ Ейренсѣ женщину, не принимавшую ровно никакой пищи въ послѣднія восемь лѣтъ“.

Нельзя не удивляться тому, что такой ученый, каковъ Бераръ, приводитъ такіе случаи, и пытается объяснить ихъ. Возможность обмана и преувеличенія до того обширна, что мы скорѣй готовы не вѣрить ни одному изъ этихъ фактовъ, чѣмъ отказываться отъ всѣхъ законовъ физіологіи.

Слѣдующій случай одинъ изъ самыхъ странныхъ между тѣми, которые приводятся за достовѣрные новѣйшими писателями. Джанета Макъ Леодъ, послѣ падучей болѣзни и горячки, пролежала пять лѣтъ въ постели, говоря лишь изрѣдка, и принимая пищу лишь по принужденію. Наконецъ она стала упрямо отказываться отъ пищи, ея челюсти судорожно стиснулись, и пытаясь разжать ихъ насильно, ей выломили два зуба. Въ это отверстіе вносились малыя количества жидкостей, которыхъ она не глотала, и овсяная кашица, которую она также выплевывала. Она много спала, и ея голова повисла впередъ. Въ этомъ печальномъ состояніи она прожила четыре года, и ея родственники могли убѣдиться, что она не принимаетъ внутрь ничего, кромѣ малыхъ количествъ воды; но по прошествіи этого долгаго времени, она какъ будто ожила, и

стала питаться хлѣбными крохами, размоченными въ молокѣ и въ водѣ.

Мы обращаемъ вниманіе читателя на тѣ два обстоятельства, что Джанета рѣдко говорила и много спала, потому что, если эта исторія правдива, они очень важны для обсужденія возникающихъ по ея поводу вопросовъ. Въ такомъ состояніи покоя, утраты тѣла должны были уменьшаться до крайности, а съ ними и потребность пищи. Тѣмъ не менѣе, при теперешнемъ состояніи, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ ему, есть значительная доля преувеличенія или обмана, хотя и неопредѣлимаго въ настоящее время; и пока не сдѣлается извѣстнымъ случай, не допускающій сомнѣнія, мы считаемъ своимъ долгомъ отвергать правдоподобіе такихъ разсказовъ; потому что они по всему, что мы знаемъ, заключаютъ въ себѣ противорѣчіе, и могутъ быть приняты за факты лишь при самомъ строгомъ удостовѣреніи въ ихъ истинѣ. Мы должны или отказаться отъ всей современной физіологіи, или отвергнуть эти исторіи.

Это положеніе подтверждается всѣми случаями, въ которыхъ побужденія къ обману и возможность его были устранены. Такъ, когда люди добровольно морили себя голодомъ, они никогда не переживали трехъ мѣсяцевъ. Гранье, который убилъ свою жену, уморилъ себя голодомъ въ Тулузской тюрьмѣ, и умеръ по прошествіи шестидесяти трехъ дней, въ продолженіи ко-

торыхъ онъ пилъ воду, и отъ времени до времени ѣлъ немного. Фанатикъ, о которомъ повѣствуетъ докторъ Уильянъ, прожилъ только два мѣсяца, хотя онъ отъ времени до времени сосалъ апельсинъ.

Эти люди прожили такъ долго единственно потому, что воздерживаясь отъ твердой пищи, они въ то же время не воздерживались отъ жидкой. Принятіе жидкостей значительно замедляетъ голодную смерть. Реди нашелъ, что птицы, лишенныя и воды, и пищи, проживали только девять дней; тѣ же, которымъ онъ давалъ воду, проживали дней двадцать. Я не могу, однакоже, согласиться съ тѣми физіологами, которые, какъ Бурдахъ и Бераръ, приписываютъ это поддерживающее свойство воды органическимъ частицамъ, взвѣшаннымъ въ ней; потому что ихъ количество слишкомъ ничтожно, чтобы сколько-нибудь вознаграждать организмъ за быструю убыль его составныхъ веществъ; и мы не должны забывать, что животныя умираютъ отъ жажды еще быстрѣе, чѣмъ отъ голода; такъ что когда мы ихъ лишаемъ и пищи и воды, ихъ смерть ускоряется совокупнымъ дѣйствіемъ двухъ причинъ. А Джанета Макъ Леодъ, и другія лица, про которыхъ утверждаютъ, что они жили безъ пищи и питья, подвергались разрушающему дѣйствію обѣихъ этихъ причинъ, и насъ хотятъ увѣрить, что они выносили его въ продолженіи четырехъ лѣтъ!

И такъ, мы принуждены отвергать основательность

всѣхъ разсказовъ о полномъ постѣ, продолжавшемся долѣе трехъ мѣсяцевъ.

Разсмотрѣвши дѣйствія совершеннаго воздержанія отъ пищи, упомянемъ и о дѣйствіи частнаго лишенія.

Животное, вовсе лишенное пищи, умираетъ, какъ скоро уменьшеніе его вѣса достигло извѣстнаго предѣла, и, что очень замѣчательно, недостаточность пищи причиняетъ смерть точно на томъ же предѣлѣ, какъ и совершенное лишеніе пищи, т. е. какъ скоро первоначальный вѣсъ тѣла понизится до шести десятыхъ. Поэтому люди, не пользующіеся достаточнымъ количествомъ пищи, какъ въ голодные года, при кораблекрушеніяхъ, во время осадъ, неминуемо погибаютъ, если количество пищи не увеличится; результатъ точно тотъ же, какъ еслибъ они вовсе не получали пищи, только до ихъ смерти проходитъ больше времени. Этотъ фактъ заключаетъ въ себѣ важное поученіе для всѣхъ тѣхъ, которые завѣдываютъ тюрьмами, школами и рабочими домами.

Муки голода.—Мы имѣемъ мало точныхъ свѣдѣній о тѣхъ мукахъ, которымъ подвергаются люди, умирающіе съ голоду. Когда тѣ, которые подвергались этимъ мукамъ, спасаются, и пытаются описать ихъ, они не могутъ дать намъ болѣе, какъ неопредѣленныя указанія; потому что ничто не можетъ быть труднѣе, какъ описать ощущенія органовъ пищеваренія, даже пока продолжаются эти ощущенія; а до какой степени трудно описать ихъ по ихъ прекращеніи, въ томъ можетъ

убѣдиться всякій, кто попытается дать такое описаніе испытанныхъ имъ ощущеній. Большая часть изъ записанныхъ разсказовъ этого рода принадлежитъ людямъ, непривыкшимъ разбирать свои ощущенія, и мы должны сосредоточивать наше вниманіе лишь на чертахъ, общихъ всѣмъ этимъ разсказамъ. Выбираю изъ нихъ два, въ видѣ примѣровъ.

Гольсмитъ передаетъ намъ разсказъ капитана корабля, который подвергался крушенію. По словамъ этого капитана, онъ одинъ еще не потерялъ сознанія, когда наконецъ пришла помощь. „Онъ увѣрялъ меня, что сначала его страданія были такъ велики, что на него часто находило искушеніе съѣсть частицу труповъ уже погибшихъ товарищей, которыми дѣйствительно питался его экипажъ. Онъ говорилъ, что его муки доходили до нестерпимости въ это время, и что ему хотѣлось самому ускорить эту смерть, которая казалась ему неизбѣжною. Но послѣ шестаго дня, его страданія мало-по-малу утихли, (у нихъ была съ собою вода, что и поддержало ихъ такъ долго), и послѣ того онъ ощущалъ только слабость и чувствовалъ позывъ къ ѣдѣ, только когда другіе ѣли при немъ. Наконецъ, когда его организмъ совершенно разстроился, тысячи странныхъ образовъ стали возникать передъ его воображеніемъ, и всѣ его чувства стали его обманывать. Когда на помощь приплылъ другой корабль, и ему предложили пищу, ея видъ внушилъ ему не желаніе, а отвращеніе; и лишь по прошествіи четырехъ дней его

желудокъ пришелъ въ нормальное настроеніе, и тогда въ немъ пробудился дикій, волчій аппетитъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что человѣкъ, голодавшій такъ долго, при такой потребности его тѣла въ пищѣ и при такомъ сильномъ аппетитѣ, однакоже не находится въ состояніи принять много пищи, и лишь постепенно, ѣдя по немножку, можетъ вернуться къ этому состоянію. Дѣло въ томъ, что, какъ и всѣ другіе органы, желудокъ страдаетъ отъ недостатка правильный дѣятельности. При голоданіи, железки перестаютъ отдѣлять; кровь оставляетъ желудокъ; правильная дѣятельность прервана; и когда пища снова требуетъ отъ желудка прежней работы, онъ не обладаетъ болѣе прежнею силою. Мало-по-малу пища возбуждаетъ снова отдѣленія пищеваго канала, и тогда аппетитъ можетъ быть безопасно удовлетворенъ.

Слѣдующій случай особенно важенъ. Это поденныя записки человѣка, который произвольно уморилъ себя голодомъ. Онъ былъ купецъ, и его денежныя неудачи такъ поразили его, что онъ рѣшился на самоубійство, и побродивши по пустымъ мѣстамъ отъ 12 по 15 сентября 1818 года, онъ вырылъ себѣ могилу въ лѣсу, пролежалъ въ ней до 3 октября, и тутъ былъ найденъ, еще живой, трактирщикомъ сосѣдняго селенья. Гуфеландъ, передающій намъ этотъ случай, разсказываетъ, что послѣ осьмнадцати-дневнаго голоданія этотъ человѣкъ еще дышалъ, но умеръ тотчасъ послѣ того,

какъ его заставили проглотить немного супу. При немъ нашли дневникъ, написанный карандашомъ, изъ котораго мы сообщаемъ слѣдующія выписки:

16 сент. —Я прошу человѣколюбиваго прохожаго, который найдетъ мой трупъ, зарыть его, и вознаградить себя за этотъ трудъ моимъ платьемъ, моимъ кошелькомъ, бумажникомъ и ножемъ. Я не самоубійца, но я умираю съ голоду, потому что злые люди лишили меня моего достоянія, и я не хочу быть въ тягость моимъ друзьямъ. Вскрывать меня не нужно: смерть моя происходитъ отъ голода.

17 сент.—Какую ночь я провелъ! Шелъ дождь. Я весь промокъ. Мнѣ было такъ холодно!

18 сент.—Холодъ и дождь заставили меня встать и пройтись; мой шагъ былъ очень слабъ. Жажда заставила меня лизать капли, оставшіяся на грибахъ. Какая скверная вода!

19 сент.—Холодъ, длинныя ночи, легкость моего платья, отъ котораго холодъ еще чувствительнѣе, все это меня измучило.

20 сент —Мой желудокъ страшно потрясенъ; голодъ, и особенно жажда, становятся все мучительнѣе. Вотъ ужъ три дня, какъ нѣтъ дождя. А хотѣлось бы теперь полизать воду съ грибовъ!

21 сент. —Не въ силахъ выносить долѣе мучительную жажду, я доползъ съ большимъ трудомъ до гостинницы, и купилъ бутылку пива, но она не утоли-

ла моей жажды. Вечеромъ я напился воды изъ колодца около гостинницы, гдѣ я купилъ пива.

23 сент. —Вчера я едва могъ двигаться, еще менѣе писать. Сегодня жажда заставила меня пойти къ колодцу; вода была холодна, какъ ледъ, и мнѣ отъ нея сдѣлалось дурно. У меня были судороги до самаго вечера. Однако, я вернулся къ колодцу.

26 сент.—Мои ноги словно отмерли. Вотъ ужъ три дня я не въ силахъ пойти къ колодцу. Жажда усиливается. Я такъ слабъ, что едва могъ начертить эти строки.

29 сент.— Я былъ не въ силахъ двигаться. Шелъ дождь. Мое платье мокро. Никто не повѣритъ, какъ я страдаю. Во время дождя, нѣсколько капель упало мнѣ въ ротъ, но онѣ не утолили моей жажды. Вчера я видѣлъ крестьянина, саженяхъ въ десяти отъ меня. Я поклонился ему. Онъ отдалъ мнѣ поклонъ. Я умираю съ сожалѣніемъ. Слабость и судороги мѣшаютъ мнѣ писать. Я чувствую, это въ послѣдній разъ...»

Этотъ трогательный случай доказываетъ, какъ впрочемъ и всѣ прочіе, что жажда гораздо мучительнѣе голода. Рѣшимость этого человѣка не была довольно сильна, чтобы удержать его отъ питья, но не видно, чтобъ онъ хоть разъ поколебался въ своемъ намѣреніи воздерживаться отъ пищи. Замѣтимъ также, что онъ перестаетъ жаловаться на холодъ, когда жажда становится невыносимою, тутъ съ нимъ сдѣлался жаръ.

II.

Жажда.

Жажда близко походитъ на голодъ тѣмъ, что она также есть ощущеніе общее, хотя ее обыкновенно разсматриваютъ, какъ ощущеніе мѣстное, зависящее отъ сухости рта и горла. Эта сухость рта и горла, столь извѣстная всѣмъ намъ, происходитъ отъ недостатка воды въ тѣлѣ; но она можетъ быть обусловлена, и часто обусловливается мѣстными причинами, при совершенно достаточномъ количествѣ воды въ общемъ составѣ организма, и эти мѣстныя причины производятъ мѣстное ощущеніе. Вино, кофе, пряности возбуждаютъ сильное ощущеніе жажды, хотя первые два вещества увеличиваютъ количество жидкости въ тѣлѣ, а не уменьшаютъ его. И мы знаемъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно послѣ долгихъ страданій, никакое количество жидкости не можетъ утолить жажды.

Андерсонъ, въ своихъ путешествіяхъ по Африкѣ, описываетъ мученія, которымъ подвергались его товарищи, и прибавляетъ, что «когда изнуренные жаждою люди и животныя погружались въ воду и пили до переполненія желудка, вода словно потеряла относительно ихъ свои свойства, и всѣ ихъ усилія утолить жажду оказывались тщетными“. Долгая жажда произвела въ этихъ несчастныхъ лихорадочный жаръ, который не

могъ пройти тотчасъ, какъ организмъ пополнялся необходимымъ количествомъ воды; это показываетъ, что хотя недостатокъ жидкости есть первичная причина жажды, ближайшая причина ея должно быть зависимое отъ первой мѣстное пораженіе.

Съ другой стороны, это мѣстное ощущеніе до такой степени зависимо отъ общаго состоянія организма, что, если внести воду въ вены или въ кишки, жажда прекращается, хотя вода и не коснулась рта и горла. Влажная атмосфера предупреждаетъ жажду; ванна облегчаетъ ее, потому что чрезъ кожу всасывается вода.

На этомъ основаніи Франклинъ совѣтуетъ людямъ, лишеннымъ (во время кораблекрушеній) необходимаго запаса воды—купаться въ морской водѣ. Это конечно облегчило бы ихъ жажду,—но это средство, именно при кораблекрушеніяхъ, сопряжено съ большою опасностію. Сильная потеря тепла, происходящая при купаніи, можетъ имѣть гибельныя послѣдствія при недостаточномъ питаніи.

Причины жажды.—Точно такъ же, какъ первичная причина голода есть разрушеніе тканей — такъ и первичная причина жажды есть недостатокъ воды для пополненія расхода, безпрестанно происходящаго въ видѣ выдѣленій, дыханія, испарины.

При всякомъ дыханіи мы испускаемъ изъ своего тѣла извѣстное количество воды въ видѣ пара. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ, когда эта вода осаждается на холодную поверхность стекла или стали, или когда

воздухъ достаточно холоденъ, чтобы сгустить наше дыханіе въ видимый паръ.

Это одинъ изъ путей, которыми наше тѣло постоянно теряетъ влагу. Другой, еще болѣе значительный путь, есть испарина, которая въ жаркую погоду, или при сильныхъ тѣлодвиженіяхъ, обильными каплями выступаетъ изъ нашей кожи. Но даже когда мы не движемся, мы этимъ путемъ, хотя и незамѣтно, теряемъ значительныя количества воды.

Съ перваго взгляда можетъ казаться не совсѣмъ понятнымъ, почему эта ежедневная потеря воды должна быть въ точности замѣнена новою водою, для того, чтобы организмъ остался въ нормальномъ состояніи. Какую важность можетъ имѣть для тѣла обстоятельство, потеряетъ-ли оно нѣсколько больше или нѣсколько меньше воды? Развѣ вода существенная часть тѣла? Необходима-ли она для жизни?

Не только вода есть существенная составная часть тѣла, но ее можно было бы назвать самою существенною, еслибы тамъ, гдѣ все необходимо, можно было бы давать преимущество одному элементу. По количеству, вода имѣетъ огромный перевѣсъ надъ всѣми прочими составными веществами тѣла: она составляетъ 70 процентовъ полнаго его вѣса! Нѣтъ ни одной ткани во всемъ тѣлѣ, не исключая и костной, не исключая и эмали зубовъ, въ которую вода не входила бы, какъ необходимое составное вещество. Во многихъ тканяхъ, и именно въ самыхъ дѣятельныхъ, она есть главная

по количеству составная часть. Въ нервной ткани, изъ тысячи частей 800 суть вода; въ легкихъ 830; въ поджелудочной железѣ 871; въ сѣтчатой оболочкѣ глаза не менѣе 927!

Этому количественному перевѣсу воды въ человѣческомъ тѣлѣ соотвѣтствуетъ и ея физіологическое значеніе. Она служитъ путемъ и для внесенія пищи, и для выдѣленія продуктовъ разрушенія. Она содержитъ въ растворѣ газы, растворяетъ твердыя тѣла, придаетъ каждой ткани ея физическія свойства, есть необходимое условіе того безпрестаннаго процесса разрушенія и созданія, съ которымъ связано продолженіе самой жизни.

При такой важной роли воды въ человѣческомъ организмѣ, понятно, что колебанія количества этой жидкости въ нашемъ тѣлѣ должны производить колебанія въ нашихъ общихъ ощущеніяхъ, и почему чрезвычайная потеря воды производитъ въ нашемъ организмѣ то потрясеніе, которое называютъ бѣшеною жаждою — потрясеніе, болѣе страшное, чѣмъ самый сильный голодъ, и это по слѣдующей причинѣ: лишенный пищи, организмъ еще можетъ поддерживать себя собственными составными веществами, дающими на это весь нужный матеріалъ; но лишенный воды, организмъ не находитъ ей замѣны въ себѣ.

Случалось, что люди въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль выносили совершенное лишеніе пищи; но совершенное лишеніе питья едва ли выносилось кѣмъ-нибудь болѣе трехъ дней — развѣ въ очень влажной

атмосферѣ. Жажда самая ужасная изъ мукъ, изобрѣтенныхъ восточными деспотами. Она самое вѣрное средство для укрощенія дикихъ звѣрей. Мистеръ Астли, когда ему попадалась бѣшеная лошадь, всегда употреблялъ жажду, какъ самое вѣрное средство укрощенія, при чемъ давалъ ей немного воды всякій разъ, какъ она его слушалась. Описанія кораблекрушеній представляютъ намъ страшныя картины страданій, происходящихъ отъ жажды. Но одинъ изъ самыхъ потрясающихъ примѣровъ — знаменитое заключеніе ста сорока шести людей въ Черную Пещеру, въ Калкуттѣ, случай, на который часто ссылаются, и по своему физіологическому значенію стоящій того, чтобы мы его привели въ подробности.

Губернаторъ Форта Уилльяма въ Калкуттѣ посадилъ въ тюрьму индійскаго купца, извѣстнаго Омихунда. Жестокій набобъ Бенгала, Сударжа-Доула, давно искавшій предлога для войны, пошелъ на Фортъ Уилльямъ съ значительными силами, осадилъ и взялъ его, и заключилъ выжившую часть гарнизона въ подвалъ, называемый Черною Пещерою. Письмо, въ которомъ мистеръ Голлуель, коммендантъ крѣпости, описываетъ ужасы этого заключенія, напечатано въ *Annual Register* за 1758 годъ. Мы извлекаемъ изъ этого письма слѣдующія страницы:

„Представьте себѣ положеніе ста сорока шести несчастныхъ, изнуренныхъ трудами и борьбою, скученныхъ въ душную бенгальскую ночь, въ пространствѣ

осьмнадцати футовъ въ кубѣ, замкнутомъ съ юга и востока (единственныхъ сторонъ, откуда могло повѣять свѣжимъ воздухомъ), глухими стѣнами, стѣной съ дверью съ сѣвера, а съ запада стѣною съ двумя окнами съ густою желѣзною рѣшеткою, сквозь которую едва передавалось намъ движеніе воздуха... Уже черезъ нѣсколько минутъ, каждый изъ насъ подвергся такой сильной испаринѣ, что вы не можете себѣ составить понятія объ ней. Отъ этого произошла страшная жажда, которая усиливалась по мѣрѣ того, какъ наши тѣла теряли влагу. Стали думать о средствахъ, чтобы добыть больше воздуха и пространства. Для этой послѣдней цѣли кто-то предложилъ скинуть платье. Это предложеніе было одобрено, и въ одно мгновеніе всѣ раздѣлись, за исключеніемъ меня, мистера Коурта и двухъ молодыхъ людей, стоявшихъ возлѣ меня. Сначала всѣ думали, что выиграли этимъ очень много; каждая шляпа пришла въ движеніе, чтобы привести въ обращеніе воздухъ, и мистеръ Бейли предложилъ, чтобы всѣ сѣли на корточки. Къ этому средству прибѣгали неоднократно, и каждый разъ многіе изъ несчастныхъ, которые были слабѣе другихъ, или болѣе истощены, и не могли вставать тотчасъ, какъ къ тому подавали сигналъ, опускались чтобы болѣе не вставать, потому что ихъ тотчасъ же затаптывали и задушали. Когда всѣ садились, становилось такъ тѣсно, что нужно было большое усиліе, чтобы встать. Прежде девяти часовъ, у всѣхъ сдѣлалась невыносимая жажда, и дышать ста-

ло трудно. Стали дѣлать усилія, чтобы выломать дверь, но вотще. Пытались раздразнить караульныхъ, чтобы они покончили насъ. Что касается до меня, то я до тѣхъ поръ не ощущалъ особенныхъ страданій, кромѣ страха за моихъ товарищей. Приставляя лицо къ рѣшоткѣ окна, я могъ дышать свободно, хотя я былъ въ страшной испаринѣ и начиналъ ощущать жажду. Въ это время въ тюрьмѣ запахъ мочи сдѣлался такъ силенъ, что я не былъ въ силахъ отворачивать лицо отъ окна болѣе чѣмъ на секунду или на двѣ.

«Тутъ всѣ, кромѣ тѣхъ, которые помѣщались около оконъ, пришли въ неистовство, и многіе стали бредить. *Воды! воды!* кричали всѣ. Старый индѣецъ, сжалившись надъ нами, велѣлъ народу принести намъ нѣсколько мѣховъ съ водою. Я предвидѣлъ, что это отниметъ у насъ послѣднюю возможность спасенія, и нѣсколько разъ старался упросить его, чтобъ этого не дѣлали; но крики были такъ громки, что это мнѣ не удалось. Воду принесли. Нельзя описать словами того бѣшенаго волненія, которое при видѣ ея овладѣло всѣми нами. Я надѣялся было, что хотя нѣкоторые сохранятъ присутствіе духа, будутъ держать себя спокойно, и переживутъ эту страшную ночь. Но тутъ я къ ужасу своему увидѣлъ, что ни для кого нѣтъ надежды на спасеніе. *Пока не приносили воды, я самъ не очень страдалъ отъ жажды, но теперь она сдѣлалась чрезмѣрною.* Мы не могли иначе вносить воду въ тюрьму, какъ протискивая свои шляпы сквозь рѣшотку; и

этимъ способомъ Колесъ, Скоттъ и я, вносили ея, сколько могли. Но тѣ, которые испытывали сильнѣйшую жажду и знаютъ причины и свойства этого позыва, хорошо поймутъ, что это средство приносило лишь минутное облегченіе: причина продолжала дѣйствовать. Хотя мы сквозь рѣшотку протаскивали шляпы, наполненныя водою, изъ-за нихъ начиналась такая борьба, что прежде чѣмъ онѣ достигали чьихъ-нибудь устъ, въ нихъ едва оставалось нѣсколько глотковъ. Эта вода казалось дѣйствовала на жажду, какъ брызги на пламя, лишь больше возбуждая ее. О! любезный сэръ, какъ выразить вамъ, что я чувствовалъ, слыша крики и моленія тѣхъ, которые были оттѣснены въ углубленіе тюрьмы, и не могли надѣяться, что до нихъ дойдетъ хоть капля, но однако не могли и отказаться отъ надежды, и заклинали меня всѣми священными чувствами человѣчества помочь имъ. Водворился общій, страшный безпорядокъ. Многіе оставили другое окно — упустили единственную возможность спасенія, чтобы протиснуться къ водѣ, и давка около окна стала невыносима; многіе, проталкиваясь изъ дальнихъ угловъ тюрьмы, повалили другихъ, болѣе слабыхъ, и затоптали ихъ до смерти.

„Отъ девяти часовъ до одиннадцати приблизительно, я вынесъ это страшное зрѣлище, хотя мои ноги ломились отъ натиску. Въ это время меня чуть не задавили до смерти, а моихъ двухъ товарищей и мистера Перкера, который дотолкался до окна, задавили дѣйствительно. Наконецъ натискъ сталъ такъ силенъ,

что я не могъ болѣе шевельнуться. Рѣшившись оставить всякую надежду, я сталъ умолять ихъ, чтобы они не такъ давили меня и дали бы мнѣ отойти отъ окна и умереть спокойно. Они нѣсколько отступили, и я съ трудомъ пробрался въ средину тюрьмы, гдѣ было немного просторнѣе, потому что уже многіе умерли (около трети), а остальные тѣснились къ окнамъ; въ это время и въ другое окно подавали воду... Я легъ на какіе-то трупы, и поручивъ свою душу Богу, утѣшалъ себя мыслью, что ужъ не долго мнѣ страдать. Но тутъ моя жажда стала невыносима, и дыханіе еще болѣе затруднилось; не пролежалъ я такимъ образомъ десяти минутъ, какъ я почувствовалъ сильнѣйшую боль въ груди и страшное сердцебіеніе. Это заставило меня встать, но боль, сердцебіеніе и трудность дыханія все усиливались. Я однакожъ сохранилъ сознаніе и съ ужасомъ убѣдился, что смерть еще не такъ близка, какъ я думалъ, но тѣмъ не менѣе не былъ въ силахъ выносить мученія, которыя я испытывалъ, не пытаясь облегчить ихъ единственнымъ возможнымъ средствомъ — свѣжимъ воздухомъ. Я вдругъ рѣшился протолкнуться къ окну, которое было ближе отъ меня, и съ несвойственной мнѣ силою пробился до третьяго ряда отъ рѣшотки, схватился за нее рукою и такимъ образомъ достигъ до втораго ряда. *Черезъ нѣсколько мгновеній боль, сердцебіеніе, трудность дыханія исчезли*, но жажда продолжала быть нестерпимою. Я громко воскликнулъ: «*Воды, ради Бога!*» Меня уже считали мертвымъ; но

узнавъ меня, окружающіе были такъ добры, что закричали: «*Дайте ему воды!*» и никто изъ нихъ не хотѣлъ коснуться ея, прежде чѣмъ я напился. *Но вода не облегчила моихъ страданій, жажда отъ нея даже словно усилилась*; и такъ я рѣшился не пить болѣе, и терпѣливо ждать конца. Я увлажалъ себѣ губы, высасывая испарину изъ рукавовъ моей рубашки и ловя капли пота, который градомъ лился по моему лицу; вы не можете себѣ представить моего отчаянія, когда одна изъ нихъ протекала мимо рта... Мой сосѣдъ направо замѣтилъ, что я обманываю жажду, высасывая испарину изъ своего рукава, и сталъ отъ времени до времени лишать меня моего запаса. Хотя я имѣлъ осторожность обращаться къ этому рукаву лишь когда по моимъ разсчетамъ въ немъ уже было накоплено достаточно влаги, наши носы и губы часто встрѣчались. Этотъ человѣкъ одинъ изъ немногихъ, которые выжили, и онъ въ послѣдствіи приписывалъ свое спасеніе той водѣ, которая досталась ему изъ моего рукава. Никакая вода, говаривалъ онъ, не освѣжала его когда-либо такъ, какъ эта.

„Около половины двѣнадцатаго большая часть выжившихъ была въ бѣшеномъ бреду, а другіе совершенно потеряли сознаніе; лишь немногіе, кромѣ тѣхъ, которые стояли у окна, держались спокойно. Всѣ сознали, что вода, вмѣсто того, чтобы облегчать ихъ страданія, скорѣе усиливала ихъ, и общимъ крикомъ стало: *Воздуху! воздуху!* Всѣ оскорбленія, которыя можно было

придумать, были испробованы, чтобы заставить караульныхъ стрѣлять по насъ, и всякій, у кого еще хватало силъ, тѣснился къ окну, чтобы пасть отъ перваго выстрѣла. Но эта надежда не сбылась, и тѣ, которыхъ сила и энергія уже истощились, опустились на-земь и тихо умерли на трупахъ своихъ товарищей; другіе, въ которыхъ еще былъ остатокъ бодрости, сдѣлали послѣднее усиліе, чтобы пробиться къ окнамъ; многіе успѣли въ этомъ, перелѣзая черезъ спины и головы первыхъ рядовъ и схватились за рѣшотки, отъ которыхъ уже нельзя было оттащить ихъ. Многіе изъ стоявшихъ близь окна опустились подъ этою тяжестію и скоро задохлись, потому что тутъ отъ живыхъ и мертвыхъ стали подыматься такія испаренія, которыя, по ихъ ѣдкости, я могу сравнить только съ запахомъ спирта оленьяго рога, поднесеннаго къ самому лицу въ большомъ сосудѣ. Мнѣ нѣтъ надобности описывать мои муки въ это время. Достаточно сказать вамъ, что отъ половины двѣнадцатаго до двухъ часовъ утра, я вынесъ тяжесть здоровеннаго парня, упершагося колѣнами въ мою спину и налегшаго всѣмъ тѣломъ мнѣ на голову; голландскій сержантъ сидѣлъ у меня на лѣвомъ плечѣ, а на правое напиралъ солдатъ изъ негровъ: все это давленіе я конечно не могъ бы вынести, если бы я не былъ стиснутъ со всѣхъ сторонъ. Двухъ послѣднихъ я часто сбрасывалъ, перемѣняя точку опоры на рѣшотку, и толкая ихъ плечами подъ ребры; но мой товарищъ сверху держался крѣпко, и такъ какъ онъ

обѣими руками вцѣпился въ рѣшотку, то скинуть его было невозможно Частыя попытки избавиться отъ этой невыносимой тяжести наконецъ совершенно истощили меня, и, около двухъ часовъ, видя, что мнѣ нужно оставить окно или погибнуть на мѣстѣ, я рѣшился на первое, вынесши, только для своихъ товарищей, гораздо больше мученій, чѣмъ стоитъ выносить ихъ для сохраненія собственной жизни.

„Въ это время я почти перестал страдать. На меня постепенно находило онѣмѣніе, и я легъ около храбраго старика, преподобнаго Джервеса Беллеми, который лежалъ мертвый рядомъ и рука объ руку съ сыномъ своимъ, лейтенантомъ, близь южной стѣны, тюрьмы. О томъ, что происходило отъ этой минуты до нашего избавленія изъ этого страшнаго гроба, я не могу дать вамъ отчета.“

Въ шесть часовъ утра отперли дверь: изо ста сорока шести человѣкъ остались живы двадцать три. Ихъ удалось спасти отъ смерти.

Хотя въ этомъ случаѣ главною причиною смертности былъ спертый воздухъ, а не жажда, мы однако въ этомъ разсказѣ находимъ примѣры нѣкоторыхъ въ самыхъ страшныхъ явленій жажды. Смерть отъ асфиксіи (отъ испорченнаго воздуха) вообще не сопряжена съ страданіями и не имѣетъ ничего общаго съ приведеннымъ описаніемъ. Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на мѣста, напечатанныя курсивомъ. Изъ нихъ явствуетъ, что жажда — ощущеніе, зависящее

не только отъ недостатка воды въ организмѣ, но и отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ пораженій: чѣмъ больше воды пили эти люди, тѣмъ невыносимѣе становилась ихъ жажда: и одинъ видъ воды дѣлалъ нестерпимымъ ощущеніе, которое до того времени было сносно. Усиленное ощущеніе жажды послѣ принятія воды было-бы вполнѣ непонятно, если бы мы считали недостатокъ этой жидкости за ближайшую причину жажды; но оно не совсѣмъ необъяснимо, если мы станемъ разсматривать недостатокъ воды не какъ ближайшую, а какъ первичную причину жажды. Потому что, если отъ первичной причины развилось болѣзненное состояніе рта и горла, это состояніе можетъ продолжаться и по удаленіи причины. Возбужденіе холодной водою въ этомъ случаѣ даетъ лишь минутное облегченіе, и усиливаетъ ощущеніе, обусловливая сильный приливъ крови къ возбужденнымъ частямъ. Еслибъ, вмѣсто холодной воды, было выпито немного теплаго чая или теплой воды съ молокомъ, это принесло бы продолжительное облегченіе; или еслибъ вмѣсто холодной воды, былъ взятъ въ ротъ кусокъ льду, и тамъ бы дали ему растаять, произошло-бы совершенно иное дѣйствіе: мгновенное приложеніе холоднаго тѣла возбуждаетъ приливъ крови—продолжительное ослабляетъ его.

Поэтому, если читатель когда-нибудь будетъ страдать сильною жаждою, пусть онъ помнитъ, что теплое питье лучше утолитъ ее, чѣмъ холодное, ледъ лучше, чѣмъ холодная вода.

Мы должны сказать однако, что хотя никакое коли-

чество холодной жидкости не можетъ уничтожать вдругъ того лихорадочнаго состоянія, въ которое приходятъ ротъ и горло отъ недостатка воды въ организмѣ; тѣмъ не менѣе необходимо, для прекращенія первичной причины, а за тѣмъ и ощущенія, внести въ тѣло столько жидкости, сколько ея недостаетъ въ немъ. По наблюденіямъ Клода Бернара, собака, у которой было отверстіе въ желудкѣ, пила безпрестанно, потому что вода вытекала изъ ея тѣла такъ же быстро, какъ поглащалась ею. Напрасно вода увлажала ротъ и горло: жажда не утолялась. Собака пила, пока усталость не заставляла ее перестать; и послѣ нѣсколькихъ минутъ она снова принималась за ту-же напрасную работу; но какъ только отверстіе было закрыто, и вода могла удерживаться въ желудкѣ, откуда она распредѣлялась по организму, жажда быстро прекратилась.

Узнавши физіологическую важность воды, и помня, что она безпрестанно выдѣляется изъ тѣла посредствомъ дыханія, испарины, и разныхъ испражненій, мы не можетъ не удивляться тѣмъ значительнымъ разностямъ, которыя представляютъ количества воды, выпиваемыя животными. Эта трудность не разрѣшается и тѣмъ, что мы примемъ въ расчетъ пищу животныхъ, потому что нѣкоторыя травоядныя животныя требуютъ значительныхъ количествъ воды, между тѣмъ какъ другія проживаютъ цѣлые мѣсяцы безъ питья, довольствуясь тою водою, которую содержатъ поѣдаемыя ими растенія.

Докторъ Ливингстонъ нашелъ въ пустынѣ Калагари,

въ мѣстахъ, гдѣ рѣшительно не было воды, слоновъ совершенно бодрыхъ и здоровыхъ, и въ ихъ желудкахъ оказывались значительныя количества воды. „Я тщательно осматривалъ весь пищевой каналъ“, говоритъ онъ, отыскивая въ немъ какой-нибудь особенности, которая могла бы объяснить способность этихъ животныхъ жить нѣсколько мѣсяцевъ безъ питья, но не нашелъ ничего. Другія животныя, какъ Cephalopus merges, Tragulus rupestris, Oryx capensis, и также дикобразъ могутъ жить по нѣскольку мѣсяцевъ одними луковицами и корнями, содержащими влагу. Съ другой стороны, есть животныя, которыхъ встрѣтишь не иначе, какъ по близости отъ воды. Присутствіе носорога, буйвола гну, жираффы, зебры и паллы (Antilope melampus), служитъ вѣрнымъ признакомъ тому, что въ разстояніи не болѣе семи или осьми миль есть вода.

Единственное разрѣшеніе этой трудности, которое я могу себѣ представить, заключается въ томъ, что животныя, проживающія долго безъ питья, теряютъ не болѣе воды черезъ испаренія и изверженія, чѣмъ сколько можетъ замѣнить ее ихъ растительная пища; такъ какъ положительно извѣстно, что для совершенія ихъ жизненныхъ отправленій требуется столько же воды, сколько и другимъ животнымъ. Замѣчено, что у людей, добровольно воздерживающихся отъ питья, выдѣленія уменьшаются до крайности. Соважъ, въ своей *Nosotodia Medica*, разсказываетъ объ одномъ членѣ Тулузской академіи, который не зналъ, что̀ такое жажда, и цѣлыми

мѣсяцами, даже въ лѣтніе жары, не пилъ ни капли. Тотъ-же авторъ приводитъ примѣръ женщины, ничего не пившей впродолженіи сорока дней. Г. Бераръ думаетъ, что все чудесное этихъ фактовъ исчезаетъ, если мы примемъ въ расчетъ количество жидкости, содержимое всякое пищею; но я скорѣе склоненъ усомниться въ точности этихъ показаній, чѣмъ принять такое объясненіе; во всякомъ случаѣ, эти факты такъ исключительны, что имѣютъ мало важности при рѣшеніи общаго вопроса.

Дѣйствія жажды обнаруживаются во первыхъ сухостью рта, нёба и горла. Отдѣленія становятся менѣе обильными. Ротъ наполняется густою слизью, языкъ прилипаетъ къ нёбу, голосъ становится хриплымъ. Потомъ глаза загораются, дыханіе становится труднымъ, ощущается лихорадочное возбужденіе, часто переходящее въ бредъ. Сонъ безпокоенъ и сопровождается грезами, подобными мукамъ Тантала. Несчастнымъ матросамъ погибшей *Медузы* постоянно снились тѣнистые лѣса и свѣжіе ручьи.

Надобно замѣтить, что ощущеніе жажды, какъ-бы оно ни было слабо, всегда непріятно, въ чемъ оно отличается отъ голода, который въ своемъ началѣ, въ формѣ аппетита, рѣшительно пріятенъ. Трупы людей, погибшихъ отъ жажды, представляютъ намъ всеобщую сухость тканей, сгущеніе соковъ, нѣсколько свернутую кровь, множество признаковъ воспаленія, иногда антоновъ огонь въ главныхъ внутренностяхъ. По мнѣнію Вонже, го-

лодъ убиваетъ, производя гнилую горячку, жажда, — воспалительную.

Таковы голодъ и жажда, два сильные двигателя, благодѣтельные и страшные, бдительные стражи, постоянно напоминающіе намъ о необходимости пищи и питья — источники живыхъ удовольствій и ужасныхъ страданій, побудители доброй дѣятельности, служители нашихъ высшихъ стремленій. Мы всѣ знаемъ ихъ въ слабѣйшихъ ихъ проявленіяхъ. Не дай Богъ намъ узнать ихъ въ ихъ страшныхъ крайностяхъ!

РЫБЫ.

ОСОБЕННОСТИ ИХЪ, ОБРАЗЪ ЖИЗНИ, МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ И СТРАНСТВОВАНІЕ (*).

Ахъ если бы ты зналъ,
какъ хорошо рыбкѣ на днѣ.
Гете.

Конечно! такъ хорошо, какъ всякому существу, которое живетъ и умираетъ соотвѣтственно своему назначенію. Только человѣку часто бываетъ дурно и непріятно, потому что онъ, по собственной винѣ, живетъ не сообразно своему назначенію, въ разладѣ съ своимъ внутреннимъ существомъ, и сознаетъ, что ему слѣдуетъ и чего нельзя исполнять; между тѣмъ какъ у остальныхъ существъ совершенно гармонически соединяется то, что они должны совершать, съ тѣмъ, что они дѣлаютъ. Но именно потому для человѣка жизнь въ студеной глу-

(*) Изъ сочиненія Шлейдена «Море», въ переводѣ П. Ольхина. Изданіе М. О. Вольфа.

бинѣ не пригодна; по человѣческимъ понятіямъ, хорошее состояніе рыбъ не завидно и „всякій радъ, кто живетъ на бѣломъ свѣтѣ“.

Мы попытаемся описать природу рыбъ съ главныхъ точекъ зрѣнія. Затѣмъ пусть всякій самъ судитъ, есть ли причина завидовать „рыбамъ, этому плавающему отродію Амфитриты“ (Оппіанъ) и спуститься къ нимъ, чтобы „поздоровѣть“.

Рыбу мы представляемъ себѣ обыкновенно такой формы, какую, напр., имѣетъ карпъ, т. е. продолговатою, по бокамъ приплюснутою, спереди и сзади заостренною, на одномъ концѣ съ головою, какъ бы ограниченною жаберною щелью, а на другомъ съ расширяющимся хвостомъ, оканчивающимся тупо. Такую нормальную форму имѣетъ бочковидный двуколючникъ. Но уже форма хвоста представляетъ существенныя данныя для раздѣленія рыбъ на равнохвостыхъ и неравнохвостыхъ. Сверхъ того, вся форма тѣла часто отклоняется отъ обыкновенной рыбной. Такъ, напр., животныя группы твердокожихъ, собственно говоря, уродливы, коротки, толсты, припухлы и часто почти шарообразны, какъ кузовки. Еще болѣе уклоняется отъ нормальной формы рыбы семейство коньковъ, какъ напр., пегасъ. Шарорыбы представляются какъ бы круглою головою, усаженною плавниками, между тѣмъ какъ тесминныя узки и длинны, на подобіе лентъ, какъ напр., серебристый ленточникъ, длиною въ пять футовъ и вышиною лишь въ дюймъ. Скаты приплюснуты сверху внизъ. Кругло-

ротыя и мурены совсѣмъ круглы, а кособокія имѣютъ совершенно неправильное строеніе.

Наружный видъ рыбъ обусловливается еще двумя особенностями, изъ которыхъ одно находится въ тѣснѣйшей связи съ образомъ жизни животнаго, именно формою плавниковъ: непарные, именно спинные, хвостовые и проходные, изъ которыхъ послѣдніе расположены между отверстіемъ для изверженія и хвостомъ. Хвостовые и проходные плавники существуютъ только поодиночкѣ, между тѣмъ какъ число спинныхъ различно, но одинаково у одного и того же вида. Напр., у многопера ихъ 16. Парные плавники всегда соотвѣтствуютъ конечностямъ позвоночныхъ, почему ихъ существуетъ только по двѣ пары. Шейные плавники сидятъ непосредственно у задняго конца головы; оба другіе расположены менѣе правильно, и по мѣсту ихъ прикрѣпленія различаютъ брюшные, грудные и шейные плавники. Такимъ образомъ, у скорпены Иль-де-Франса есть большой колючій спинной плавникъ, простой округленный хвостовый и одинъ проходной, спереди также колючій. Шейные плавники велики, широки и красиво лучисты, и подъ ними стоитъ длинный грудной плавникъ. У рыбъ плавники служатъ органами движенія двоякимъ образомъ: парные, если они существуютъ, вполнѣ представляютъ весла, и точно такое же значеніе имѣютъ непарные, особенно хвостовые, дѣйствующіе какъ въ лодкѣ, въ которой гребутъ сзади только однимъ весломъ. Кромѣ того, непарные плавники слу-

жать рулями, причемъ имъ помогаютъ и парные односторонним своимъ дѣйствіемъ. Многія рыбы могутъ прыгать, сильно ударяя плавниками: напр., лососи въ состояніи перескочить черезъ довольно значительныя преграды въ рѣкахъ, черезъ плотины и небольшіе водопады. Въ сѣверныхъ водахъ, куда правильное заплываніе лососей весьма важно для будущаго лова и пропитанія значительнаго числа людей рыбами, восхожденіе на высокіе водопады облегчаютъ имъ устройствомъ искусственныхъ ступеней, такъ называемыхъ лососевыхъ лѣстницъ.

Всего поразительнѣе такіе скачки въ воздухѣ у такъ называемыхъ летучихъ рыбъ. Мы говоримъ „такъ называемыхъ", такъ какъ по самымъ внимательнымъ наблюденіямъ видно, что эти животныя только выпрыгиваютъ въ воздухъ сильнымъ ударомъ и опять медленно и косвенно падаютъ въ море, пока большіе расширенные ихъ шейные плавники влажны и гибки. Оттого они не замѣчательнѣе млекопитающихъ, которыя, имѣя форму рыбы, живутъ въ водѣ, а также летучихъ бѣлокъ, птицъ, которыя не могутъ летать, летучихъ ящерицъ и т. д. Ограниченіе пребыванія организма только въ одной средѣ, собственно говоря, несовершенство, и наблюдается только у низшихъ организмовъ, у водорослей, полиповъ, двустворчатыхъ и т. д. Всѣ выше развитыя животныя свободнѣе и менѣе привязаны къ землѣ. У насѣкомыхъ, рыбъ, гадовъ, птицъ и млекопитающихъ, въ каждомъ классѣ есть летающіе, бѣгающіе

и плавающіе виды, и многіе изъ нихъ въ состояніи пользоваться по произволу однимъ изъ трехъ способовъ движенія. Важнѣйшія летающія рыбы: изъ семейства белонъ, долгоперы или летучія щуки Средиземнаго и Атлантическаго океана и летучій долгоперъ, встрѣчаемый болѣе къ югу отъ экватора; изъ семейства триглъ, морская ласточка и летучка въ Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ, и, наконецъ, летучій окунь Индійскаго моря. Когда этихъ животныхъ преслѣдуютъ большія хищныя рыбы, они стараются спастись, выскакивая изъ моря такъ высоко, что иногда падаютъ на палубу большихъ судовъ. При этомъ, однако, часто только мѣняется мѣсто преслѣдованія, потому что въ воздухѣ уже поджидаютъ легкую добычу большія чайки и альбатросы. Впрочемъ, летучія рыбы не только преслѣдуются, но и преслѣдуютъ, потому что летучій окунь относится къ опаснѣйшимъ хищникамъ и растерзываетъ даже треску, которая въ 20 разъ больше своего преслѣдователя. Наружные покровы рыбъ или кожа у немногихъ гола и слизиста, какъ у круглоротыхъ и сомовъ, большею же частію, покрыта разнаго рода чешуями, составляющими настоящій кожный скелетъ. Агасицъ первый распозналъ существенное различіе строенія чешуй и основалъ на немъ весьма хорошую систему допотопныхъ рыбъ. Различаютъ слѣдующія формы: тонкія, обыкновенно кругловатыя, мягкія костяныя пластинки составляютъ самую простую форму, свойственную особенно костистымъ. Почти совсѣмъ круглыя и прос-

тыя называются круглыми и характеризуютъ, напр., семейство щукъ, слоистой трески, карповъ, сельдей и т. д. Если чешуи кзаду зубчаты или усажены на поверхности задней части зубчиками, то ихъ называютъ гребневыми, и ими отличаются, между прочимъ, окуневыя, спаровыя и камбалы. При значительномъ окостенѣніи отдѣльныхъ частей кожи, возникаютъ болѣе толстыя костянки, часто неправильныя и малыя, отчего кожа дѣлается только шершавою и даже острою, какъ это видно на шагреновой кожѣ, доставляемой многими акулами. Часто представляются большія пластинки, усаженныя иногда крючками или шипами, какъ напр. въ семействѣ твердокожихъ и у многихъ скатовъ. Такія чешуи называютъ пластинчатыми. Иногда эти чешуи очень велики и представляютъ красивыя, костяныя пластинки, прилегающія одна къ другой, какъ у осетра и monocentris japonicus Bloch. Всего болѣе чешуя развита, когда ее покрываетъ блестящій слой эмалеваго вещества, и въ этомъ случаѣ ихъ называютъ твердыми. Такія чешуи свойственны, напр., многопернику. Круглыя и гребенчатыя чешуи обыкновенно покрываютъ другъ друга спереди кзаду, какъ черепица крышу; другіе-же виды лежатъ, большею частію, поодиночкѣ или соприкасаются краями. У живыхъ рыбъ всего рѣже встрѣчаются ромбическія или угловатыя косочетырехугольныя, эмалевыя чешуи, свойственныя многимъ семействамъ допотопныхъ.

Нерѣдко рыбы отличаются превосходнымъ цвѣтомъ,

особенно металлическимъ блескомъ, какъ бы полированной мѣди, серебра или золота, что придаетъ оттѣнкамъ особенно прекрасный лоскъ. Отъ серебрянцы и селявы или уклейки получаютъ смываніемъ чешуй мелкіе металлическіе, блестящіе листочки, а изъ серебряницъ приготовляютъ жидкость, названную essence d'Orient, употребляемую для выдѣлки искусственнаго жемчуга, при которой ею смачиваютъ внутреннюю поверхность тонкихъ стеклянныхъ бусинъ, наполняемыхъ за тѣмъ воскомъ Цвѣта рыбъ то идутъ въ тѣнь, при чемъ спина всего темнѣе, то располагаются прямыми и извилистыми полосами или круглыми пятнами, какъ напр., у рукопера. Изъ рыбъ, отличающихся блестящими цвѣтами, назовемъ здѣсь барбуна, которому удивлялись уже римляне, кокетку, съ киноварокрасными и фіолетовыми пятнами, серебристую тесьмину, которая походитъ на серебряную змѣю, переливающуюся розовымъ и лазоревымъ цвѣтами, и самую великолѣпную голорыбицу, которая какъ бы покрыта серебряною пылью и блещетъ какъ сапфиръ, изумрудъ, рубинъ и опалъ. Изъ множества другихъ рыбъ, мы, для примѣра, упомянемъ о зеленобрюшкѣ макрели, различныхъ золотыхъ рыбкахъ губанѣ и юліи.

Между безчисленными рыбами, населяющими моря, озера и текучія воды, лишь очень немногія питаются растительною пищею, и къ нимъ относятся только карпы и еще немногія другія малыя группы. Всѣ же остальныя рыбы—хищники, которые питаются исключительно животною пищею. Многіе виды, какъ напр.,

пятіиглый щетинозубъ, спинорогъ, серебрянецъ и иглотѣлъ объѣдаютъ кораллы, раздробляя мелкія вѣтви своими крѣпкими, твердыми челюстями объѣдаютъ вѣтви съ полипами. Куа и Гемаръ нашли въ желудкѣ синяго иглотѣла 2 фунта крупныхъ кусковъ填 ралловъ. Другія питаются медузами, червями, насѣкомыми, моллюсками, рыбьею икрою, мелузгою и гадами, или нападаютъ на сродственниковъ. Безконечно-яростный бой, вѣчное умерщвленіе и поглощеніе, вотъ „прекрасная жизнь рыбки на днѣ". Особенно хищны и прожорливы щуки, лягвы, волкорыбы и акулы. Хищность щуки до того извѣстна, что ее считаютъ самымъ опаснымъ обитателемъ рыбныхъ прудовъ. Если лягва попадаетъ въ сѣть съ другими рыбами, то она пожираетъ всѣхъ товарищей плѣна. Самая же ужасная рыба—акула, которая губитъ всякое приближающееся къ ней существо, за исключеніемъ развѣ лоцмана. Акула, пойманная у острова Явы, имѣла въ желудкѣ кости большой черепахи, голову буйволицы и теленка (Джонъ Барроу). У Средиземнаго моря Бруннихъ нашелъ въ акулѣ два тунца и цѣлаго матроса въ одеждѣ, а въ другой солдата съ саблею. А Мюллеръ утверждаетъ, что въ экземплярѣ, вѣсомъ въ 1,500 фунтовъ, оказалась цѣлая лошадь. Во время морскаго сраженія акулы терзали и поглощали матросовъ, падавшихъ въ море, и посреди сражающагося флота боролись между собою изъ-за добычи, нисколько не безпокоясь о страшной пушечной пальбѣ (К. Дугласъ). Патеръ Лабатъ торжественно под-

тверждаетъ вѣру матросовъ, что акулы предпочитаютъ мясо негровъ мясу бѣлыхъ, и говоритъ, что, по его наблюденіямъ, онѣ охотнѣе нападаютъ на англичанъ, нежели на французовъ.

Для хищничества и уничтоженія жизни другихъ существъ, рыбы одарены оружіемъ, хитростью и ловкостью. Объ оборонительномъ оружіи многихъ рыбъ уже упомянуто: оно состоитъ изъ брони, часто чрезвычайно твердой, иногда, какъ у иглотѣла, снабженной еще длинными шипами. Если на иглотѣла нападаютъ, онъ раздувается, при чемъ его колючки щетинятся, и оттого онъ становится неприступнымъ. Оружія для нападенія гораздо разнообразнѣе. Всего болѣе заслуживаютъ вниманія зубы, которыхъ нѣтъ лишь у немногихъ рыбъ, ланцетниковъ, осетровъ и пучкожаберныхъ. Зубы могутъ быть на всякой кости, ограничивающей полость рта и зѣва, но рѣдко выростаютъ на всѣхъ одновременно. У карповъ они сидятъ только на зѣвныхъ костяхъ и вообще зубы чаще встрѣчаются въ зѣвѣ, нежели на челюстяхъ. Круглоротыя имѣютъ маленькіе острые зубы на губныхъ хрящахъ. Оттого поцѣлуй ихъ чувствителенъ и даже смертоносенъ, потому что они всасываются губами въ полость живота своей жертвы. Зубы круглоротыхъ, однако, только рогообразная твердая часть кожи рта, въ родѣ того, какъ когти и ногти на пальцахъ, между тѣмъ какъ настоящіе зубы всегда состоятъ изъ двухъ частей: костяной основы и покрывающаго ихъ эмалеваго слоя. Относительно числа,

формы и мѣста прикрѣпленія, зубы у рыбъ разнообразнѣе, чѣмъ у какого-либо другаго крупнаго позвоночнаго. То они долотообразно плоски или шиловидно треугольны, то трезубчаты или зубчаты на краяхъ, почему ихъ трудно ввести въ систему. Обыкновенно различаютъ двѣ формы: клыки, длинные, острые и коническіе и коренные зубы короткіе, широкіе и вверху плоскіе или выпуклые. Первые встрѣчаются преимущественно въ челюстяхъ и вообще въ переднихъ частяхъ рта, послѣдніе болѣе въ небѣ и зѣвѣ. Если эти зубы тѣсно расположены кучею, какъ у гладкой акулы, ихъ называютъ мостовидными. Длинные, тонкіе зубы, расположенные многими рядами, какъ напр. у окуня, называютъ щеточными. Если зубы до того мелки и сидятъ столь часто, что ихъ можно замѣтить только на ощупь, ихъ зовутъ бархатными. У многихъ рыбъ зубы подвижны и, въ случаѣ надобности, могутъ пригнуться назадъ, или выпрямиться. Обыкновенно многіе ряды зубовъ сидятъ одинъ за другихъ и замѣняютъ предстоящіе, если они утратились. У скалозубовъ челюсть совершенно покрыта эмалью, вслѣдствіе чего у нихъ только одинъ полукругло-изогнутый зубъ. Всѣхъ лучше снабжены зубами акулы. Большая акула надѣлена приблизительно 4,000 зубами. Самые крѣпкіе зубы имѣетъ волкорыба. Стеллеръ видѣлъ въ Камчаткѣ, какъ пойманная волкорыба схватила ломъ, которымъ ее били, и перекусила его, какъ кусокъ стекла. Шенфельдъ говоритъ, что на якоряхъ часто видны глубокія вдавленія ея зубовъ.

Къ орудіямъ нападенія рыбъ относятся еще многіе другіе органы, какъ напр.: длинный, острый, мечевидный отростокъ верхней челюсти у меченоса, которымъ онъ нападаетъ на величайшихъ морскихъ животныхъ и нерѣдко вонзается глубоко въ суда, примѣръ чего сохраняется въ лондонскомъ королевскомъ музеѣ. Подобное же орудіе составляетъ отростокъ съ зубами, сидящими въ лункахъ, у пилоноса, который своею пилою разрѣзываетъ животъ китовъ и кашалота, и котораго боятся даже акулы. Другія рыбы имѣютъ орудія на хвостѣ; такъ напр., у доктора и хирурга на хвостѣ сидитъ приподнимающаяся плоская острорѣжущая ключка, похожая на ланцетъ, которою рыба можетъ опасно ранить. Подобнымъ же образомъ дѣйствуетъ пиловидно-зубчатая хвостовая колючка хвостокола.

У рыбъ, особенно питающихся насѣкомыми, есть орудія, дѣйствующія далеко. Напр., обманщикъ можетъ быстро выдвинуть морду трубкою, и такимъ образомъ захватитъ мелкихъ рыбъ, не трогаясь съ мѣста. Особенно замѣчательны рыбы хельманы и брызгуны съ трубкообразно-вытянутою мордою. Когда онѣ замѣчаютъ муху или другое насѣкомое на растеніи, висящемъ подъ водою или выдающемся надъ нею, то медленно приближаются къ нему, мѣтко направленною струею воды сбрасываютъ жертву и поглощаютъ ее. Чтобы имѣть такое забавное зрѣлище, въ Китаѣ ихъ нерѣдко держатъ въ стеклянныхъ сосудахъ, какъ золотыхъ рыбокъ.

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей служитъ

нѣкоторымъ рыбамъ одновременно орудіемъ защиты и нападенія. Это явленіе, сколько извѣстно, свойственно лишь небольшому числу водяныхъ животныхъ. Мы разумѣемъ здѣсь электрическихъ рыбъ, извѣстныхъ уже древнимъ, но основательно изслѣдованныхъ лишь въ новѣйшее время Сави, Р. Вагнеромъ, Робеномъ, Экеромъ, Бильгарценъ, М. Шульце и Дюбуа Реймономъ. Въ сущности, электрическій органъ состоитъ изъ мелкихъ *коробочекъ*, разъединенныхъ простою соединительною тканью, т. е. изъ призматическихъ пустотъ, расположенныхъ какъ пчелиныя ячейки и наполненныхъ студенистымъ веществомъ. На одной сторонѣ находятся поразительно толстые нервы, которые, развѣтвляясь, образуютъ мелкую сѣть, располагающуюся въ каждой коробочкѣ электрическою *пластинкою*. Эта электрическая пластинка состоитъ изъ тѣсно соединенныхъ клѣтковидныхъ концовъ электрическихъ нервовъ, которые сливаются всегда лишь съ одною стороною пластинки, имѣющею постоянно одинаковое положеніе въ электрическомъ органѣ, или вверху, или внизу. Нервная сторона пластинки всегда электрически-положительная, а противоположная электрически-отрицательная. Въ этомъ отношеніи строеніе органа у всѣхъ одинаково, въ прочемъ же представляются большія различія. У пѣгаго и гальваніева ската плоскіе электрическіе органы лежатъ въ головѣ, по обѣимъ сторонамъ черепа, и получаютъ нервы съ нижней стороны, отъ пятаго и четырехъ еще не опредѣленныхъ паръ мозговыхъ нервовъ.

У электрическаго угря на каждой сторонѣ хвоста, подъ кожею, находятся два электрическіе органа, получающіе нервы отъ хвостовой части спиннаго мозга. У электрическаго сома электрическій органъ лежитъ подъ кожею, вдоль всего тѣла, въ правой и лѣвой половинѣ и раздѣленъ разгородками на многія гнѣзда, соотвѣтствующія коробкамъ. Только одна пара нервовъ, выступающая между второю и третьею парами спинныхъ нервовъ, развѣтвляется въ этомъ органѣ. Точно такіе же органы находятся у другихъ скатовъ и остромордовъ въ хвостѣ, тѣмъ не менѣе у нихъ не замѣчено электрическихъ явленій. Сюда же относятся малоизвѣстные виды электрическаго иглобрюха и индійскаго тонкохвоста. Одинъ изъ видовъ остроморда считался у древнихъ египтянъ священнымъ (можетъ быть, изъ-за электричества?). Электрическій скатъ также былъ извѣстенъ древнимъ, и его изображеніе часто встрѣчается на стѣнной живописи въ Геркуланѣ. Діоскоридъ разсказываетъ, что прикосновеніемъ къ нему излечиваютъ головную боль. Позднѣе имъ пользовались также противъ подагры. Это, во всякомъ случаѣ, самыя древнія извѣстія о врачебномъ употребленіи электричества. Всѣхъ сильнѣе, кажется, дѣйствуетъ электрическій угорь, который однимъ разряженіемъ можетъ оглушить мула и лошадь, или даже умертвить ихъ. Онъ уже опустошилъ многія озера, бывшія прежде очень богатыми рыбою. Всѣ рыбаки весьма боятся его. Этихъ угрей ловятъ, загоняя предварительно въ воду мула, на которомъ ры-

бы истощают свое электричество. Когда угорь уплывает от дико мечущихся животных к берегу, его вытаскивают веревками, не проводящими электричества. Въ своихъ „Очеркахъ Природы“ Гумбольдтъ представилъ очень живую и живописную картину такого лова. Когда угорь истощился, ему нужны хорошая пища и продолжительный покой, чтобы опять запастись электричествомъ. Впрочемъ, кажется (если можно такъ выразиться), что отъ воли угря зависитъ произвести ударъ или нѣтъ. Краткое наше описаніе этого интереснаго явленія мы не можемъ заключить лучше, нежели словами Гумбольдта: „То, что составляетъ невидимое живое оружіе этихъ обитателей водъ, также возбуждается соприкосновеніемъ влажныхъ и разнородныхъ частей и течетъ во всѣхъ органахъ животныхъ и растеній, воспламеняетъ небесный сводъ, сопровождаясь громомъ, соединяетъ желѣзо съ желѣзомъ и управляетъ тихимъ однообразно повторяющимся ходомъ иглы: все это истекаетъ изъ одного источника, все сливается въ одну вѣчную, повсюду распространенную силу.“

Подобно мудрому Соломону, говорятъ, что: „Нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ.“ Пожалуй съ такимъ же правомъ можно сказать: „Нѣтъ ничего стараго подъ солнцемъ“, или, выражаясь иначе: „Все старое, при дальнѣйшихъ успѣхахъ, оказывается невѣрнымъ.“ Какъ еще недавно жилъ Линней, который говоритъ: „Рыбы нѣмы и глухи“, между тѣмъ, какъ нынѣ это оказывается невѣрнымъ; всѣ рыбы имѣютъ органы слуха,

отчасти очень развитые, и есть не мало рыбъ, издающихъ довольно разнообразные звуки. Язвительный Лихтенбергъ пишетъ: „Весьма хорошо, что рыбы нѣмы; въ противномъ случаѣ, онѣ не могли бы слышать даже собственныхъ словъ, по легкопроводимости звука въ водѣ. Я полагаю, что было бы однимъ изъ величайшихъ несчастій, если бы звукъ, не ослабѣвая, распространялся на разстояніи двадцати миль.“ Предположеніе Линнея нынѣ уже невѣрно и давно было неосновательно. Въ самомъ дѣлѣ, уже Оппіанъ говоритъ, что скарусъ единственная изъ всѣхъ нѣмыхъ рыбъ, имѣющая влажный голосъ. Эліанъ замѣчаетъ: „Кто обрекаетъ молчанію всѣхъ рыбъ и называетъ ихъ нѣмыми, тотъ мало знаетъ ихъ природу, потому что нѣкоторыя изъ нихъ свищутъ, шумятъ и ворчатъ. По Аристотелю, ворчатъ: лира, хромида и аперъ, свищетъ фаберъ, а морская кукушка имѣетъ голосъ, похожій на свойственный ея тезкѣ—птицѣ.“ Позднѣе, наблюденія умножились. Уже въ 1817 году И. Мюллеръ упомянулъ о рядѣ рыбъ, издающихъ звуки. Если схватить иглотѣла, который можетъ раздуться, то онъ ворчитъ; орлиный умбрецъ или умбрина древнихъ римлянъ (ombrina нынѣшнихъ итальянцевъ) ворчитъ такъ ясно, что его голосъ слышенъ съ глубины въ 20 футовъ. Близко сродственный барабанщикъ (можетъ быть, хромида Эліана), въ теченіе многихъ часовъ сопровождаетъ въ Атлантическомъ Океанѣ суда, издавая сильные звуки, въ которыхъ одни находятъ сходство со звономъ, другіе—съ кваканьемъ

лягушки, а третьи—съ глухимъ барабаннымъ боемъ. Наконецъ, недавно Прегеръ сообщаетъ о существованіи музыкальныхъ рыбъ. Онъ разсказываетъ: „Въ апрѣлѣ 1860 года мы находились на Понтіанакѣ, величайшей рѣкѣ Западнаго Борнео. Тутъ мы услышали, во время прилива, совершенно ясно музыкальные звуки, то высокіе, то низкіе, то отдаленные, то близкіе. Они раздавались изъ глубины, то какъ пѣніе сиренъ, то какъ полные звуки органа, то какъ тихіе переливы Эоловой арфы. Всего яснѣе эти звуки были слышны, когда погружали въ воду голову. Легко можно было различить многіе одновременно звучащіе тоны. Эту музыку, какъ говорили туземцы, и какъ подтвердили рачительныя изысканія, производятъ рыбы.“ М. де-Торонъ говоритъ о подобномъ же явленіи въ заливѣ Пайлонъ, на сѣверѣ провинціи Эсмеральды въ Экадорѣ.

Весьма поразительно, что Линней отрицалъ у рыбъ слухъ, тогда какъ онъ не могъ не знать объ успѣшномъ прирученіи рыбъ, примѣры котораго исчисляетъ уже Элапъ. Почти во всякомъ прудѣ съ карпами, рыбы собираются при зовѣ, или при извѣстномъ сигналѣ звонками, для полученія пищи, что составляетъ весьма убѣдительное доказательство слуха у рыбъ. Такое же незнаніе природы этихъ обитателей водъ выказываетъ Эліанъ, говоря: piscis brutus et frigidus (*).

(*) Глупая и голодная рыба.

Рыбы не менѣе другихъ классовъ животныхъ обнаруживаютъ многими поступками такъ называемую смышленость. Карпа должно называть ручнымъ домашнимъ животнымъ, потому что онъ едва ли встрѣчается гдѣ-либо въ дикомъ состояніи чаще, чѣмъ большая часть другихъ домашнихъ животныхъ, и питается преимущественно искусственно доставляемою ему пищею. Съ нимъ поступаютъ, какъ съ курами, обращая его, такъ сказать, въ каплуна или пулярку. Карпы подвержены различнымъ болѣзнямъ, вслѣдствіе прирученія, недостатка свободы и ненадлежащей или избыточной пищи. Они совершенно привыкаютъ къ людямъ, приплываютъ при его зовѣ, колокольномъ звонѣ, или другомъ сигналѣ, къ берегу, къ поверхности воды; коротко сказать, ихъ слѣдуетъ отнести къ домашнимъ животнымъ, наравнѣ съ кошкою и сѣвернымъ оленемъ. Совершенно ложно рыбъ считаютъ глупыми и нечувствительными. Напротивъ того, въ покровахъ, въ кожѣ рыбъ чувствительность развита болѣе, чѣмъ у какого-либо другаго позвоночнаго животнаго, и даже человѣка. По изысканіямъ Лейдига, вся кожа, особенно на головѣ, около рта, носовой впадины и глазъ, содержитъ особенныя, очень многочисленныя и чрезвычайно сложныя части, соединенныя съ кожными, т. е. чувствительными нервами. Эти же частицы весьма многочисленны по бокамъ тѣла, гдѣ нерѣдко обозначаются двѣ линіи особеннымъ расположеніемъ чешуй. Кромѣ того, рыбы имѣютъ органы осязанія, нерѣдко въ видѣ усовъ, сидящихъ у рта.

Доказательствомъ чувствительности рыбъ можетъ послужить то, что лѣтомъ 1844 года, при упражненіяхъ швейцарской артиллеріи у Констанцскаго озера, на поверхность воды всплыли многія тысячи рыбъ, потому что въ воду попало нѣсколько ядеръ. Тогда наловили около 4,000 штукъ, и у всѣхъ изслѣдованныхъ экземпляровъ оказался лопнувшимъ плавательный пузырь.

У маленькой черной колбни, длиною лишь въ 6 дюймовъ, брюшные плавники срослись воронкообразнымъ присоскомъ, неизвѣстно для чего. У круглопера брюшные плавники срослись большимъ реберчатымъ кружкомъ, которымъ животное присасывается къ скаламъ, судамъ и т. д. Особенно поразителенъ подобный органъ у прилипалы. У нея на верхней сторонѣ головы находится продолговато-круглая пластинка, раздѣленная на многія поля, поднимающимися поперечными выступами. Этою частью животное крѣпко прилипаетъ къ судамъ и другимъ рыбамъ, а особенно къ акуламъ, и такимъ образомъ даетъ себя таскать, потому что, по недостатку плавательнаго пузыря, плаваетъ сама очень плохо. Оппіанъ разсказываетъ, что эта рыба въ состояніи остановить судно на полномъ ходу, что, конечно, не болѣе какъ басня; но совершенно вѣрно то, что ею пользуются у береговъ Африки и Мадагаскара для лова рыбъ, а у Кубы для ловли черепахъ. Къ хвосту прилипалы привязываютъ крѣпкую веревку, бросаютъ животное въ воду, а за тѣмъ вытаскиваютъ вмѣстѣ съ рыбою, къ которой она прильнула (Гумбольдтъ).

Упомянемъ еще о явленіяхъ свѣта, замѣченныхъ у нѣкоторыхъ рыбъ. У свѣтящейся акулы свѣтъ особенно поразителенъ. По словамъ Беннета, одна рыба освѣщаетъ своею брюшною стороною цѣлую комнату. У свѣтящейся триглы свѣтится полость рта. Когда рыба выскакиваетъ ночью изъ воды и летитъ въ воздухѣ, то кажется, будто бы носятся падучія звѣзды. У шаро-рыбы также свѣтятся ночью бока и животъ.

Повидимому, рыбы до того свободно могутъ избирать себѣ мѣсто жительства на $^2/_3$ всей поверхности земли, что нельзя укорять принца Сигизмунда въ томъ, что онъ съ горечью завидовалъ, въ своей рабской ограниченности, свободѣ рыбъ. Но точному изслѣдователю дѣло представляется совершенно иначе: въ однообразномъ, какъ кажется, безграничномъ морѣ существуютъ хотя невидимые, но совершенно опредѣленные предѣлы, за которые рыбы не могутъ переходить. Древніе не знали сельдей, потому что онѣ никогда не проплывали черезъ Гибралтарскій проливъ. Такъ называемыя сельди Чернаго моря—совсѣмъ другой видъ. Сельди, которыхъ ловятъ сѣверо-американцы въ сѣверныхъ водахъ, существенно отличаются отъ нашихъ, какъ и отъ кильки Балтійскаго моря, которую стараются отожествить съ сельдью, и которая не покидаетъ своего моря, точно какъ сельди никогда не заплываютъ въ него.

Вообще границы мѣстопребыванія рыбъ полагаются разницею прѣсной и соленой водою. Почти $^3/_4$ всѣхъ рыбъ обитаютъ въ морѣ. Многіе отдѣлы водятся

исключительно въ однѣхъ водахъ, такъ напр., хрящевыя въ соленыхъ, а щуки и карпы въ прѣсныхъ. Въ другихъ семействахъ различные виды распредѣлены въ разныхъ водахъ. Многіе виды живутъ преимущественно тамъ, гдѣ сходятся прѣсныя и морскія воды, какъ напр., обыкновенный головль, золотистый лещъ, плоскуша и т. д. Многія рыбы могутъ жить въ водахъ обоего рода, особенно морскія рыбы, которыя, подобно лососевымъ, заплываютъ въ рѣки для метанія икры. Большая часть осетровъ также заплываютъ 200 и 300 верстъ въ рѣки. Изъ сельдевыхъ, бѣшенки доплываютъ до ручьевъ; уже Авзоній причисляетъ ихъ къ рыбамъ Мозеля, а въ Сенѣ она доходитъ до Прованса. Многіе скаты плывутъ далеко въ рѣки Южной Африки. Камбалы и косороты находятся въ Луарѣ и ея притокахъ, а первыя также въ Сенѣ, вторыя же въ Рейнѣ до Кобленца. Человѣкъ и насильственно перемѣщалъ рыбъ въ чуждую имъ стихію: въ Китаѣ давно уже выводятъ ихъ изъ икры морскихъ рыбъ въ яичной скорлупѣ и воспитываютъ молодыхъ животныхъ въ прѣсной водѣ. Въ Англіи съ полнымъ успѣхомъ испытано разведеніе болѣе 30 видовъ морскихъ рыбъ въ прѣсной водѣ, именно: Стюартомъ на Оркнейскихъ островахъ, Трестономъ у Фритъ-овъ-Форте и Арнольдомъ на Гернсеѣ. На сѣверномъ и южномъ полюсахъ водятся различныя рыбы. Изъ тропическихъ рыбъ, лишь немногія иногда заходятъ далѣе водъ умѣренныхъ странъ. Востокъ и западъ Великаго океана также отличаются раз-

ными формами рыбъ. „Кажется, по общему закону, рыбы холодныхъ водъ болѣе годны для употребленія въ пищу и вкуснѣе, чѣмъ рыбы теплыхъ. Оттого по подробной картѣ морскихъ токовъ можно указать на мѣста хорошихъ рыбныхъ рынковъ. Оба берега Сѣверной Америки, восточный берегъ Китая, западный берегъ Европы и южный Америки омываются холодною водою и имѣютъ величайшее обиліе въ рыбѣ. Рыболовныя мѣстности Ньюфаундленда и Новой Англіи лежатъ въ холодномъ токѣ изъ Девисова пролива. Не менѣе значительно рыболовство въ восточномъ Китаѣ и Японіи. Ни Индія, ни восточный берегъ Африки и южной Америки, омываемые теплою водою, не славятся рыбою“ (Мори).

Рыбы распространяются также до весьма различной глубины. Между тѣмъ, какъ glysiphodon saxatile Cuv., у Антильскихъ острововъ, плаваетъ только близъ поверхности моря, и поэтому называется французами „le chauffe-soleil“; триглъ и скорпенъ ловятъ только въ открытомъ морѣ, на значительной глубинѣ. Деларошъ говоритъ, что нѣкоторыя рыбы получаются еще съ глубины въ 1,665 футовъ. Гренадеръ, по описанію Риссо, живетъ только на глубинѣ въ 120 футовъ. При наступленіи зимы, рыбы вообще спускаются глубже, и въ Женевскомъ озерѣ налима ловятъ зимою сѣтями, на глубинѣ въ 1,000 футовъ.

Нѣкоторыя рыбы водятся въ весьма ограниченныхъ областяхъ и иныя встрѣчаются даже въ одной только

какой-нибудь рѣкѣ, какъ напр., peliodon folium Lesson исключительно въ Мисисиппи. Во всякомъ случаѣ, самое ограниченное мѣстопребываніе имѣетъ безбородый ошибень, который, по словамъ Боссе, какъ настоящее животное внутренностей, находится въ совершенно закрытомъ пространствѣ, между кожею и кишкою одной голотуріи. Другія рыбы, напротивъ того, болѣе космополиты. Такимъ образомъ, хрюкалы обитаютъ въ обоихъ великихъ океанахъ, taenionotus australis Lesson, встрѣчается у всѣхъ трехъ мысовъ южнаго полушарія, а тунцы свойственны всему тропическому поясу.

Многія рыбы покидаютъ въ опредѣленное время свое мѣстопребываніе и странствуютъ. Часто причиною этому бываетъ, по большей части, недостатокъ въ пищѣ. Акулы и атлантическіе тунцы слѣдуютъ за судами, чтобы пользоваться остатками отъ кухни, а это подаетъ имъ поводъ попадать изъ одного моря въ другое. Акулы слѣдуютъ также за стадами рыбъ. Въ 1347 году къ берегамъ Англіи приплыло очень много макрелей, а вмѣстѣ съ ними явились и акулы. Другая побудительная причина къ странствованію заключается въ потребности метать икру въ водѣ, необходимой для развитія яицъ и благосостоянія вылупившихся рыбъ. Одни виды для того поднимаются съ значительной глубины къ поверхности и плывутъ къ болѣе мелкимъ береговымъ водамъ, другіе предпринимаютъ большія странствованія или вступаютъ въ рѣки и плывутъ вверхъ по теченію. Между ними есть даже такіе, которые довольно плохо

плаваютъ, какъ напр., морская минога. Къ извѣстнымъ теперь странствующимъ рыбамъ относятся многіе виды кособокихъ, тресковыхъ, сельдей, карповъ, лососей, макрелей и т. д. Рафинескъ весьма подробно занимался изслѣдованіемъ странствованія рыбъ въ Средиземномъ морѣ и раздѣлилъ ихъ на пять группъ: 1) рыскающихъ, напр., прилипала, 2) общественныхъ лѣтнихъ, напр., тунцы, 3) одинокихъ лѣтнихъ, напр., саблянки 4) общественныхъ зимнихъ, напр., долгоперыя, 5) одинокихъ зимнихъ, напр., императорская щука.

Должно упомянуть еще объ особеннаго рода странствованіи, которое предпринимается отчасти по охотѣ, а отчасти по недостатку въ водѣ, причемъ животное вступаетъ въ совершенно чуждый ему элементъ. Рыбы, которыя, подобно видамъ сельдей и слоистой трески, имѣютъ очень большую жаберную трещину и не совершенно закрывающуюся крышу, умираютъ очень быстро, почти мгновенно, когда ихъ вынимаютъ изъ воды. Напротивъ того, другія, съ малою жаберною трещиною, которая плотно закрывается, могутъ болѣе или менѣе долго жить внѣ воды. Извѣстно, что рѣчной угорь часто покидаетъ ночью воду и отправляется на луга и особенно на поля съ горохомъ. То же самое можно сказать о лофидахъ, изъ которыхъ, напр., черный колбень долго можетъ жить внѣ воды, остистый сомъ въ сухую погоду стадами странствуетъ по землѣ, отыскивая себѣ болѣе глубокія воды. Но есть странствующая рыба, съ которою насъ ближе ознакомилъ Эренбергъ.

Она, повидимому, по капризу покидаетъ природную стихію, чтобы позабавиться на солнцѣ. Это прыгунъ, длиною около $3^1/_2$ дюймовъ, темный съ бѣловатыми рисунками. Онъ водится отъ Остъ-Индскаго до Краснаго моря, прыгаетъ на береговыя скалы и лежитъ на нихъ, почему многіе путешественники принимали его за ящерицу, и даже Форстеръ за большую саранчу. Эренбергъ нашелъ эту рыбу 20 футовъ надъ уровнемъ воды, на береговыхъ скалахъ Краснаго моря. Когда онъ хотѣлъ схватить животное, оно, какъ саранча, сдѣлало скачекъ въ пять футовъ вышиною. Есть еще семейство лабиринтовыхъ, особенное устройство жабръ которыхъ даетъ имъ возможность долго оставаться на воздухѣ. Эти рыбы имѣютъ по обѣимъ сторонамъ головы, въ верхней зѣвной кости, надъ жабрами, соединенную съ ними систему лабиринтныхъ полостей, гдѣ сохраняется вода, которая долго поддерживаетъ жабры влажными, когда животное находится внѣ воды Въ Остъ-Индіи, особенно въ Малабарѣ, водится паннейэри или сенналъ которому давно уже удивляются, и о которомъ, можетъ быть, именно оттого разсказываютъ преувеличенныя басни. Эта рыба часто покидаетъ произвольно воду и, по достовѣрнымъ донесеніямъ, можетъ прожить на воздухѣ шесть дней. Дальдорфъ видѣлъ рыбу, которая всползла до высоты въ пять футовъ, въ трещину вѣерообразной пальмы, но въ вѣроятности этого факта многіе, какъ напр., Рейнвардтъ, Гамильтонъ и Букананъ, весьма сильно сомнѣваются.

Эта рыба, какъ и принадлежащій къ этому же семейству змѣеглавъ, употребляется индійскими фокусниками для различныхъ забавъ и фокусовъ.

БІОГРАФІИ.

КОЛУМБЪ (*).

Христофоръ Колумбъ родился въ Генуѣ; родители его были хотя честные и уважаемые, по бѣдные люди. Они имѣли четверыхъ дѣтей. Христофоръ былъ старшимъ сыномъ. Воспитаніе его было очень ограниченно, но тщательно, насколько позволяла бѣдность родителей. Еще дитятей онъ научился читать и писать, и писалъ такъ хорошо, что могъ жить перепиской. Потомъ его учили ариѳметикѣ, черченью и рисованью. Затѣмъ онъ посланъ былъ въ Павію, въ университетъ; тамъ онъ изучалъ грамматику и выучился латинскому языку. Особенно онъ занимался тѣми науками, которыя могли ему пригодиться для морской жизни. Онъ учился геометріи, географіи, астрономіи и навигаціи. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ выказалъ рѣшительную страсть къ морю и географіи, почему и горячо занимался всѣми науками, относящимися къ этому. Страсть его къ морю понятна: Генуя приморскій городъ; страсть къ географіи тоже:

(*) Изъ «Разсказовъ о великихъ людяхъ», изд. П. А. Гайдебурова.

въ то время только что стали извѣстны сочиненія древнихъ географовъ Плинія, Страбона, Помпонія Мела; притомъ стали дѣлаться географическія открытія въ Африкѣ.

Колумбу пришлось очень рано оставить университетъ; такимъ образомъ онъ вынесъ оттуда только начальныя свѣдѣнія; уже потомъ мало-по-малу, благодаря личнымъ трудамъ, онъ пріобрѣлъ глубокія свѣдѣнія въ своемъ дѣлѣ; на это ему нужно было посвящать урывками время, отнятое отъ обыкновенныхъ занятій. Уже 14 лѣтъ онъ поступилъ въ морскую службу. Морская жизнь въ то время состояла изъ смѣлыхъ предпріятій и очень рискованныхъ путешествій. Простая торговая экспедиція походила тогда на военную. Въ этихъ разнообразныхъ приключеніяхъ юности онъ пріобрѣлъ то практическое знаніе, ту находчивость, ту несокрушимую рѣшительность, постоянную власть надъ собой, которыя отличали его впослѣдствіи. Однажды онъ посланъ былъ въ Тунисъ; дойдя къ острову Санъ-Педро, около остр. Сардиніи, онъ узналъ, что тамъ находится нѣсколько непріятельскихъ кораблей. Это такъ перепугало людей его экипажа, что они не хотѣли идти дальше и требовали вернуться въ Марсель за другимъ кораблемъ и за новыми войсками. Колумбъ не могъ остановить ихъ, показалъ, что уступаетъ имъ, а самъ перемѣнилъ точку компаса и распустилъ всѣ паруса. Это было вечеромъ; на другой день утромъ они прибыли въ Тунисъ, тогда какъ всѣ были твердо убѣждены, что плывутъ назадъ къ Марселю.

Въ 1470 г. Колумбъ прибылъ въ Лиссабонъ. Этотъ городъ былъ центромъ открытій въ Африкѣ, вслѣдствіе чего на него было обращено вниманіе всего тогдашняго міра. Колумбъ былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ. Говорилъ онъ легко и краснорѣчиво; пріятность и доброта его привязывали къ нему всѣхъ, знавшихъ его. Въ Лиссабонѣ онъ женился на дочери одного изъ лучшихъ моряковъ; но совершенно безъ всякаго приданнаго. Зато теща, видя, съ какимъ интересомъ зять ея слушаетъ все, что относилось къ океану, разсказала ему все, что только знала изъ путешествій покойнаго мужа и передала ему его бумаги, карты и журналы. Это было сокровищемъ для Колумба. Онъ записался португальскимъ подданнымъ и сопровождалъ иногда морскія экспедиціи въ Гвинею (въ Африкѣ). Дома же для существованія своего семейства онъ занимался приготовленіемъ географическихъ картъ. Средства его были ограниченны; онъ долженъ былъ соблюдать строгую экономію. Тѣмъ неменѣе онъ посылалъ часть своихъ скромныхъ доходовъ своему старому отцу въ Генуѣ и на воспитаніе своихъ молодыхъ братьевъ.

Въ то время были очень рѣдки люди, умѣвшіе дѣлать точныя и вѣрныя географическія карты. Потому точность Колумбовскихъ картъ немедленно обратила на него вниманіе ученыхъ и доставила ему извѣстность. Сравнивая карты, наблюдая новыя открытія, Колумбъ пораженъ былъ, видя, какая большая часть земли остается еще совершенно неизвѣстной. Поэтому онъ нерѣдко ду-

малъ о средствахъ открыть ее. Знакомства, сдѣланныя его женитьбой, поддерживали и развивали въ немъ подобныя размышленія. Нѣкоторое время онъ даже жилъ на вновь открытомъ островѣ Порто-Санто, гдѣ жена его получила въ наслѣдство нѣкоторыя имѣнья и родила ему сына Дьего. Такимъ образомъ мало-по-малу у Колумба родилась и созрѣла мысль открыть новый свѣтъ, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ землю — земноводнымъ шаромъ, который можно бы объѣхать съ запада на востокъ. Кромѣ того, его подкрѣпляли слова Страбона, что океанъ окружаетъ землю. Сверхъ этого поддерживали разные разсказы; напр., разсказъ одного матроса, плававшаго довольно далеко въ море на западъ отъ С. Вицента и нашедшаго на водѣ кусокъ дерева съ рѣзной работой, которая очевидно была сдѣлана не желѣзнымъ инструментомъ; и такъ какъ этотъ кусокъ принесъ западный вѣтеръ, то матросъ заключалъ, что онъ могъ приплыть только изъ какой нибудь неизвѣстной страны на западѣ. Такой же случай разсказывалъ и братъ жены Колумба.

Создавъ свой планъ, Колумбъ уже говорилъ о немъ совершенно увѣренно, какъ будто онъ видѣлъ собственными глазами предполагаемую землю. Никакое возраженіе не могло отвратить его отъ твердаго и постояннаго преслѣдованія его плана. Его одушевленіе передавалось его рѣчамъ и наружности; даже въ своихъ сношеніяхъ съ государями, онъ говорилъ, какъ равный съ равными. Въ тоже время приложеніе астролябіи къ мореплаванію

произвело необыкновенное впечатлѣніе на моряковъ. Оно освобождало ихъ отъ медленнаго плаванья, узнавая дорогу по берегамъ и звѣздамъ, и давало возможность по высотѣ солнца точно узнавать мѣсто, на которомъ находится корабль.

Но тогда еще не знали ни законовъ относительной тяжести, ни притяженія земли; никто не зналъ, шарообразна ли земля, имѣетъ ли океанъ какой-нибудь предѣлъ. Если даже земля шаръ, то переѣхавшій на другую сторону — если земля не притягиваетъ къ себѣ — долженъ былъ совершенно свалиться съ земли. Публика была невѣжественна; думали, что экваторъ окруженъ жаркимъ поясомъ, на который солнце пускало свои лучи вертикально и съ такимъ жаромъ, который невозможно перенести. Суевѣрные моряки воображали, что мысъ Байядоръ былъ самымъ отдаленнымъ мѣстомъ, куда можетъ достигнуть мореплаватель безъ опасности; а кто его огибалъ, тотъ уже не возвращался. Люди разсудительные находили планъ Колумба вздорнымъ.

Онъ однако обратился къ португальскому королю, предлагая свои услуги. Въ это время жаръ къ открытіямъ уже прошелъ; и король отказалъ ему, тѣмъ болѣе, что Колумбъ просилъ себѣ тѣхъ же привиллегій, которыя получили и другіе открыватели. Но, несмотря на отказъ, король передалъ дѣло на разсмотрѣніе спеціальной коммиссіи. Этотъ ученый комитетъ изъ двухъ космографовъ и епископа, королевскаго духовника, нашелъ планъ Колумба химерическимъ.

*

Но король все-таки былъ склоненъ къ предпріятію, и тайно отъ Колумба послалъ корабль по тому направленію, которое указывалъ Колумбъ. Море было бурно, матросы не имѣли храбрости и, видя безконечный океанъ, вернулись назадъ, говоря, что планъ Колумба и нелѣпъ и сумазброденъ. Колумбъ узналъ объ этомъ; такая низкая выходка привела его въ негодованіе, и онъ въ концѣ 1484 г. бѣжалъ изъ Португаліи тайно, изъ страха, чтобы король не задержалъ его. Онъ взялъ съ собой и сына; жена его уже умерла. Впослѣдствіи португальскій король приглашалъ Колумба, но онъ отказался.

Между тѣмъ эти хлопоты ввели его въ порядочные долги. Онъ предлагалъ свои услуги Генуѣ, но она была занята войной. Колумбъ отправился въ Испанію. Онъ высадился въ маленькой морской гавани въ Андалузіи. Проѣзжая мимо одного монастыря, Колумбъ попросилъ у привратника хлѣба и воды для своего дитяти. Когда ему подавали это, настоятель монастыря былъ пораженъ умнымъ лицемъ иностранца, заговорилъ съ нимъ, былъ очень заинтересованъ его разговорами и пораженъ величіемъ его плановъ. Самъ настоятель былъ не очень дальнаго ума, и тотчасъ же послалъ за своимъ другомъ, врачемъ въ Палосѣ. Поговоривъ съ Колумбомъ, и этотъ врачъ тоже былъ пораженъ характеромъ и рѣчами иностранца. Убѣдившись, что его предпріятіе доставитъ величайшія выгоды странѣ, онъ предложилъ Колумбу выхлопотать благосклонный пріемъ при дворѣ.

Весной Колумбъ пріѣхалъ къ королевскому двору: но, по бѣдности, онъ долженъ былъ явиться въ скромномъ костюмѣ; въ глазахъ придворныхъ это сильно противорѣчило величію его плановъ. И такъ какъ онъ былъ иностранецъ и вмѣсто всякой рекомендаціи имѣлъ только письмо отъ монаха, они не вѣрили его словамъ и даже не слушали его. Самый дворъ переѣзжалъ тогда изъ города въ городъ, смотря по надобности. Въ то время была война съ маврами. Духовникъ королевы, къ которому Колумбъ привезъ письмо, не былъ расположенъ къ его дѣлу. Такимъ образомъ Колумбу пришлось бороться съ насмѣшками легкомысленныхъ и надменныхъ людей, дѣло довольно трудное для скромнаго человѣка. Но мало по малу глубокое убѣжденіе, отражавшееся во всѣхъ его рѣчахъ, пріобрѣтало ему друзей. Эти новые друзья представили его архіепископу Толедскому, который всегда и всюду сопровождалъ короля и королеву и котораго называли „третьимъ королемъ Испаніи“. Онъ сперва счелъ планъ Колумба за ересь; но его наконецъ убѣдили, что тутъ нѣтъ ничего еретическаго, что напротивъ будетъ очень полезно „открыть еще сокровенныя чудеса созданія“. Тогда Колумбъ былъ представленъ испанскому королю. У короля явилось желаніе блеснуть, затмить славу Португаліи.

Онъ передалъ дѣло на судъ ученыхъ. Ученые нашли, что послѣ того, какъ столь много глубокихъ философовъ и ученыхъ географовъ изучали видъ земли и столько искусныхъ мореплавателей плавало по всѣмъ направле-

ніямъ въ продолженіе многихъ тысячъ лѣтъ—было большой надменностью частному человѣку предположить, что ему одному осталось сдѣлать столь великое открытіе. Другіе даже стали обвинять его въ ереси за то, что онъ признавалъ землю шаромъ. Иные хотя и допускали это, но считали невозможнымъ пройти туда по причинѣ невыносимаго жара; да кромѣ того круглость земли представлялась имъ въ видѣ горы, на которую нѣтъ возможности взойти при самомъ благопріятномъ вѣтрѣ. Затѣмъ предполагали, что другая часть земли состоитъ изъ хаоса или безграничнаго океана.

Но Колумбъ обладалъ обширными знаніями въ своемъ дѣлѣ и произвелъ большое впечатлѣніе на своихъ ученыхъ судей. Онъ показалъ имъ, что самые знаменитые древніе ученые предполагали, что оба полушарія обитаемы, хотя и воображали, что жаркій поясъ мѣшалъ всякому сообщенію; потомъ прибавилъ, что онъ былъ въ Гвинеѣ почти на линіи экватора и узналъ, что не только можно пройти эту жаркую страну, но что она обитаема, изобилуетъ плодами и пастбищами.

Ученыя совѣщанія были прерваны переѣздомъ двора въ Кордову весной 1487 года. Колумбъ надѣялся, что его планъ примутъ и въ этой надеждѣ потерялъ нѣсколько лѣтъ; въ свободное время при дворѣ какъ будто хотѣли заняться его дѣломъ, но минуту позднѣе дулъ уже новый вѣтеръ и Колумба забывали... Все это время Колумбу приходилось терпѣть отъ насмѣшекъ и обидъ. Люди невѣжественные и легкомысленные называли

его мечтателемъ, искателемъ приключеній, ясновидящимъ и пр. Даже мальчики, когда онъ проходилъ мимо, дразнили его, поднося руку ко лбу въ знакъ того, что онъ потерялъ голову.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, онъ получилъ окончательный отказъ и вѣроятно тотчасъ бы уѣхалъ изъ Испаніи, еслибъ его не привязывала тамъ любовь къ новой женщинѣ, отъ которой онъ имѣлъ втораго сына. Онъ надѣялся завлечь какое-нибудь богатое лицо въ свое предпріятіе; видѣлся съ разными герцогами и графами, имѣлъ много переговоровъ, но все безъ успѣха.

Вдругъ онъ получаетъ письмо отъ французскаго короля; тотъ обнадеживалъ его и звалъ въ Парижъ. Колумбъ тотчасъ хотѣлъ ѣхать; но еще хотѣлось взять съ собой и старшаго сына, который былъ оставленъ у андалузскаго настоятеля. Когда монахъ узналъ его безуспѣшные хлопоты, онъ былъ очень тронутъ, просилъ его не уѣзжать во Францію и подождать еще немного, а самъ поручилъ одному знакомому снова хлопотать у испанскаго двора. Въ отвѣтъ на это было получено письмо: ждать новыхъ новостей. Тогда Колумбъ опять отправился ко двору (это было во время осады Гренады, послѣдняго города мавровъ въ Испаніи) и былъ принятъ благосклонно. Потомъ Гренада была взята; радость по этому случаю была общая...

Теперь занялись дѣломъ Колумба. Колумбъ требовалъ прежде всего, чтобы ему дали титулъ и привиллегію адмирала и вице-короля странъ, которыя онъ откроетъ,

и чтобъ ему шла десятая часть доходовъ. (Къ чести Колумба нужно прибавить, что онъ эти доходы предполагалъ употребить не на себя, а на одно, по его мнѣнію, общеполезное дѣло; а именно, онъ хотѣлъ освободить Іерусалимъ отъ магометанъ). Придворные, конечно, не могли допустить подобныхъ претензій; этого не допускала ихъ гордость. Епископы тоже возстали противъ него... Но королева не послушала ихъ и стала съ нимъ торговаться... Колумбъ не уступалъ ничего изъ своихъ условій: даже восьмьнадцать лѣтъ неудачныхъ поисковъ не поколебали его... и отправился на мулѣ во Францію.

Между тѣмъ приверженцы открытія успѣли убѣдить королеву, и (хотя король смотрѣлъ на дѣло холодно) она на-скоро послала за нимъ курьера. Получивъ извѣстіе, Колумбъ нѣкоторое время не рѣшался-было подвергаться новымъ придворнымъ отсрочкамъ и увертк амъ... Однакожъ, видя положительныя обѣщанія, немедленно возвратился.

Условія были заключены слѣдующія: 1) найдя острова или материкъ, Колумбъ долженъ былъ получить для себя и для своихъ потомковъ званіе адмирала со всѣми его правами; 2) онъ назначался вице-королемъ всѣхъ земель и острововъ, которые откроетъ, съ правомъ представлять королю на каждую должность трехъ кандидатовъ; 3) въ предѣлахъ своей адмиральской власти онъ долженъ былъ пользоваться десятью процентами со всѣхъ доходовъ съ товару и плодовъ; 4) принималъ на себя восьмую часть расходовъ на всѣ корабли, снаряженные

для сношеній съ новооткрытыми странами, за что долженъ пользоваться той же долей въ доходахъ. Такъ какъ Колумбъ, отправляясь на западъ, думалъ открыть Азію, то ему даны были грамоты къ великому хану Татаріи.

Король приказалъ приморскому городу Палосу приготовить для Колумба корабли и велѣлъ выдать матросамъ жалованье за четыре мѣсяца впередъ. Когда въ Палосѣ узнали о предпріятіи Колумба, удивленіе и ужасъ распространились по городу. Народъ смотрѣлъ на корабли и на матросовъ, которыхъ отъ него требовали, какъ на напрасную жертву. Долго старанія Колумба были совершенно безуспѣшны. Наконецъ, съ большимъ трудомъ была собрана эскадра. Изъ боязни, чтобы большіе издержки не остановили совсѣмъ исполненія дѣла, онъ ограничился только самымъ обыкновеннымъ. Вся его эскадра состояла изъ трехъ очень небольшихъ кораблей: Пинта, Санта-Марія, Нина; два изъ нихъ были въ родѣ легкихъ береговыхъ барокъ; небольшая величина ихъ позволяла удобно входить въ небольшія бухты и рѣки; но предпринять на такихъ корабляхъ долгое и опасное плаваніе по невѣдомымъ морямъ было слишкомъ храбро. Эскадра вышла въ море 3 авг. 1492 года; печаль распространилась во всемъ городѣ Палосѣ: почти каждый изъ жителей его простился и быть можетъ навсегда либо съ родственникомъ, либо съ другомъ.

Конечно, Колумбъ былъ радъ, что наконецъ-то, по-

слѣ многихъ лѣтъ напраснаго ожиданія, началось его великое предпріятіе; но радость его ослаблялась недовѣріемъ къ храбрости и твердости матросовъ... Онъ боялся, чтобы въ минуту сожалѣнія или испуга, они не отказались единодушно продолжать путешествіе и не возвратились назадъ.

Опасенія его оправдались. На третій же день одно судно (Пинта) даетъ сигналъ о несчастіи: у него сломался руль... Колумбъ подозрѣвалъ, что кораблю хочется вернуться назадъ, и это привело его въ большое смущеніе. Матросы были отправлены королемъ противъ ихъ воли, съ безпокойствомъ и предчувствіемъ бѣды. Малѣйшее препятствіе могло распространить паническій страхъ между ними, произвести возмущеніе и низвергнуть всѣ планы...

Вѣтеръ тогда дулъ сильно, такъ что Колумбъ не могъ подать помощи Пинтѣ, не подвергая опасности свой собственный корабль. Къ счастью, командиръ Пинты былъ опытный и искусный морякъ; онъ успѣлъ укрѣпить руль канатами, такъ что все-таки можно было управлять судномъ. Но это помогло не на долго, на слѣдующій же день канаты осѣли: другіе корабли должны были уменьшить ходъ для того, чтобы не бросить Пинту на произволъ судьбы. На Пинтѣ оказалась сверхъ того течь, такъ что Колумбъ рѣшился пристать къ Канарскимъ островамъ и отыскать какое-нибудь судно для замѣны Пинты; онъ находилъ, что они были именно около этихъ острововъ, но матросы думали иначе. Однако

утромъ на другой день открыли Канарскіе острова. Тутъ они пробыли больше трехъ недѣль, отыскивали какой-нибудь другой корабль, но напрасно. Пришлось починить ту же Пинту и сдѣлать ей новый руль. Поправлены были и паруса у Нины, чтобы она шла вѣрнѣе и не отставала отъ другихъ кораблей.

Плывя среди Канарскихъ острововъ, эскадра проходила въ виду остр. Теперифа, вершина котораго извергала потоки пламени. Видъ этого изверженія устрашилъ матросовъ; они объясняли его себѣ какъ зловѣщее предсказаніе. Съ большимъ трудомъ удалось Колумбу разсѣять ихъ страхъ примѣрами Этны и другихъ огнедышащихъ горъ. Забирая на одномъ островѣ дрова, воду и провизію, они узнали, что три португальскіе корабля плавали къ острову Ферро, чтобъ завладѣть Колумбомъ. Тогда Колумбъ поспѣшилъ снять якорь (6 сент.) и, миновавъ послѣдній Канарскій островъ, отправился теперь уже невѣдомыми до тѣхъ поръ мѣстами.

Но совершенное спокойствіе воды задержало его въ виду земли цѣлыхъ три дня... Это было крайне мучительно для Колумба. Наконецъ 9-го подулъ вѣтеръ и земля скрылась изъ вида. Вмѣстѣ съ тѣмъ и матросы потеряли всякую храбрость. Они буквально прощались съ міромъ и уже не надѣялись когда-нибудь увидать свои жилища. Они оставили все дорогое человѣку: отечество, семью, друзей, самое существованіе; впереди же были только хаосъ, неизвѣстность и опасность. Нѣкото-

рые проливали слезы, другіе совершенно рыдали. Колумбъ старался утѣшить ихъ; онъ обѣщалъ имъ землю и богатства и обѣщалъ не для того только, чтобы успокоить ихъ; онъ былъ искренне убѣжденъ, что его обѣщанія исполнятся. Потомъ онъ объявилъ, что на разстояніи 2,800 верстъ онъ надѣется открыть землю. Но изъ предосторожности, зная, что страхъ матросовъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ удаленія ихъ отъ земли, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующему средству. Онъ велъ двѣ счетныя книги; одну точную, въ которой онъ вѣрно записывалъ пройденный путь; ее онъ держалъ тайно и не показывалъ никому; въ другой же онъ каждый день уменьшалъ разстояніе, эту книгу онъ показывалъ всѣмъ матросамъ.

11 сентября, въ 600 верстахъ на западъ отъ Канарскихъ острововъ, они нашли обломокъ очень большой мачты; она, очевидно, принадлежала очень большому кораблю. Матросы печально смотрѣли на этотъ обломокъ; и себѣ они ожидали такой же судьбы. 13-го, вечеромъ, почти въ 800 верстахъ отъ земли, Колумбъ замѣтилъ въ первый разъ уклоненіе магнитной стрѣлки; вмѣсто того, чтобы направляться къ полярной звѣздѣ, она уклонилась на пять съ половиною градусовъ къ сѣверо-западу; на другой день разница была еще больше. Пораженный этимъ обстоятельствомъ, онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ наблюдалъ слѣдующіе дни и находилъ, что съ каждымъ днемъ уклоненіе стрѣлки увеличивалось. Сперва онъ не говорилъ объ этомъ своимъ

спутникамъ, зная, что это ихъ ужасно бы перепугало; но наконецъ замѣтили это и сами матросы, что, конечно, привело ихъ въ ужасъ. Имъ казалось, что самые законы природы въ этомъ новомъ мірѣ совершенно другіе; они боялись, что буссоль потеряла свое достоинство, и что они такимъ образомъ остались на безграничномъ океанѣ совершенно безъ путеводителя... Но Колумбъ успокоилъ ихъ, немедленно придумавъ объясненіе этого явленія; и такъ какъ матросы имѣли глубокое уваженіе къ его астрономическимъ свѣдѣніямъ, то и успокоились...

14 сентября они увидали первые признаки земли: вокругъ кораблей летала цапля и еще другая тропическая птица. Ночью же они были поражены ужасомъ, увидѣвъ метеоры, которые, казалось, падали въ море въ 16 или 20 верстахъ отъ нихъ. Эти метеоры очень часто падаютъ на тропикахъ, и въ хорошія ночи, падая, оставляютъ за собой блестящій слѣдъ, который продолжается 12—15 минутъ и походитъ на пламя... Матросамъ они и казались „большимъ пламенемъ“.

На слѣдующіе дни вѣтеръ былъ благопріятный, хотя погода бывала иногда пасмурная и падали маленькіе дожди. Корабли каждый день проходили очень много. Вѣтеръ былъ дотого постояненъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней не перемѣнили ни одного паруса. На поверхности воды стало попадаться большое количество растеній, они становились все многочисленнѣе. На одномъ изъ этихъ пловучихъ луговъ видѣли

тропическую птицу, но такой породы, которая никогда не спитъ на водѣ. Морская вода становилась свѣжѣе. Матросы повеселѣли; каждый корабль старался опередить другіе, чтобы первымъ увидать землю. Начальникъ Пинты сказалъ въ рупоръ Колумбу, что по полету множества птицъ и по нѣкоторымъ признакамъ на сѣверномъ горизонтѣ, надобно думать, что земля находится на сѣверъ отъ нихъ. Онъ форсировалъ парусами и такъ какъ его корабль былъ отличнымъ парусникомъ, то онъ опередилъ всѣхъ и ушелъ впередъ... И точно, съ сѣверной стороны какъ будто виднѣлась земля; многіе матросы, думали, что это острова; весь экипажъ хотѣлъ, чтобъ плыли къ этому берегу; но Колумбъ былъ убѣжденъ, что это обманъ зрѣнія, потому что вечеромъ облака, особенно подъ тропиками, принимаютъ самый странный видъ, и часто издали кажутся землей. И дѣйствительно, Колумбъ оказался правъ.

На слѣдующій день палъ небольшой мелкій дождикъ, но безъ вѣтру (19 сент.). Два пеликана прилетѣли и сѣли на мачты корабля; они не отлетаютъ отъ земли далѣе 80 верстъ. Колумбъ мѣрялъ глубину воды; его линь была въ двѣсти саженъ, но не нашла дна. Колумбъ подумалъ, что, можетъ быть, онъ идетъ между островами, находившимся на сѣверѣ или на югѣ... Тѣмъ неменѣе онъ продолжалъ путь прямо; всякая нерѣшительность и неопредѣленность могли дурно подѣйствовать на матросовъ. Но, несмотря на принятую имъ

предосторожность, что онъ уменьшалъ пройденное разстояніе въ книгѣ, матросы стали сильно безпокоиться долготой путешествія. Сколько они ни плыли, ихъ плаванью все не было конца. Признаки сосѣдства земли исчезали одинъ за другимъ, и передъ кораблями оставалось все то же безконечное море и небо. Матросы заподозрили даже самый восточный вѣтеръ, который благопріятствовалъ имъ и несъ ихъ къ западу; они стали думать, что этотъ вѣтеръ дуетъ всегда съ востока, и такимъ образомъ имъ никогда не придется вернуться въ Испанію.

Колумбъ употреблялъ всѣ средства для того, чтобъ успокоить ихъ... 20 сент. былъ новый югозападный вѣтеръ; хоть этотъ вѣтеръ и былъ для нихъ противный и задерживалъ отчасти плаванье, зато онъ нѣсколько ободрилъ матросовъ, доказавъ имъ, что на этомъ морѣ дуютъ не одни только восточные вѣтры. Многія птицы прилетѣли на корабли; три изъ нихъ были небольшія, изъ такихъ, которыя обыкновенно живутъ въ рощахъ и плодовыхъ садахъ. Онѣ провели на корабляхъ весь день до вечера. Пѣсни ихъ были пріятны для упавшихъ духомъ матросовъ; онѣ напоминали имъ землю. У большихъ птицъ были сильныя крылья и онѣ могли далеко улетать въ море, но нѣкоторые маленькіе воробьи были очень слабы для далекихъ путешествій, да и пѣнье ихъ показывало, что они устали.

На слѣдующій день была глубокая тишина, ее прерывали только легкіе юговосточные вѣтерки... Море,

насколько могъ проникнуть глазъ, было покрыто травами; травы эти имѣли видъ обширнаго затопленнаго луга; явленіе очень частое въ этой части океана. Эти растенія ростутъ на днѣ моря и оторванныя волнами и морскими теченіями, поднимаются на поверхность. Травы эти сперва вызвали много радости; но потомъ они стали во многихъ мѣстахъ становиться столь густы, что мѣшали ходу кораблей. Матросы вспомнили разсказы о ледовитыхъ моряхъ, гдѣ находили корабли остановившимися безъ возможности сдвинуться съ мѣста. Другіе говорили, что море становится мельче, что можно сѣсть на мель. Колумбъ снова сталъ мѣрять глубину, но не находилъ дна.

Слѣдующіе три дня легкій вѣтерокъ дулъ съ юга и запада; поверхность морская была ровна какъ зеркало. Необыкновенно большой китъ показался на нѣкоторомъ разстояніи. Колумбъ говоритъ матросамъ, что это благопріятный признакъ, киты держатся обыкновенно близь земли. Но тишина продолжаетъ безпокоить матросовъ. Противные вѣтры были столь слабы, что не волновали даже поверхности моря; оно было неподвижно, какъ озеро. Эти страны, говорили они, нисколько не походятъ на міръ, къ которому они привыкли. Они боялись погибнуть среди стоячихъ и безграничныхъ водъ; или же думали, что восточные вѣтры никогда не позволятъ имъ вернуться на родину.

Колумбъ продолжалъ съ удивительнымъ терпѣніемъ убѣждать ихъ, объясняя, что тишина непремѣнно про-

исходитъ отъ близости земли въ томъ направленіи, откуда дуетъ вѣтеръ, т. е. съ запада, потому для него и не было достаточно мѣста поднять большія волны. Но страхъ уже затемнилъ самый разсудокъ матросовъ, и чѣмъ больше Колумбъ ихъ убѣждалъ, тѣмъ больше увеличивался ропотъ. Безпокойство ихъ увеличилось еще больше, когда (25 сент.) море вдругъ вздулось, а вѣтру не было. А между тѣмъ это обыкновенное явленіе на океанѣ; оно происходитъ или оттого, что какой-нибудь вѣтеръ совершенно пересталъ дуть, или это просто движеніе, сообщенное морю какимъ-нибудь сильнымъ отдаленнымъ вѣтромъ.

Положеніе Колумба съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе. По мѣрѣ того какъ онъ приближался къ мѣстамъ, гдѣ ожидалъ найти землю, нетерпѣніе матросовъ увеличивалось и они смѣялись уже надъ признаками земли. Колумбъ боялся теперь, чтобы они не взбунтовались и не принудили его возвратиться въ то время, когда онъ долженъ былъ достигнуть конца всѣхъ своихъ трудовъ. Между тѣмъ матросы съ ужасомъ видѣли, что океанъ все безграниченъ; что станется съ ними, думали они, если не хватитъ провизіи? Корабли же притомъ были слишкомъ слабы и повреждены, чтобы сдѣлать обратно такой же великій путь; что же будетъ, если они пойдутъ еще дальше и разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ земли, будетъ еще больше?

Они стали жаловаться другъ другу, стали собираться въ уединенныхъ углахъ корабля сперва маленькими

кучками въ два или три человѣка; потомъ эти кучки увеличивались все больше и больше, и возбуждали другъ друга сопротивляться Колумбу. „Вѣдь, это просто искатель приключеній! Въ припадкѣ глупости онъ рѣшился сдѣлать сумасбродство, въ надеждѣ пріобрѣсти славу. Упорствовать въ такомъ глупомъ предпріятіи значитъ самимъ быть причиной своей гибели. Кто заставляетъ насъ идти далѣе? Вѣдь мы совершенно исполнили свою обязанность! Развѣ надо идти до тѣхъ поръ, пока погибнешь, или когда нельзя ужъ будетъ вернуться назадъ? Съ другой стороны, кто будетъ насъ порицать за то, что мы думали о своей безопасности и воротились назадъ во время? А если Колумбъ и будетъ жаловаться въ Испаніи, что мы не послушались его, то кто повѣритъ ему: вѣдь онъ иностранецъ безъ связей и безъ вліянія. Сами ученые признали его планы сумасбродными, и весь свѣтъ смѣялся надъ ними. Приверженцевъ у него нѣтъ, а многіе изъ одного самолюбія будутъ даже очень рады, что его предпріятіе не удалось.“ Если прибавить къ этимъ разсужденіямъ сильную пылкость испанскаго характера, который не можетъ сносить ни малѣйшаго противорѣчія, и то, что экипажъ былъ набранъ силою, то понятно, что открытое возмущеніе было болѣе, нежели вѣроятно. Нѣкоторые матросы предлагали даже, чтобы навсегда избавиться отъ Колумба, сбросить его въ море, если онъ откажется поворотить назадъ, а въ Испаніи сказать, что онъ упалъ въ воду, наблюдая звѣзды.

Колумбъ чувствовалъ, что приближается гроза, однако сохранялъ твердость и увѣренность; однихъ обезоруживалъ ласковыми словами, другихъ обѣщаніемъ богатствъ, а самымъ ярымъ грозилъ примѣрнымъ наказаніемъ, если они попытаются обратить въ ничто экспедицію. 25 сентября подулъ благопріятный вѣтеръ и они могли идти прямо на западъ. Вѣтеръ былъ легкій и море спокойно. Въ то время какъ Колумбъ и нѣсколько моряковъ разсматривали карту, желая узнать свое положеніе, съ Пинты вдругъ раздался крикъ. Колумбъ поднялъ глаза: начальникъ Пинты стоялъ на кормѣ своего корабля и кричалъ изо всѣхъ силъ: „Земля, земля! Signor, я требую себѣ награду!“ (Испанское правительство обѣщало пансіонъ въ 150 р. тому, кто первый замѣтилъ землю). Онъ показывалъ въ тоже время на юго-западъ, гдѣ дѣйствительно какъ будто виднѣлась земля. Колумбъ палъ на колѣни и молился Богу; весь экипажъ запѣлъ: „Тебѣ Бога хвалимъ“. Матросы бросились потомъ на вершину мачтъ, на снасти и стали смотрѣть на юго-западъ: всѣ подтверждали великую новость. Убѣжденіе сдѣлалось столь твердо, воодушевленіе экипажа столь сильно, что Колумбъ счелъ необходимымъ измѣнить нѣсколько направленіе и идти на юго-западъ Всю ночь шли этимъ направленіемъ, но заря разсѣяла всѣ ихъ надежды: эта земля была вечернее облако. Унылый экипажъ печально поплылъ по прежнему направленію.

Втеченіи многихъ дней они продолжали идти впе-

редъ при томъ же благопріятномъ вѣтрѣ, при томъ же спокойномъ морѣ и при такой же ясной погодѣ. Вода была такъ покойна, что матросы плавали кругомъ корабля. Начало показываться много дельфиновъ; летучія рыбы, пересѣкая воздухъ, падали на палубу. Эти признаки земли снова ободрили матросовъ и увлекали ихъ впередъ, незамѣтно для нихъ самихъ. 1-го октября, по счетной книгѣ на кораблѣ Колумба, они сдѣлали 2,320 верстъ, оставивъ Канарскіе острова (Тайная же книга показывала 2,830). На третій день не показывалась ни одна птица.

Матросы стали бояться, что они проходятъ между островами, потому что птицы, вѣроятно, перелетали съ одного острова на другой. Колумбъ тоже подозрѣвалъ это, но упорно продолжалъ идти на западъ. Матросы стали ворчать и грозить. Но на другой день они увидали столько птицъ и признаки земли сдѣлались столь многочисленны, что глубокое отчаяніе ихъ смѣнилось самой живой надеждой. И такъ какъ всякій матросъ желалъ получить обѣщанный пансіонъ, то при первомъ признакѣ всѣ кричали: земля, земля! Чтобъ покончить эти постоянныя разочарованія, Колумбъ постановилъ, что если кто-нибудь дастъ сигналъ, а земля не будетъ открыта втеченіи слѣдующихъ трехъ дней, то онъ навсегда теряетъ право на награду.

Утромъ 7 октября многіе матросы и самъ Колумбъ думали, что видятъ на западѣ землю; но она была видна такъ неявственно, что никто не смѣлъ закри-

чать, чтобы не обмануться и не потерять всякую надежду на награду. Одно судно пошло впередъ, чтобы удостовѣриться. Черезъ нѣсколько времени, на верху его мачты вывѣшенъ флагъ и раздается пушечный выстрѣлъ: сигналъ открытія земли. Новые восторги на корабляхъ; глаза всѣхъ устремлены на западъ. Но, при приближеніи къ землѣ, оказалось, что и эта земля была въ воздухѣ. Матросы впали въ новое уныніе столь же сильно, какъ сильна была ихъ надежда.

Однако опять показались благопріятные признаки. Большія стаи воробьевъ летѣли къ юго-западу; Колумбъ заключилъ, что гдѣ-нибудь на западѣ должна быть земля, гдѣ они отдыхаютъ и питаются, и такъ какъ экипажъ просилъ его, онъ велѣлъ идти по западо-юго-западному направленію, по которому летѣли птицы. Три дня они шли этимъ путемъ и съ каждымъ шагомъ признаки земли становились чаще и яснѣе. Стаи воробьевъ разныхъ цвѣтовъ порхали вокругъ кораблей, потомъ отлетали къ юго-западу. Цапля, пеликанъ и утка показались на нѣкоторомъ разстояніи, направляясь все въ ту сторону. На всѣ эти предзнаменованія матросы стали смотрѣть какъ на обманъ, ведущій ихъ къ погибели; и когда вечеромъ на третій день солнце все-таки закатилось на безбрежномъ горизонтѣ, матросы взволновались. Они съ криками стали требовать вернуться домой, чтобы Колумбъ оставилъ свое упорство пытать Провидѣніе, безъ всякой надежды заходя въ безграничный океанъ. Колумбъ употребилъ всѣ усилія,

чтобы успокоить ихъ; но видя, что крики ихъ увеличивались, онъ сказалъ имъ рѣшительнымъ тономъ, что ропотъ безполезенъ, что онъ посланъ для открытія Индіи и, съ Божіей милостью, откроетъ ее. Положеніе Колумба становилось критическимъ.

Но на-завтра утромъ признаки земли стали снова очень ясными. Кромѣ свѣжихъ рѣчныхъ травъ, матросы видѣли зеленую рыбу, которая обыкновенно живетъ около скалъ; потомъ вѣтку терновника, недавно оторванную отъ дерева; затѣмъ вытащили изъ воды камышъ, маленькую доску и трость искусно вырѣзанную. Печаль снова замѣнилась радостью; каждый матросъ снова стоялъ на сторожѣ, чтобы первымъ открыть землю.

Весь слѣдующій день море было бурно болѣе нежели обыкновенно, вѣтеръ продолжался и они прошли очень много. Ночью они попали на новое морское теченіе и шли очень быстро; Пинта была впереди. Матросы были въ восторгѣ, и ни одинъ глазъ не смыкался ночью. Когда стало темно, Колумбъ взошелъ на ютъ своего корабля. И вдругъ около 10 часовъ онъ увидалъ въ отдаленіи блескъ огня. Боясь, что не обманываютъ ли его чувства, онъ призвалъ одного спутника и спросилъ его: не видитъ ли онъ свѣта? Тотъ подтвердилъ. Колумбъ все еще сомнѣвался, и призвалъ другаго. Но свѣтъ уже исчезъ; потомъ они его увидали еще разъ или два, онъ быстро проходилъ по горизонту; то будто онъ былъ на рыбачьей лодкѣ, которая подымалась и скрывалась въ волнахъ; то будто кто ни-

будь несъ его по берегу. Товарищи Колумба мало придавали важности этому свѣту, но Колумбъ признавалъ его очевиднымъ признакомъ земли и притомъ земли обитаемой. Корабли продолжали идти до двухъ часовъ утра, и тогда выстрѣлъ съ Пинты возвѣстилъ объ открытіи. Наконецъ то, вопреки всѣмъ опасностямъ и препятствіямъ, Колумбъ совершилъ свое предпріятіе. Великая тайна Океана открыта, и планъ его, осмѣянный учеными, оправданъ. Трудно понять чувства подобнаго человѣка.

Въ пятницу утромъ (12 окт. 1492 г.) европейцы въ первый разъ увидали Новый Свѣтъ. Съ разсвѣтомъ открылся передъ ними плоскій островъ очаровательнаго вида; онъ былъ покрытъ деревьями и походилъ на садъ, и очевидно былъ населенъ. Скоро увидали, что жители выходятъ изъ лѣсу, со всѣхъ сторонъ сбѣгаются на берегъ и толпятся тамъ, смотря на корабли. Эти люди были совершенно голы и, судя по ихъ жестамъ и позамъ, были крайне удивлены. Колумбъ приказалъ бросить якорь, спустить въ море шлюпки и вооружить ихъ. Въ одну изъ нихъ онъ сѣлъ самъ, одѣвшись въ самый яркокрасный костюмъ, и взявъ въ руки знамя. Приближаясь къ берегу, испанцы удивлялись обширнымъ лѣсамъ и необыкновенному изобилію растительности. Чистота и пріятность воздуха, прозрачность прибрежныхъ водъ произвели на нихъ необыкновенное впечатлѣніе.

Матросы съ крайнимъ восторгомъ предались радости. Колумба они считали уже важнымъ лицомъ, и тѣ, ко-

торые прежде оскорбляли его, теперь ползали у его ногъ, просили прощенія и обѣщали на будущее время самое слѣпое повиновеніе его волѣ.

Дикіе съ самаго начала дня замѣтили корабли съ раскинутыми парусами и предполагали, что это какія нибудь чудовища, вышедшія ночью изъ моря. Они собрались на берегу и были въ большомъ безпокойствѣ. Когда же корабли остановились и паруса были сняты, это ихъ крайне удивило. Потомъ они увидали, что шлюпки подплываютъ къ берегу и высаживаютъ существа неизвѣстной породы, одѣтыхъ въ блестящую сталь и въ костюмы разныхъ цвѣтовъ, и въ испугѣ разбѣжались въ лѣсъ. Но потомъ, замѣчая, что никто ихъ не преслѣдуетъ, они по немногу успокоились и стали робко со всѣми признаками глубочайшаго почтенія, подходить къ испанцамъ, часто простираясь на землю и дѣлая другіе знаки обожанія.

Въ то время, какъ Колумбъ во имя Испаніи принималъ во владѣніе этотъ островъ и далъ ему имя Санъ-Сальвадоръ, дикіе стояли неподвижно и робко, съ удивленіемъ смотрѣли на лобъ, бороду, блестящее вооруженіе и богатыя одежды европейцевъ. Особенное вниманіе ихъ привлекъ на себя Колумбъ: онъ былъ высокаго роста; одѣтъ въ блестящее платье и спутники обращались къ нему, какъ къ начальнику. Осмѣлившись еще больше, дикіе подошли къ испанцамъ, щупали ихъ бороды, разсматривали ихъ руки и лица, удивлялись ихъ бѣлизнѣ. Колумбъ, очарованный ихъ простотой и

довѣріемъ, не останавливалъ ихъ и крайне снисходительно сносилъ ихъ опыты. Дикіе предположили тогда, что корабли сошли съ неба, ограничивающаго ихъ горизонтъ, или что они спустились съ неба прямо на своихъ широкихъ крыльяхъ (парусахъ) и что эти необыкновенныя существа—небожители.

И дикіе въ свою очередь возбуждали любопытство испанцевъ; они отличались отъ всѣхъ расъ, видѣнныхъ доселѣ. Они были совершенно голы, лицо мѣднаго цвѣта, совершенно безъ бороды; тѣло было разрисовано краской, или все, или только какая нибудь часть лица. Они были характера тихаго, крайне просты и привѣтливы. Вмѣсто всякихъ орудій у нихъ были только копья, конецъ которыхъ былъ закаленъ на огнѣ, или вооруженъ кремнемъ, зубомъ или рыбной костью. У нихъ не было желѣза, да казалось, что они и не знали его свойствъ. Когда имъ показали голую саблю, они безъ всякой осторожности брали ее голой рукой за лезвіе.

Колумбъ роздалъ имъ цвѣтныя шапки, стеклянные бусы, бубенчики и другія бездѣлушки, которыми португальцы торговали съ африканцами на Золотомъ Берегѣ. Дикаря сочли это за неоцѣненные подарки; бусы навѣшали кругомъ шеи, а звукъ бубенчиковъ приводилъ ихъ въ восторгъ. Цѣлый день провели испанцы на землѣ, отдыхая отъ путешествія, и вернулись на корабль только вечеромъ.

Такимъ образомъ началось первое знакомство евро-

нейцевъ съ Америкой. На другой день дикіе на лодкахъ приплыли къ кораблямъ На нѣкоторыхъ надѣто было золото. Ихъ спросили, откуда они его достаютъ. Они показывали руками на юго-западъ. Тогда Колумбъ отправился по этому направленію и открылъ еще два большихъ острова, Кубу и Гаити. На Гаити онъ оставилъ 30 человѣкъ испанцевъ, а съ остальными пошелъ обратно, и прибылъ въ Испанію, въ гавань Палосъ, въ мартѣ 1493 года, ровно чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ выхода. На обратномъ пути во время страшной бури одинъ изъ его кораблей потонулъ, другой отсталъ и Колумбъ самъ вернулся только съ однимъ кораблемъ.

При первомъ извѣстіи о возвращеніи, весь городъ пришелъ въ движеніе... Но когда узнали, что Колумбъ открылъ новый свѣтъ, всѣ жители были въ восторгѣ отъ радости; звонили въ колокола, запирались лавки, всѣ дѣла были прекращены. Волненіе, шумъ, восторгъ, нетерпѣливое любопытство царствовало въ городѣ. Вездѣ, гдѣ ни показывался Колумбъ, раздавались радостные крики и привѣтствія. Затѣмъ и вся Европа пришла въ неописанное удивленіе, когда разнеслась молва о новооткрытыхъ островахъ и о тамошнихъ жителяхъ. Колумбъ привезъ съ собой 7 человѣкъ дикихъ. Папа немедленно подарилъ испанцамъ всѣ земли, которыя они откроютъ на западѣ. Испанскій народъ и его государи засыпали Колумба похвалами и почестями.

Теперь подъ его руководствомъ принялись сооружать новую экспедицію. На этотъ разъ было построено цѣ-

лыхъ 17 кораблей, и они щедро были снабжены всѣмъ необходимымъ. На нихъ отправилось 2,500 человѣкъ — и такъ какъ многимъ отказывали, то нѣкоторые забрались на корабль обманомъ. Многіе надѣялись завести въ Новомъ Свѣтѣ колоніи.

Возвратившись снова въ Америку, Колумбъ открылъ еще нѣкоторые острова, но на Гаити нашелъ всѣ испанскія постройки разоренными и сожженными, а испанцы исчезли. Колумбъ основалъ тутъ новый городъ, Изабеллу. Лошади, которыхъ привезъ Колумбъ, внушили дикарямъ такой же страхъ, какъ и огнестрѣльное оружіе. Люди, бросившіеся теперь въ Америку, шли съ надеждой отыскать золото, или просто для завоеваній, грабежа; дикарей же желали сдѣлать рабами. Хотя испанское правительство и самъ Колумбъ смотрѣли на рабство дикихъ, какъ на дѣло законное, но все таки Колумбъ принималъ мѣры къ обузданію колонистовъ; это вызвало несогласія и Колумба отозвали въ Испанію (1496 г.). Чрезъ два года онъ отправился въ третій разъ въ Америку и открылъ на этотъ разъ уже самый материкъ. Но, возвратившись въ Изабеллу, онъ нашелъ тамъ все въ безпорядкѣ; правительство наслало туда воровъ и разбойниковъ; никто не хотѣлъ работать; грабежи и насилія были повсюду. Вслѣдствіе новыхъ жалобъ, изъ Испаніи посланъ былъ чиновникъ для разбора дѣла Колумба; но онъ безъ всякаго суда заковалъ Колумба въ цѣпи и отправилъ въ Испанію (1500 г.).

При видѣ Колумба въ цѣпяхъ, испанскій народъ пришелъ въ негодованіе; волненіе было такъ сильно, что король долженъ былъ немедленно приказать снять съ него оковы и освободить его... Послѣ того Колумбъ предпринималъ еще четвертое путешествіе въ Америку и возвратился уже больной въ Севилью. Свои дѣла онъ нашелъ въ совершенномъ безпорядкѣ. Доходы, которые онъ долженъ былъ получать по условію, уже нѣсколько лѣтъ оставались въ рукахъ испанскаго губернатора Америки. И такъ какъ послѣднее путешествіе Колумбъ предпринималъ на свой счетъ и оно стоило ему дорого, то онъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Онъ долженъ былъ соблюдать самую строгую экономію и писалъ къ королю; но при дворѣ только оттягивали дѣло. Онъ пишетъ въ одномъ письмѣ къ своему сыну: „я мало получилъ пользы отъ своихъ двадцатилѣтнихъ услугъ, трудовъ и опасностей, потому что у меня нѣтъ въ Испаніи даже крыши, чтобы укрыть голову. Когда мнѣ хочется ѣсть или спать, я долженъ отправляться въ гостинницу и большею частью мнѣ нечѣмъ бываетъ заплатить.“ Колумбъ былъ, безъ сомнѣнія, честный человѣкъ; даже открывъ золото, онъ не хотѣлъ ни грабить, ни опустошать страны; „надобно, говорилъ онъ, сперва устроить администрацію, потомъ можно будетъ добывать золото, *не прибѣгая къ насилію.*“ Между тѣмъ въ Испаніи ему приходилось быть нищимъ.

Онъ писалъ ко двору, но такъ какъ самъ не могъ

пріѣхать по старости и по болѣзни, то и просьбы его были оставлены безъ вниманія. Между тѣмъ испанская королева умерла; Колумбъ потомъ самъ отправился хлопотать ко двору, но все безполезно. Онъ готовъ былъ возвратить всѣ свои привиллегіи и акты и получить сумму, какая только заблагоразсудится королю. Онъ просилъ только объ одномъ, чтобы его дѣло было поскорѣе рѣшено, чтобы онъ могъ удалиться въ спокойный уголъ: его болѣзни и старость требовали спокойствія. Король ограничивался обѣщаніями и комплиментами. Колумбъ ждалъ, но напрасно. Послѣдняя поѣздка ко двору окончательно истощила его силы. Онъ умеръ 20-го мая 1506 г., 70 лѣтъ отъ роду.

Послѣ смерти, король приказалъ воздвигнуть въ память его монументъ.

АВРААМЪ ЛИНКОЛЬНЪ (*).

Авраамъ Линкольнъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, возстановитель союза и освободитель негровъ, родился отъ бѣднаго земледѣльца въ 1809 году. Первыя семь лѣтъ жизни мальчика прошли въ штатѣ Кентукки, гдѣ отецъ его былъ простымъ работникомъ и неутомимыми трудами поддерживалъ существованіе своего семейства. По неимѣнію въ то время постоянныхъ школъ для бѣднаго класса народа въ этомъ краѣ, только что выходившемъ изъ состоянія дикости, маленькій Авраамъ учился нѣсколько времени у сосѣда, который занимался преподаваніемъ. Мальчикъ скоро выучился читать, но дальнѣйшее научное воспитаніе его должно было остановиться, потому что отецъ Линкольна, ревностный квакеръ, не ладилъ съ сосѣдними рабовладѣльцами-помѣщиками и при-

(*) Изъ сочиненія Смайльса: «Самодѣятельность», перев. Н. Кутейникова; изд. Колесова и Михина.

знавалъ невыгоднымъ работать тамъ, гдѣ трудъ цѣнился очень дешево, по причинѣ множества невольничьихъ рабочихъ рукъ. Это побудило Линкольна перемѣнить мѣсто жительства, и онъ рѣшился искать себѣ поселенія дальше къ сѣверо-западу, въ малообитаемыхъ мѣстностяхъ. Въ 1816 году семейство Линкольна чрезъ дремучіе лѣса перебралось въ отдаленный штатъ Индіану. По прибытіи на мѣсто, нужно было расчищать землю, потомъ рубить и обтесывать деревья для постройки дома, и во всемъ этомъ помогалъ отцу маленькій Авраамъ съ топоромъ въ рукѣ. Продолжать ученье ему здѣсь было уже некогда. Взамѣнъ этого, занимаясь физическимъ трудомъ и живя постоянно среди природы, молодой Линкольнъ пріобрѣталъ необыкновенную тѣлесную крѣпость, ходилъ на охоту и помогалъ отцу въ его работахъ. Чрезъ два года послѣ поселенія семейства Линкольна въ Индіанѣ, умерла мать мальчика, который такимъ образомъ впервые испыталъ сильное горе. Вскорѣ Авраамъ получилъ возможность продолжать по временамъ заниматься чтеніемъ, и одною изъ первыхъ книгъ, которыя ему удалось достать и которыя онъ читалъ съ большимъ удовольствіемъ, были Эзоповы басни. Затѣмъ онъ сталъ учиться писать и ариѳметикѣ, и оказывалъ такіе быстрые успѣхи, занимаясь ревностно, что скоро уже превзошелъ своего учителя, который съ полною добросовѣстностью признался въ этомъ. Такъ какъ у лѣсныхъ обитателей часто недоставало бумаги, чернилъ и перьевъ, то матеріаломъ для письма въ этихъ

случаяхъ служилъ мѣлъ или полуобуглепная деревянная палочка, и вскорѣ мальчикъ умѣлъ уже не только написать свое имя, но и писалъ письма сосѣдямъ, что ему доставляло большое удовольствіе, по причинѣ сознанія своей пользы и даже необходимости для окружающихъ, которые часто обращались къ помощи маленькаго Авраама. Любознательность Линкольна мало находила для себя пищи, хотя и проявлялась при каждомъ удобномъ случаѣ. Онъ съ жадностью читалъ и перечитывалъ всѣ книги, какія только могъ достать. Біографъ Линкольна разсказываетъ слѣдующую подробность, показывающую, въ какой сильной степени была развита въ мальчикѣ какъ жажда къ знанію, такъ и честность. У сосѣдняго пастора Крауфорда онъ попросилъ прочесть „Жизнь Вашингтона“, которая и была ему дана подъ условіемъ самой строгой бережливости. Авраамъ не разлучался съ книгой на работѣ въ полѣ, и, чтобы всегда имѣть ее по близости, пряталъ въ дупло, въ той увѣренности, что тамъ она лучше сохранится. Между тѣмъ, отъ сильнаго дождя, книга была совершенно промочена и испорчена. Не смотря на всѣ свои усилія, Линкольнъ не могъ поправить бѣду: заплатить было нечѣмъ, юноша отправился къ Крауфорду съ повинной головой и вызвался заработать стоимость книги; такимъ образомъ, онъ жалъ хлѣбъ вмѣстѣ съ другими рабочими въ теченіи нѣсколькихъ дней, и затѣмъ уже получилъ книгу въ собственность. Другою характеристическою чертою Авраама было то, что

онъ почти не принималъ участія въ играхъ своихъ товарищей, которые обращались къ нему только для разбирательства своихъ ссоръ, такъ что онъ прослылъ между ними „миротворцемъ". Далѣе, въ дѣтскомъ періодѣ жизни Линкольна мы уже не находимъ учебныхъ занятій, которыя ограничились и на новомъ мѣстѣ жительства рѣдкимъ посѣщеніемъ школы, основанной какимъ-то заѣзжимъ учителемъ. Затѣмъ ему нужно было работать для поддержанія себя, а всѣ позднѣйшія свои свѣдѣнія онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи, безъ всякой посторонней помощи, стараясь при каждомъ удобномъ случаѣ заниматься своимъ умственнымъ развитіемъ.

Достигнувъ девятнадцати лѣтъ, молодой Линкольнъ принялъ предложеніе своего сосѣда, Питта, поступить въ работники на барку его, которая отправлялась по Миссисипи въ Новый Орлеанъ съ деревомъ и съѣстными припасами. Пришлось испытывать новую жизнь, полную трудностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ веселую и свободную. По дорогѣ на Линкольна и его товарищей нападали бѣглые негры, скрывавшіеся отъ жестокостей своихъ владѣльцевъ. Линкольнъ счастливо отбился отъ нихъ и, благополучно кончивъ свою первую большую работу на новомъ поприщѣ, возвратился на родину, гдѣ вѣсти объ удачномъ минованіи всѣхъ опасностей плаванія еще болѣе укрѣпили всеобщее довѣріе къ честному и дѣятельному характеру молодаго человѣка.

Между тѣмъ отецъ его, по своимъ дѣламъ, долженъ былъ оставить Индіану и переселиться еще далѣе къ

западу, въ новый штатъ Иллинойсъ; Авраамъ, которому былъ тогда 21 годъ, дѣятельно помогалъ семейству устроиться на новомъ мѣстѣ; для постройки фермы онъ нарубилъ и обтесалъ нѣсколько тысячъ кольевъ, которымъ впослѣдствіи суждено было играть важную роль въ его жизни, при избраніи Линкольна въ кандидаты на президентство со стороны республиканской партіи. Въ первую же зиму въ Иллинойсѣ выпалъ глубокій снѣгъ, покрывавшій землю на три фута вышины; сообщенія между отдѣльными поселками почти прекратились. Тогда молодой и сильный Авраамъ отправлялся изъ фермы въ ферму на лыжахъ, ходилъ на охоту, и такимъ образомъ доставлялъ и своему семейству и сосѣдямъ все нужное, вслѣдствіе чего хорошая молва о немъ быстро распространилась по окрестности.

На слѣдующій годъ молодой Линкольнъ отправился уже въ сосѣдній городъ и тамъ работалъ, гдѣ что случалось. Получивъ тогда же еще заказъ доставить барку съ товарами въ Нью-Орлеанъ, Линкольнъ на пути былъ свидѣтелемъ многихъ возмутительныхъ сценъ варварскаго обращенія рабовладѣльцевъ съ неграми, и мысль объ этой язвѣ отечества запала глубоко въ душу молодаго человѣка. Исправное исполненіе взятыхъ на себя порученій пріобрѣло Линкольну полную довѣренность со стороны торговца, который его нанималъ на барку, такъ что вскорѣ молодому Аврааму предложено было уже мѣсто прикащика въ городкѣ Нью-Салемѣ; въ новомъ званіи, Линкольнъ продолжалъ обращать на себя вни-

маніе и привлекать покупателей въ лавку своею честностью и обходительностью, такъ что заслужилъ себѣ прозваніе „честнаго Авраама“. При всемъ томъ, такія занятія были не по душѣ молодому Линкольну, который искалъ болѣе широкаго круга дѣятельности. Случай къ этому скоро представился, хотя самъ по себѣ былъ и не особенно значителенъ. Послѣдовало нападеніе на Иллинойсъ сосѣднихъ индійскихъ племенъ: всеобщее довѣріе къ Линкольну въ Нью-Салемѣ выразилось тѣмъ, что въ ротѣ волонтеровъ, куда и онъ поступилъ, его выбрали капитаномъ. Хотя въ дѣйствительномъ сраженіи ему не пришлось участвовать, но это назначеніе все-таки показало, какую общую любовь заслужилъ Линкольнъ между товарищами, какъ безукоризненно и мужественно исполнялъ онъ свою должность, вынося разныя лишенія и затрудненія.

По окончаніи похода, Линкольнъ, возвратившись еще разъ къ торговымъ занятіямъ, хотѣлъ дѣйствовать самостоятельно и потерпѣлъ неудачу, которая невыгодно отозвалась на его денежныхъ средствахъ. Тогда онъ рѣшился посвятить себя занятію правомъ, намѣревалсь сдѣлаться адвокатомъ. Но такъ какъ время изученія юридическихъ наукъ, не смотря на все прилежаніе Линкольна, не могло быть коротко, то ему нужно было все-таки пріискать другую работу для поддержанія своего существованія. Съ этою цѣлью онъ принялъ предложеніе мѣстнаго землемѣра относительно занятій межеваніемъ земли въ окрестностяхъ Нью-Салема, хотя и

не имѣлъ нужныхъ для этого дѣла геометрическихъ свѣдѣній. Познанія эти, впрочемъ, при помощи желѣзнаго трудолюбія Линкольна, были пріобрѣтены; онъ запасся нужными инструментами и ревностно принялся за занятіе, которое доставило ему хорошія выгоды, такъ какъ онъ всегда исполнялъ добросовѣстно каждое дѣло, за которое брался, а спросъ на землемѣровъ въ Иллинойсѣ въ то время былъ великъ. Конечно, занятія эти, кромѣ спеціальныхъ познаній и добросовѣстности, требовали еще и неутомимости, готовности выносить разнородныя лишенія, при странствованіи по полямъ и лѣсамъ: Линкольнъ однажды даже едва не утонулъ. Землемѣрныя занятія молодаго человѣка кончались въ то самое время, когда его юридическія познанія подвинулись уже на столько, что онъ могъ выдержать экзаменъ для пріобрѣтенія званія адвоката. Это было въ 1836 году. Тогда Линкольнъ окончательно избралъ поприще для своей дѣятельности, до выступленія впослѣдствіи на политическую арену. Такимъ образомъ до двадцати семи лѣтъ отъ роду онъ уже былъ дровосѣкомъ, рабочимъ на баркахъ, прикащикомъ въ лавкѣ, капитаномъ ополченія, землемѣромъ, на короткое время дѣлался почтмейстеромъ, и наконецъ сталъ юристомъ. Но для достиженія адвокатскаго званія ему пришлось вынести новые и сильные труды: по недостатку времени, употребляемаго днемъ на работу, составлявшую источникъ существованія Линкольна, онъ занимался изученіемъ законовѣдѣнія уже ночью, отрывая каждыя сутки нѣ-

сколько часовъ отъ сна. Сверхъ того, огромныя трудности предстояли при самомъ изученіи американскихъ законовъ, которые, подобно англійскимъ, не сведены въ одинъ кодексъ, такъ что всѣ отдѣльные акты и узаконенія будущій адвокатъ долженъ былъ изучать въ ихъ неразработанномъ видѣ. Но Линкольнъ обладалъ непреклонной волей и твердой рѣшимостью улучшить свое положеніе и успѣлъ достигнуть своей цѣли. Подобный взглядъ на трудъ, какъ на преобладающую силу, которая одна только даетъ значеніе каждому личному положенію, Линкольнъ сохранилъ во всю жизнь. Его образъ мыслей въ этомъ отношеніи хорошо характеризуется отвѣтомъ, даннымъ европейскому офицеру, который поступилъ на службу въ одинъ изъ американскихъ полковъ и на аудіенціи у президента Линкольна замѣтилъ ему, что „принадлежитъ къ одному изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ“.—„О“, отвѣчалъ ему Линкольнъ, „это не можетъ повредить вашей службѣ у насъ“. Приведемъ еще выдержку изъ позднѣйшей рѣчи Линкольна, въ которой онъ излагаетъ свое мнѣніе, какимъ образомъ человѣкъ долженъ достигать самостоятельности. „Когда молодой человѣкъ достигаетъ такого возраста, въ который онъ уже выходитъ изъ подъ опеки, и притомъ, вмѣсто капитала, имѣетъ только двѣ сильныя руки, данныя ему Богомъ, и ревностное желаніе трудиться, соединенное со свободой выбора самого труда, при неимѣніи ни заранѣе опредѣленнаго предмета занятій, ни земли, — тогда онъ долженъ искать

случая достать работу по найму, который бы могъ хорошо вознаградить его за трудъ. Благодаря праву свободно выбирать себѣ предметъ труда, онъ можетъ работать усердно, жить умѣренно и результатомъ этого, чрезъ годъ или два, явятся уже небольшія деньги. Тогда онъ покупаетъ землю, обзаводится хозяйствомъ, женится, съ теченіемъ времени составляетъ себѣ капиталъ, и самъ уже нанимаетъ работниковъ, которые, въ свою очередь, такимъ же путемъ будутъ добиваться самостоятельности".

Приписывая все значеніе человѣка его труду, и признавая, что человѣкъ недостоинъ пользоваться избыткомъ и благосостояніемъ, если оно не пріобрѣтено честнымъ образомъ собственнымъ трудомъ его самого, Линкольнъ, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому порядку вещей, при которомъ человѣческій трудъ дѣлается уже не средствомъ къ достиженію самостоятельности, но простой механической силой, направленной на пользу другихъ людей, которые тѣмъ самымъ избавляются отъ необходимости трудиться. Изъ изложеннаго нами образа мыслей Линкольна уже виденъ взглядъ его на невольничество и понятны тѣ отношенія, въ какія онъ долженъ былъ встать къ этой язвѣ великой американской республики. Отвращеніе его къ „домашнему учрежденію“ усиливалось еще извѣстными послѣдствіями невольничества, съ которыми Линкольнъ имѣлъ уже случай ознакомиться во время поѣздокъ по своей родинѣ въ молодыхъ лѣтахъ: это—возмутитель-

ныя сцены жестокости при продажѣ „живыхъ рабочихъ силъ“ и самая гнусная безнравственность при распоряженіи человѣкомъ, какъ вещью.

Такимъ образомъ политическіе взгляды Линкольна на важнѣйшіе вопросы того времени уже установились, когда онъ, въ концѣ 1834 г., еще до полученія адвокатскаго званія, былъ избранъ въ члены законодательнаго собранія штата Иллинойсъ. Въ своемъ новомъ званіи онъ выказалъ большой ораторскій талантъ, сталъ на сторону передовой партіи противъ невольничества, и, выбранный вновь въ 1838 и 1840 годахъ, по истеченіи прежнихъ сроковъ, сдѣлался вскорѣ предводителемъ своей партіи и самою замѣчательною политическою личностью цѣлаго штата. Линкольнъ всѣми силами старался противодѣйствовать развитію „домашняго учрежденія“, на сколько это было возможно въ то время, безъ опасности для успѣха всего дѣла. Законодательное собраніе Иллинойса было все-таки слишкомъ тѣсно для его дѣятельности въ томъ смыслѣ, какъ желалъ Линкольнъ. Пріобрѣтенная имъ въ штатѣ популярность дала ему возможность быть избраннымъ въ 1846 году представителемъ Иллинойса въ Вашингтонскій конгрессъ, въ теченіе двухлѣтняго засѣданія въ которомъ Линкольнъ продолжалъ, по прежнему, ратовать противъ невольничества, твердо держась, однакожъ, на почвѣ законности, что заставило нѣкоторыхъ даже сомнѣваться въ искренности его вражды къ этому учрежденію; между тѣмъ разсмотрѣніе его свойствъ показываетъ, что

этому чувству вражды мѣшало проявляться съ полною рѣзкостью только уваженіе къ законности и забота о величіи общаго отечества, которому, въ случаѣ рѣшительныхъ мѣръ противниковъ рабства, постоянно угрожала междоусобная война, какъ это впослѣдствіи и случилось. Съ 1849 по 1854 годъ Линкольнъ, занятый воспитаніемъ своихъ дѣтей, удалялся отъ политической жизни, продолжая только адвокатскую дѣятельность.

На это поприще первоначально онъ выступилъ, какъ мы уже говорили, еще въ 1836 году, и хотя не получилъ другаго юридическаго образованія, кромѣ того, которое самъ себѣ далъ, но вскорѣ пріобрѣлъ хорошую адвокатскую извѣстность въ Иллинойсѣ. Причина этого была та, что онъ съ необыкновенною проницательностью умѣлъ раскрывать неясность и запутанность въ каждомъ процессѣ, и, особенно сильный въ дѣлѣ защиты, сообщалъ талантливо-краснорѣчивымъ способомъ свое убѣжденіе и слушателямъ, которыхъ всегда умѣлъ заинтересовать и тронуть.

Талантъ Линкольна особенно выказался въ слѣдующемъ процессѣ, въ которомъ нашему адвокату пришлось не только защищать невиннаго, но и выполнять долгъ благодарности семейству, глава котораго, по выходѣ молодаго Линкольна изъ отеческаго дома, оказалъ ему большія услуги, принявъ къ себѣ молодаго человѣка, пока тотъ еще не имѣлъ занятій. Старый Армстронгъ — таково было его имя — между тѣмъ умеръ, и единственной подпорой его вдовы остался ея старшій

сынъ, который теперь и былъ обвиненъ въ убійствѣ. Обвиненіе было такъ опредѣленно и носило на себѣ такіе признаки достовѣрности, что пріобрѣло себѣ совершенное довѣріе мѣстныхъ жителей. Самый фактъ преступленія состоялъ въ томъ, что одинъ юноша во время ночной сходки былъ лишенъ жизни въ возникшемъ спорѣ. Подъ вліяніемъ искусно направленнаго обвиненія мѣстные жители припоминали разные отдѣльные мелкіе случаи изъ жизни молодаго Армстронга, который вообще былъ мальчикъ довольно легкомысленный, — случаи, повидимому, подтверждавшіе его виновность. Раздраженіе населенія противъ предполагаемаго преступника возрасло до такой степени, что только тюрьма спасла его отъ народной ярости. Несчастный юноша впалъ въ состояніе совершенной безнадежности и никто не сомнѣвался, что онъ будетъ осужденъ. Въ это время Линкольнъ въ письмѣ къ матери молодаго человѣка вызвался разсмотрѣть дѣло ея сына и употребить всѣ усилія къ спасенію его, если онъ окажется невиннымъ. Убѣдившись въ невинности Армстронга, Линкольнъ, въ качествѣ его адвоката, прежде всего потребовалъ, чтобы дѣло было перенесено для обсужденія въ другой судебный округъ, гдѣ судъ не могъ бы уже находиться подъ вліяніемъ всеобщаго предубѣжденія противъ обвиняемаго.

Въ своей защитительной рѣчи Линкольнъ прежде всего показалъ, что Армстронгъ, какъ видно изъ его прежней жизни, былъ существомъ хотя и необузданна-

го характера, но вовсе не порочнымъ. Затѣмъ обнаружилъ, что между обвинителемъ и обвиненнымъ уже прежде были непріязненныя отношенія. Наконецъ, обративъ вниманіе на время и мѣсто совершенія преступленія, показалъ сбивчивость объясненій свидѣтеля противъ молодаго Армстронга. Свидѣтель этотъ, между прочимъ, сказалъ, что убійство совершено въ такой-то часъ вечера и что самъ онъ, при свѣтѣ мѣсяца, видѣлъ, какъ обвиняемый нанесъ убитому смертельный ударъ. Линкольнъ опровергнулъ въ самомъ основаніи этотъ доводъ, доказавъ, что въ названный свидѣтелемъ часъ мѣсяцъ еще не взошелъ. Ясная, убѣдительная рѣчь адвоката произвела уже дѣйствіе на слушателей. Тогда Линкольнъ съ такою силою сталъ обличать ложнаго свидѣтеля, разъясняя его недобросовѣстность, что тотъ, блѣдный, какъ смерть, долженъ былъ удалиться изъ залы засѣданія. Обратившись, наконецъ, къ присяжнымъ, Линкольнъ со всею силою своего краснорѣчія представилъ имъ опасность осужденія невиннаго, напомнилъ имъ о собственныхъ ихъ дѣтяхъ и, когда солнце начало уже приближаться къ закату, кончилъ свою рѣчь восклицаніемъ: „Прежде чѣмъ это солнце закатится, лучи его сегодня должны освѣтить еще одного свободнаго человѣка!“ Подсудимый, дѣйствительно, былъ объявленъ присяжными невиннымъ, и Линкольнъ могъ потомъ указать оправданному юношѣ и его матери на солнце, со словами: „оно еще не сѣло, а ты уже свободенъ!»

Успѣхъ Линкольна въ адвокатской практикѣ все уве-

личивался, такъ что онъ, поправивъ свои средства, поселился на постоянное жительство въ Спрингфильдѣ, главномъ городѣ штата Иллинойса, гдѣ и жилъ долгое время, пока не пришлось ему выступить на политическое поприще. Пятилѣтнимъ промежуткомъ отъ 1849 до 1854 года бывшій дровосѣкъ заключилъ свою адвокатскую дѣятельность, и съ того времени не оставлялъ уже политической жизни до самой своей кончины.

Еще въ 1849 году рабовладѣльческая партія въ союзѣ поднимала шумъ по поводу вступленія въ союзъ новаго штата Калифорнія. До тѣхъ поръ было 15 штатовъ свободныхъ и 15 невольничьихъ. Калифорнія должна была дать перевѣсъ той или другой партіи. Дѣло доходило почти до разрыва, но тогда еще успѣли уладить споръ взаимными уступками, которыя въ сущности однакожъ больше приносили пользы югу. Калифорнія вступила въ союзъ въ качествѣ свободнаго штата, но въ 1850 г. принятъ былъ законъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ даже изъ свободныхъ штатовъ, потомъ отмѣнена изстари установленная сѣверная граница рабства и даже стараніями рабовладѣльческой партіи приняты карательныя мѣры за сочиненія противъ невольничества.

Видя такое усиленіе партіи рабства, друзья свободы, въ томъ числѣ и Линкольнъ, рѣшились энергичнѣе дѣйствовать противъ ненавистной имъ системы. При всемъ томъ Линкольнъ старался еще не отступать отъ

конституціи. Чтобъ доставить торжество своей партіи, онъ жертвовалъ своимъ личнымъ честолюбіемъ, отказываясь нѣсколько разъ отъ почетныхъ назначеній, которыя выдвинули бы его впередъ скорѣе, но притомъ разъединили бы силы анти-невольничьей партіи, чего Линкольнъ не допускалъ. Такъ въ 1854 г. онъ былъ кандидатомъ въ сенаторы, вмѣстѣ съ Трумболломъ, другимъ представителемъ либеральной партіи. Для усиленія ея, Линкольнъ самъ подалъ голосъ въ пользу Трумболла и убѣдилъ своихъ приверженцевъ сдѣлать тоже. Потомъ онъ отказался отъ предложенія быть губернаторомъ въ Иллинойсѣ, чтобъ не дать возможности усилиться своимъ политическимъ врагамъ. Наконецъ въ 1856 г. республиканская партія прочила его, при новыхъ выборахъ, въ вице-президенты, но онъ отклонилъ и это предложеніе, подавъ самъ голосъ за представителя либеральной партіи Фремонта. Въ 1858 г. общее вниманіе приверженцевъ свободы негровъ въ цѣломъ союзѣ обратилось на Линкольна, по поводу борьбы его съ кандидатомъ рабовладѣльцевъ, Дугласомъ, за мѣсто сенатора въ конгрессѣ, отъ штата Иллинойсъ. Оба соперника ѣздили по штату и произносили рѣчи съ изложеніемъ своихъ принциповъ, назначали даже одинъ другому диспуты передъ народомъ, на которыхъ побѣда оставалась на сторонѣ Линкольна, открыто объявившаго теперь себя преданнымъ дѣлу освобожденія. При подачѣ голосовъ, большее число ихъ было подано за Линкольна, но они такъ распредѣлились по

округамъ, что сенаторомъ сдѣлался все-таки Дугласъ. Для Линкольна это обстоятельство имѣло важность въ томъ отношеніи, что рѣчи его были прочитаны всѣми, значеніе его, какъ вождя, было также понято, и ближайшимъ результатомъ этого было то, что въ 1860 г. его предложили кандидатомъ въ президенты. Окончательное избраніе Линкольна въ кандидаты либеральной партіи произведено было удачнымъ напоминаніемъ народу о его прежней жизни и трудахъ въ качествѣ дровосѣка: два кола, украшенные цвѣтами, съ надписью, гласившею, что они взяты изъ 3,000 кольевъ, обтесанныхъ Линкольномъ, были показаны многочисленнымъ избирателямъ, и тогда же, при единодушномъ восторгѣ, Линкольнъ былъ провозглашенъ единственнымъ кандидатомъ либеральной партіи. Южные штаты такъ хорошо сознавали силу Линкольна, которую онъ почерпалъ изъ соединенія вражды къ невольничеству со строгою привязанностью къ законности и видимой умѣренности. что избраніе его въ президенты Союза было сигналомъ къ объявленію рабовладѣльцевъ о выходѣ ихъ изъ Союза, результатомъ чего была ожесточенная четырехъ-лѣтняя междоусобная война. Благотворнымъ слѣдствіемъ ея было, однакожъ, то, что строго-легальный, но искренно-преданный дѣлу свободы Линкольнъ, пользуясь нарушеніемъ закона со стороны рабовладѣльцевъ, принялъ на себя починъ въ дѣлѣ уничтоженія невольничества на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Желая отклонить междоусобіе, Линкольнъ, при вступленіи въ президентскую должность, обѣщалъ неприкосновенность существующихъ правъ: онъ надѣялся примирительнымъ, но твердымъ образомъ дѣйствій достигнуть уступокъ со стороны юга, безъ употребленія насильственныхъ мѣръ, прибѣгать къ которымъ считалъ себя не вправѣ, смотря на себя только, какъ на исполнителя народной воли. Эти мирныя его намѣренія встрѣчены были со стороны южныхъ штатовъ заявленіями вражды и ненависти,—носились даже тогда уже слухи о покушеніи на жизнь президента, — и въ четвертый годъ войны сѣверо-американскій конгрессъ узаконилъ отмѣну невольничества, какъ учрежденія, т. е. отмѣнилъ личную, юридическую зависимость негровъ отъ ихъ господъ.

Во все время междоусобной войны Линкольнъ оставался вѣренъ своимъ правиламъ: даже при значительныхъ неудачахъ сѣверныхъ войскъ онъ не падалъ духомъ, хотя дѣло сѣверныхъ штатовъ было дѣломъ всей жизни Линкольна, неутомимо продолжая давно задуманное дѣло освобожденія, онъ двигалъ его хотя постепенными, но вѣрными шагами къ желанному концу, безъ всякаго отступленія притомъ отъ строгой законности; при побѣдѣ сѣверныхъ штатовъ онъ показалъ замѣчательную умѣренность къ побѣжденнымъ, настаивая только на уничтоженіи рабства и на вѣрности союзу. Линкольнъ, не смотря на многочисленныя угрозы и обѣщанія убить его, не обнаруживалъ ненависти къ вра-

гамъ своимъ, а неуклонно продолжалъ трудиться надъ избраннымъ дѣломъ.

Эти угрозы, къ несчастію, были приведены въ исполненіе. Освободитель милліоновъ, занятый устройствомъ возстановленнаго союза, вскорѣ послѣ вторичнаго своего избранія въ президенты, — Линкольнъ былъ застрѣленъ подлымъ убійцею, актеромъ Бусомъ, въ театрѣ 14 апрѣля 1865 г., и на другой день скончался. Въ эту послѣднюю ночь, пока онъ лежалъ въ безпамятствѣ, жители Вашингтона, въ которомъ совершилось убійство, не спали: толпы народа окружали тотъ домъ, гдѣ находился раненый, съ тревожнымъ ожиданіемъ справляясь о положеніи честнаго человѣка.

По смерти его, весь союзъ, т. е. всѣ истинные граждане его, были погружены въ глубокую горесть. Но смерть Линкольна была потерею не только для американцевъ, критическія минуты для ихъ союза уже прошли: первый и главный шагъ въ дѣлѣ уничтоженія рабства сдѣланъ, союзъ возстановленъ, дальнѣйшее устройство возобновленной республики возложено уже на другаго человѣка, который не замедлилъ показать на опытѣ, чего лишились въ Линкольнѣ его сограждане. Но смерть Линкольна, говоримъ мы, была потерею для всего свѣта, утратившаго въ немъ одного изъ лучшихъ людей, когда-либо существовавшихъ. Всегда простой и ласковый въ обращеніи, безукоризненно честный и въ частной и въ публичной дѣятельности, строгій приверженецъ законности, энергичный проповѣдникъ и воинъ

свободы, ревностный труженикъ во всѣхъ званіяхъ — отъ дровосѣка до президента, — Линкольнъ, по видимому, никогда не отличался какими либо особыми блестящими качествами; но онъ обладалъ однимъ качествомъ, заключающимъ въ себѣ всѣ прочія — энергическимъ и вѣрнымъ исполненіемъ своего долга въ отношеніи къ народу, къ государству и къ частнымъ лицамъ. И за это то основное свойство своей натуры скромный Линкольнъ долженъ быть признанъ однимъ изъ величайшихъ дѣятелей XIX столѣтія, подлежащихъ суду исторіи. Почтенное имя „стараго Авраама" останется образцомъ и для нашего, и для будущихъ поколѣній.

БЕЛЬЛЕТРИСТИКА.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ТРАГЕДІИ

«СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО».

Царскіе покои. **Іоаннъ**, *блѣдный, изнуренный, одѣтый въ черную рясу, сидитъ въ креслахъ, съ четками въ рукахъ. Возлѣ него, на столѣ, мономахова шапка; съ другой стороны, на скамьѣ, полное царское облаченіе.* **Григорій Нагой** *подаетъ ему чару.*

НАГОЙ.

О, государь! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вонъ ужь который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И въ ротъ не бралъ!

ІОАННЪ.

Не надо пищи-тѣлу,
Когда душа упитана тоской.
Отнынѣ мнѣ раскаяніе пища!

*

Нагой.

Великій государь! Ужели вправду
Ты насъ покинуть хочешь? Что̀ же будетъ
Съ царицею? Съ царевичемъ твоимъ,
Съ Димитріемъ?

Іоаннъ.

Господь ихъ не оставитъ!

Нагой.

Но кто-жь съумѣетъ государствомъ править,
Опричь тебя?

Іоаннъ.

Острупился мой умъ;
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; ужь за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ-жь указалъ престолъ мой уступить
Другому; беззаконія мои
Песка морского паче: сыроядецъ—
Мучитель—блудникъ—церкви оскорбитель—
Долготерпѣнья божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ!

Нагой.

О, государь! Ты въ мысли умножаешь
Невольный грѣхъ свой! Не хотѣлъ убить ты
Царевича! Нечаянно твой посохъ
Такой ударъ ему нанесъ!

Іоаннъ.

Неправда!

Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей,
Его убилъ! Иль изъ ума я выжилъ,
Что ужь и самъ не зналъ, куда кололъ?
Нѣтъ — я убилъ его нарочно! Навзничь
Упалъ онъ, кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобызалъ, и умирая, грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ, но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу!

(*Таинственно*).

Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,
Манилъ меня кровавою рукою,
И схиму мнѣ показывалъ и звалъ
Меня съ собой, въ священную обитель
На Бѣломъ Озерѣ, туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирилла Чудотворца.
Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволненья міра удаляться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять.
И забывать людей неблагодарность
И злыя козни недруговъ моихъ!
И умилительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать,
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками,
Лишь вѣтра шумъ да чаекъ слышать крикъ,
Да озера однообразный плескъ.
Тамъ тишина! Тамъ всѣхъ страстей забвенье!
Тамъ схиму я пріиму я, можетъ быть,

Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Прощенье окаянству моему!

(*Помолчавъ*).

Поди, узнай, зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье? Скоро-ли они
Свой постановятъ приговоръ и съ новымъ
Царемъ прійдутъ, да возложу, не медля,
Я на него и бармы и вѣнецъ!

(*Нагой уходитъ*).

Все кончено! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Чтó встрѣтилъ я на ней? Одни страданья!
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ, подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ,
Языцей покоряя, то въ синклитѣ,
Сражаяся съ боярскимъ мятежомъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою
Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней!
Не кроткимъ былъ я властелиномъ—нѣтъ!
Я не умѣлъ обуздывать себя!
Отецъ Сильвестръ, наставникъ добрый мой,
Мнѣ говорилъ: „Иване, берегись!
„Въ тебя вселиться хочетъ сатана!
„Не отверзай души ему, Иване!“
Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святого старца
И душу я діаволу отверзъ!
Нѣтъ, я не царь! я волкъ! я песъ смердящій!

Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною!
Я Каина злодѣйство превзошелъ!
Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
Сердечныя безчисленны мои!
  О, Христе-Боже! Исцѣли меня!
Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!
Очисти мя отъ несказанныхъ скверней
И ко блаженныхъ лику сочетай!

(*Нагой поспѣшно возвращается*).

Нагой.

Великій государь! Сейчасъ изъ Пскова
Прибылъ гонецъ!

Іоаннъ.

Ужь я не государь —
Пусть обратится къ новому владыкѣ!

Нагой.

Онъ говоритъ, что съ радостною вѣстью
Его прислалъ князь Шуйскій!

Іоаннъ.

Пусть войдетъ!

(*Нагой впускаетъ гонца*).

Гонецъ.

Великій царь! Тебѣ твой воевода
Бояринъ князь Иванъ Петровичъ Шуйскій
Съ сидѣльцами псковскими бьетъ челомъ!
Усердными молитвами твоими,
Предстательствомъ угодниковъ святыхъ
И силой честнаго креста—отбили

Мы приступъ ихъ. Несметное число
Легло враговъ. За помощью въ Варшаву
Бѣжалъ король, а продолжать осаду
Онъ ближнимъ воеводамъ указалъ!

Іоаннъ.

Благословенъ Господь! Какъ было дѣло?

Гонецъ.

Ужь пять недѣль они вели подкопы,
Копали борозды и неумолчно
Изъ пушекъ били по стѣнамъ! Князь Шуйскій
Навстрѣчу имъ подкопы рыть велѣлъ.
Сошлися подъ землею. Бой великій
Тамъ закипѣлъ; въ котлы пороховые
Успѣли наши бросить огнь — и разомъ
Взлетѣли съ ляхами на воздухъ. Много
Погибло нашихъ, но хвала Творцу,
Всѣ вражьи взорваны работы.

Іоаннъ.

Дальше!

Гонецъ.

Подземныхъ ходовъ видя неудачу,
Они тогда свезли на ближній холмъ
Всѣ стѣнобойные снаряды вмѣстѣ,
И къ вечеру проломъ пробили. Тотчасъ
Къ нему мы подкатили пушки: *Барсу*
И *Трескотуху*, и когда они
Ужь устремились съ криками къ пролому,

Мы встрѣтили ихъ крупнымъ чугуномъ
И натискъ ихъ отбили.

Іоаннъ.

Дальше!

Гонецъ.

Къ утру
Великій приступъ приказалъ король.
Мы жъ въ колоколъ ударили осадный,
Соборомъ всѣмъ, хоругви распустя,
Святыя мощи Всеволода князя
Вкругъ древнихъ стѣнъ съ молитвой обнесли
И ляховъ ждали. Гулъ такой раздался,
Какъ будто налетѣла непогода...
Мы встрѣтили напоръ со всѣхъ раскатовъ,
Съ костровъ, со стѣнъ, съ быковъ, съ обломковъ, съ башенъ,
Посыпались на нихъ кувшины зелья,
Каменья, бревна, разожженный ленъ...
Уже они слабѣли—вдругъ король
Межъ нихъ явился, самъ повелъ дружины—
И какъ вода шумящая на стѣны
Ихъ сила снова полилась. Напрасно
Мы отбивались бердышами—башню
Свинарскую обсыпали литовцы—
Какъ муравьи полѣзли—на зубцахъ
Схватились съ нами--новыя ватаги
За ними лѣзли—долго мы держались—
Но наконецъ...

Іоаннъ.

Ну?

Гонецъ.

Наконецъ они
Сломали насъ и овладѣли башней!

Іоаннъ.

Такъ вотъ вы какъ сдержали цалованье?
Клятвопреступники! Христопродавцы!
Что̀ дѣлалъ Шуйскій?

Гонецъ.

Князь Иванъ Петровичъ,
Увидя башню полною враговъ,
Своей рукой схватилъ зажженный свѣточъ,
И въ подземелье бросилъ. Съ громомъ башня
Взлетѣла вверхъ—и каменнымъ дождемъ
Далеко станъ засыпала литовскій.

Іоаннъ.

На силу-то! Что̀ дальше?

Гонецъ.

Этотъ приступъ
Послѣдній былъ. Король ушелъ отъ Пскова,
Замойскому осаду передавъ.

Іоаннъ.

Хвала Творцу! Я вижу надо мною
Всесильный промыслъ божій. Ну, король?
Не мнилъ ли ты ужь совладать со мною,
Со мною, божьей милостью владыкой,
Ты, милостію панскою король?

Посмотримъ, какъ ты о псковскія стѣны
Бодливый лобъ свой разшибешь? А сколько
Литовцевъ полегло?

Гонецъ.

Примѣрнымъ счетомъ,
Убитыхъ будетъ тысячъ до пяти,
А раненыхъ и вдвое.

Іоаннъ.

Что, король?
Доволенъ ты уплатою моею
За Полоцкъ и Великъ? А сколько ихнихъ
Съ начала облежанія убито?

Гонецъ.

Въ пять приступовъ убито тысячъ съ двадцать,
Да нашихъ тысячъ до семи.

Іоаннъ.

Довольно
Осталось васъ. Еще разъ на пять хватитъ!
(*Входитъ Стольникъ*).

Стольникъ.

Великій царь...

Іоаннъ.

Что? Конченъ ихъ совѣтъ?

Стольникъ (*подавая письмо*).

Одинъ врагами полоненный ратникъ
Съ письмомъ отпущенъ къ милости твоей.

Іоаннъ.

Подай сюда!

(*Къ Нагому*)

Читай его, Григорій!

(*Стольникъ уходитъ*).

Нагой (*развертываетъ и читаетъ*).

„Царю всея Русіи Іоанну.
„Отъ князь Андрея, князь Михайлы сына...

Іоаннъ.

Что? Что?

Нагой (*смотритъ въ письмо*).

„Отъ князь Михайлы сына Курб....“

Іоаннъ.

Отъ Курбскаго! А! На мое посланье
Отвѣтъ его мнѣ милость присылаетъ!

(*Къ гонцу*).

Ступай!

(*Къ Нагому*).

Прочти!

Нагой.

Но, государь...

Іоаннъ.

Читай!

Нагой (*читаетъ*).

„Отъ Курбскаго, подвластнаго когда-то
„Тебѣ слуги, теперь короны польской
„Владѣтельнаго Ковельскаго князя,
„Поклонъ. Внимай моимъ словамъ...“

Іоаннъ.

Ну? Что же?

Нагой.

Не смѣю, государь!

Іоаннъ.

Читай!

Нагой (*продолжаетъ читать*).

„Нелѣпый
„И широковѣщательный твой листъ
„Я вразумилъ. Превыше божьихъ звѣздъ
„Гордынею своею возносяся,
„И самъ же фарисейски унижаясь,
„Въ измѣнахъ ты небытныхъ насъ винишь.
„Твои слова, о царь, достойны... смѣху...
„Твои упреки..."

Іоаннъ.

Ну? „Твои упреки?"

Нагой.

„Твои упреки—басни пьяныхъ бабъ!
„Стыдился бъ ты такъ грубо и нескладно
„Писать въ чужую землю, гдѣ немало
„Искусныхъ есть въ риторикѣ мужей!
„Непрошенную жь исповѣдь твою
„Невмѣстно мнѣ и краемъ уха слышать!
„Я не пресвитеръ, но въ чину военномъ
„Служу я государю моему,
„Пресвѣтлому, вельможному Стефану,
„Великому земли Литовской князю

„И польскаго шляхетства королю.
„Благословеньемъ божіимъ мы взяли
„Ужъ у тебя Велижъ, Усвятъ и Полоцкъ,
„А скоро взять надѣемся и Псковъ.
„Гдѣ всѣ твои минувшія побѣды?
„Гдѣ мудрые и свѣтлые мужи,
„Которые тебѣ своею грудью
„Твердыни брали, и тебѣ Казань
„И Астрахань подъ ноги покорили?
„Ты всѣхъ избилъ, изрѣзалъ и измучилъ,
„Твои войска, безъ добрыхъ воеводъ,
„Подобныя безпастырному стаду,
„Бѣгутъ отъ насъ. Ты понялъ-ли, о, царь,
„Что всѣ твои шуты и скоморохи
„Не замѣнятъ замученныхъ вождей?
„Ты понялъ-ли, что въ машкерахъ плясанье
„И афродитскія твои дѣла
„Не все равно, что битвы въ чистомъ полѣ?
„Но ты о битвахъ, кажется, не мыслишь?
„Свое ты войско бросилъ...

Іоаннъ.

Продолжай!

Нагой.

„Свое ты войско бросилъ... какъ бѣгунъ...
„И дома заперся какъ хороняка...
„Тебя, должно быть, злая мучитъ совѣсть
„И память всѣхъ твоихъ безумныхъ дѣлъ...
„Войди жъ въ себя! А чтобъ...

Іоаннъ.

Ну, что же? Дальше!
„А чтобъ?»... Читай!

Нагой.

„А чтобъ свою ты дурость
„Уразумѣлъ и духомъ бы смирился,
„Двѣ *эпистоліи* тебѣ я шлю
„Отъ Цицерона, римскаго витіи,
„Къ его друзьямъ, ко Клавдію и къ Марку.
„Прочти ихъ на досугѣ, и да будетъ
„Сіе мое смиренное посланье
„Тебѣ...

Іоаннъ.

Кончай!

Нагой.

О, государь!

Іоаннъ.

„Да будетъ
„Сіе мое смиренное посланье..."

Нагой.

„Тебѣ лозой полезною! Аминь!"

(При послѣднихъ словахъ Нагого, Іоаннъ вырываетъ у него письмо, смотритъ въ него и начинаетъ мять бумагу. Его дергаютъ судороги).

Іоаннъ.

За безопаснымъ сидя рубежомъ,
Ты лаешься какъ песъ изъ-за ограды!

Изъ рукъ моихъ ты не изволилъ, княже,
Пріять вѣнецъ мгновенныхъ мукъ земныхъ
И вѣчное наслѣдовать блаженство!
Но не угодно ль милости твоей
Пожаловать въ Москву и мнѣ словесно
То высказать, что ты писать изволишь?

(*Озирается*).

И нѣту здѣсь ни одного изъ тѣхъ,
Которые съ нимъ мыслили? Ни брата—
Ни свояка—ни зятя—ни холопа!
Нѣтъ никого! Со всѣми я покончилъ—
И молча долженъ проглотить его
Ругательства! Нѣтъ никого въ запасѣ!

(*Входитъ Стольникъ*).

Стольникъ.

Великій государь! Къ тебѣ бояре
Пришли изъ думы всѣмъ соборомъ!

Іоаннъ.

А!

Добро пожаловать! Они пришли
Меня смѣнять! Обрадовались, чай!
Долой отжившаго царя! Пора-де
Его какъ вѣтошь старую закинуть!
Ужь веселятся, чай, воображая,
Какъ изъ дворца по Красному Крыльцу
Съ котомкой на плечахъ сходить я буду!
Изъ милости, пожалуй, Христа рада,
Кафтанишко они оставятъ мнѣ!

Посмотримъ же, кому пришлося мѣсто
Мнѣ уступать? Просить сюда бояръ!

(*Стольникъ входитъ*).

Во истину! Что имъ за государь я?
Подъ этой ли монашескою рясой
Узнать меня? Ужь я ихъ отучилъ
Передъ вѣнчаннымъ трепетать владыкой!
Какъ пишетъ Курбскій? Войско-де я бросилъ?
И сталъ смѣшонъ? И ужь пишу нескладно?
Какъ пьяная болтаю баба? Такъ-ли?
Посмотримъ же, кто ихъ премудрый царь,
Который заживо взялся по мнѣ
Наслѣдовать!

(*Входятъ бояре*).

Бью вамъ челомъ, бояре!
Довольно долго совѣщались вы;
Но наконецъ вы приговоръ вашъ думный
Постановили, и конечно мнѣ
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престолъ?
Онъ, безъ сомнѣнья, родомъ знаменитъ?
Не меньше насъ? Умомъ же, твердой волей,
И благочестіемъ и милосердьемъ
Насъ и получше будетъ?—Ну, бояре?
Предъ кѣмъ я долженъ преклонить колѣна?
Предъ кѣмъ пасть ницъ? Передъ тобой-ли, Шуйскій?
Иль предъ тобой, Мстиславскій? Иль, быть можетъ,
Передъ тобой, бояринъ нашъ Никита

Романовичъ, враговъ моихъ заступникъ?
Отвѣтствуйте—я жду!

Годуновъ.

Великій царь!
Твоей священной покоряясь волѣ,
Мы совѣщались. Нашъ единодушный,
Ничѣмъ неотмѣнимый приговоръ
Мы накрѣпко постановили. Слушай!
Опричь тебя, надъ нами господиномъ
Никто не будетъ! Ты владыкой нашимъ
Доселѣ былъ—ты долженъ государить
И впредь. На этомъ головы мы наши
Тебѣ несемъ—казни насъ, или милуй!

(*Становится на колѣни и всѣ бояре за нимъ*).

Іоаннъ (*послѣ долгаго молчанія*).

Такъ вы меня принудить положили?
Какъ плѣнника связавъ меня, хотите
Неволей на престолѣ удержать?

Бояре.

Царь-государь! Ты намъ дарованъ Богомъ!
Иного мы владыки не хотимъ,
Опричь тебя! Казни насъ, или милуй!

Іоаннъ.

Должно быть, вамъ мои пришлися бармы
Не по плечу? Вы тягость государства
Хотите снова на меня взвалить?
Оно-до такъ сподручнѣй?

Шуйскій.

Государь!

Не оставляй насъ! Смилуйся надъ нами!

Іоаннъ.

Свидѣтельствуюсь Богомъ—я не мнилъ,
Я не хотѣлъ опять надѣть постылый
Вѣнецъ мой на усталую главу!
Меня влекли другія помышленья,
Моя душа иныхъ искала благъ!
Но вы не такъ рѣшили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть же будетъ,
По вашему! Я покоряюсь думѣ.
Въ неволѣ крайней, сей златой вѣнецъ
Беру опять и учиняюсь паки
Царемъ Руси и вашимъ господиномъ!

(*Надѣваетъ Мономахову шапку*).

Бояре (*вставая*).

Да здравствуетъ нашъ царь Иванъ Василичъ!

Іоаннъ.

Подать мнѣ бармы! (*Надѣваетъ царское облаченіе*).

Подойди, Борисъ!

Ты смѣло говорилъ. Въ закладъ поставилъ
Ты голову свою для блага царства.
Я дерзкую охотно слышу рѣчь,
Текущую отъ искренняго сердца!

(*Цѣлуетъ Годунова въ голову и обращается къ боярамъ*).

Второй ужь разъ я, вопреки хотѣнью,
По приговору думы, согласился
Остаться на престолѣ. Горе-жь нынѣ
Тому изъ васъ, кто, Бога позабывъ,
Задумаетъ что либо надо мною,
Или врагамъ что передастъ, иль въ дружбу
Войдетъ съ опальнымъ недругомъ моимъ,
Иль въ чемъ нибудь дерзнетъ мнѣ прекословить!

(*Озирается*).

Я Сицкаго не вижу между вами?

Годуновъ.

Не гнѣвайся, великій государь!
Прости безумнаго!

Іоаннъ.

Что сдѣлалъ Сицкій?

Годуновъ.

Онъ не хотѣлъ идти тебя просить.

Іоаннъ.

Онъ не хотѣлъ? Смотри, какой затѣйникъ!
Вишь, что онъ выдумалъ! Когда вся дума,
Соборомъ всѣмъ просить меня рѣшила—
Онъ не хотѣлъ! Онъ, значитъ, за одно
Съ литовцами? И съ ханомъ Перекопскимъ?
И съ Курбскимъ?—Голову съ него долой!

Захарьинъ.

Царь-государь! Дозволь тебѣ сегодня,
Для радостнаго дня, замолвить слово
За Сицкаго!

Іоаннъ.

Ты поздно спохватился,
Мой старый шуринъ! Если ты хотѣлъ
Измѣнниковъ щадить—ты долженъ былъ
Самъ сѣсть на царство—случай былъ сегодня—
Теперь молчи! Мы всѣ идемъ въ соборъ
Передъ Всевышнимъ преклонить колѣна!

(*Уходитъ съ боярами*).

А. Толстой.

ХОРЬ И КАЛИНЫЧЪ.

Кому случалось изъ Болховскаго уѣзда перебираться въ Жиздринскій, того, вѣроятно, поражала рѣзкая разница между породой людей въ Орловской губерніи и Калужской породой. Орловскій мужикъ невеликъ ростомъ, сутуловатъ, угрюмъ, глядитъ изъ подлобья, живетъ въ дрянныхъ осиновыхъ избенкахъ, ходитъ на барщину, торговлей не занимается, ѣстъ плохо, носитъ лапти; Калужскій оброчный мужикъ обитаетъ въ просторныхъ сосновыхъ избахъ, высокъ ростомъ, глядитъ смѣло и весело, лицомъ чистъ и бѣлъ, торгуетъ масломъ и дегтемъ и по праздникамъ ходитъ въ сапогахъ. Орловская деревня (мы говоримъ о восточной части Орловской губерніи) обыкновенно расположена среди распаханныхъ полей, близъ оврага, кое какъ превращеннаго въ грязный прудъ. Кромѣ немногихъ ракитъ, всегда готовыхъ къ услугамъ, да двухъ-трехъ тощихъ березъ, деревца на версту кругомъ не увидишь; изба лѣпится къ избѣ, крыши закиданы гнилой соломой....

Калужская деревня, напротивъ, большею частью окружена лѣсомъ; избы стоятъ вольнѣй и прямѣй, крыты тесомъ; ворота плотно запираются, плетень на задворкѣ не разметанъ и не вывалился наружу, не зоветъ въ гости всякую прохожую свинью.... И для охотника въ Калужской губерніи лучше. Въ Орловской губерніи послѣдніе лѣса и площади *) исчезнутъ лѣтъ черезъ пять, а болотъ и въ поминѣ нѣтъ; въ Калужской, напротивъ, засѣки тянутся на сотни, болота на десятки верстъ, и не перевелась еще благородная птица — тетеревъ, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своимъ порывистымъ взлетомъ веселитъ и пугаетъ стрѣлка и собаку.

Въ качествѣ охотника посѣщая Жиздринскій уѣздъ, сошелся я въ полѣ и познакомился съ однимъ Калужскимъ мелкимъ помѣщикомъ, Полутыкинымъ, страстнымъ охотникомъ и, слѣдовательно, отличнымъ человѣкомъ. Водились за нимъ, правда, нѣкоторыя слабости: онъ, напримѣръ, сватался за всѣхъ богатыхъ невѣстъ въ губерніи и, получивъ отказъ отъ руки и отъ дому, съ сокрушеннымъ сердцемъ довѣрялъ свое горе всѣмъ друзьямъ и знакомымъ, а родителямъ невѣстъ продолжалъ посылать въ подарокъ кислые персики и другія сырыя произведенія своего сада; любилъ

---

*) Площадями называются въ Орловской губерніи большія сплошныя массы кустовъ. Орловское нарѣчіе отличается вообще множествомъ своебытныхъ, иногда весьма мѣткихъ, иногда довольно безобразныхъ, словъ и оборотовъ.

повторять одинъ и тотъ же анекдотъ, который, не смотря на уваженіе г-на Полутыкина къ его достоинствамъ, рѣшительно никогда никого не смѣшилъ; хвалилъ сочиненія Акима Нахимова и повѣсть: *Пинну*; заикался; называлъ свою собаку Астрономомъ; вмѣсто *однако* говорилъ *одначе*, и завелъ у себя въ домѣ французскую кухню, тайна которой, по понятіямъ его повара, состояла въ полномъ измѣненіи естественнаго вкуса каждаго кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба—грибами, макароны — порохомъ; за то ни одна морковка не попадала въ супъ, не принявъ вида ромба или трапеціи. Но, за исключеніемъ этихъ немногихъ и незначительныхъ недостатковъ, г-нъ Полутыкинъ былъ, какъ уже сказано, отличный человѣкъ.

Въ первый же день моего знакомства съ г. Полутыкинымъ, онъ пригласилъ меня на ночь къ себѣ.

— До меня верстъ пять будетъ, прибавилъ онъ:— пѣшкомъ идти далеко; зайдемте сперва къ Хорю. (Читатель позволитъ мнѣ не передавать его заиканья).

— А кто такой Хорь?

— А мой мужикъ.... Онъ отсюда близехонько.

Мы отправились къ нему. Посреди лѣса, на расчищенной и разработанной полянѣ, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла изъ нѣсколькихъ сосновыхъ срубовъ, соединенныхъ заборами; передъ главной избой тянулся навѣсъ, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Насъ встрѣтилъ молодой парень, лѣтъ двадцати, высокій и красивый.

— А, Өедя! дома Хорь? спросилъ его г-нъ Полутыкинъ.

— Нѣтъ. Хорь въ городъ уѣхалъ, отвѣчалъ парень, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, зубовъ.—Телѣжку заложить прикажете?

— Да, братъ, телѣжку. Да принеси намъ квасу.

Мы вошли въ избу. Ни одна суздальская картина не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ; въ углу передъ тяжелымъ образомъ въ серебряномъ окладѣ теплилась лампадка; липовый столъ недавно былъ выскобленъ и вымытъ; между бревнами и по косякамъ оконъ не скиталось рѣзвыхъ прусаковъ, не скрывалось задумчивыхъ таракановъ. Молодой парень скоро появился съ большой бѣлой кружкой, наполненной хорошимъ квасомъ съ огромнымъ ломтемъ пшеничнаго хлѣба и съ дюжиной соленыхъ огурцовъ въ деревянной мискѣ. Онъ поставилъ всѣ эти припасы на столъ, прислонился къ двери и началъ съ улыбкой на насъ поглядывать. Не успѣли мы доѣсть нашей закуски, какъ уже телега застучала передъ крыльцомъ. Мы вышли. Мальчикъ лѣтъ пятнадцати, кудрявый и краснощекій, сидѣлъ кучеромъ и съ трудомъ удерживалъ сытаго пѣгаго жеребца. Кругомъ телѣги стояло человѣкъ шесть молодыхъ великановъ, очень похожихъ другъ на друга и на Өедю.—„Все дѣти Хоря!“ замѣтилъ Полутыкинъ.—„Все Хорьки“, подхватилъ Өедя, который вышелъ вслѣдъ за нами на крыльцо: „да еще не всѣ: Потапъ въ лѣсу, а Сидоръ уѣхалъ со старымъ Хоремъ въ го-

родъ.... Смотри-же, Вася“, продолжалъ онъ, обращаясь къ кучеру: — „духомъ сомчи: барина везешь. Только на толчкахъ-то, смотри, потише: и телѣгу-то попортишь, да и барское черево обезпокоишь!“ — Остальные Хорьки усмѣхнулись отъ выходки Ѳеди. — „Подсадить Астронома!“ торжественно воскликнулъ г-нъ Полутыкинъ. Ѳедя, не безъ удовольствія, поднялъ на воздухъ принужденно-улыбавшуюся собаку и положилъ ее на дно телѣги. Вася далъ возжи лошади. Мы покатили. — „А вотъ это моя контора“, сказалъ мнѣ вдругъ г-нъ Полутыкинъ, указывая на небольшой низенькій домикъ: — „хотите зайдти?“ — „Извольте.“ — „Она теперь упразднена“, замѣтилъ онъ, слѣзая: — „а все посмотрѣть стоитъ.“ — Контора состояла изъ двухъ пустыхъ комнатъ. Сторожъ, кривой старикъ, прибѣжалъ съ задворья. — „Здравствуй, Миняичъ“, проговорилъ г-нъ Полутыкинъ: „а гдѣ же вода?„ — Кривой старикъ исчезъ и тотчасъ вернулся съ бутылкой воды и двумя стаканами. „Отвѣдайте“, сказалъ мнѣ Полутыкинъ: — „это у меня хорошая, ключевая вода.“ Мы выпили по стакану, при чемъ старикъ намъ кланялся въ поясъ. — „Ну, теперь, кажется, мы можемъ ѣхать“, замѣтилъ мой новый пріятель. „Въ этой конторѣ я продалъ купцу Аллилуеву четыре десятины лѣсу за выгодную цѣну.“ — Мы сѣли въ телѣгу и черезъ полчаса уже въѣзжали на дворъ господскаго дома.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я Полутыкина за

ужиномъ:—отчего у васъ Хорь живетъ отдѣльно отъ прочихъ вашихъ мужиковъ?

— А вотъ отчего: онъ у меня мужикъ умный. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, изба у него сгорѣла; вотъ и пришелъ онъ къ моему покойному батюшкѣ и говоритъ: дескать, позвольте мнѣ, Николай Кузьмичъ, поселиться у васъ въ лѣсу на болотѣ. Я вамъ стану оброкъ платить хорошій. — Да зачѣмъ тебѣ селиться на болотѣ?—Да ужь такъ; только вы, батюшка, Николай Кузьмичъ, ни въ какую работу употреблять меня ужь не извольте, а оброкъ положите, какой сами знаете.

— Пятьдесятъ рублевъ въ годъ!—Извольте. — Да безъ недоимокъ у меня, смотри. —Извѣстно, безъ недоимокъ... Вотъ онъ и поселился на болотѣ. Съ тѣхъ поръ Хоремъ его и прозвали.

— Ну, и разбогатѣлъ? спросилъ я.

— Разбогатѣлъ. Теперь онъ мнѣ сто цѣлковыхъ оброка платитъ, да еще я, пожалуй, накину. Я ужь ему не разъ говорилъ: откупись, Хорь, эй, откупись!... А, онъ, бестія, меня увѣряетъ, что нечѣмъ; денегъ, дескать, нѣту. . Да, какъ-бы не такъ!...

На другой день мы тотчасъ послѣ чаю опять отправились на охоту. Проѣзжая черезъ деревню, г-нъ Полутыкинъ велѣлъ кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнулъ: „Калиничъ!„ — „Сей-часъ, батюшка, сей-часъ„, раздался голосъ со двора: — „лапоть подвязываю.“—Мы поѣхали шагомъ; за деревней

догналъ насъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худой, съ небольшой загнутой назадъ головкой. Это былъ Калинычъ. Его добродушное смуглое лицо, кое-гдѣ отмѣченное рябинами, мнѣ понравилось съ перваго взгляда. Калинычъ (какъ узналъ я послѣ) каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ, гдѣ садится птица, доставалъ воды, набиралъ земляники, устроивалъ шалаши, бѣгалъ за дрожками; безъ него г-нъ Полутыкинъ шагу ступить не могъ. Калинычъ былъ человѣкъ самаго веселаго, самаго кроткаго нрава, безпрестанно попѣвалъ въ полголоса, беззаботно поглядывалъ во всѣ стороны, говорилъ немного въ носъ, улыбаясь прищуривалъ свои свѣтлоголубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходилъ онъ не скоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. Въ теченье дня онъ не разъ заговаривалъ со мною, услуживалъ мнѣ безъ раболѣпства, но за бариномъ наблюдалъ, какъ за ребенкомъ. Когда невыносимый полуденный зной заставилъ насъ искать убѣжища, онъ свелъ насъ на свою пасѣку, въ самую глушь лѣса. Калинычъ отворилъ намъ избушку, увѣшанную пучками сухихъ душистыхъ травъ, уложилъ насъ на свѣжемъ сѣнѣ, а самъ надѣлъ на голову родъ мѣшка съ сѣткой, взялъ ножъ, горшокъ и головешку и отправился на пасѣку вырѣзать намъ сотъ. Мы запили прозрачный, теплый медъ ключевой водой и заснули подъ однообразное жужжанье пчелъ и болтливый лепетъ

листьевъ. — Легкій порывъ вѣтерка разбудилъ меня... Я открылъ глаза и увидѣлъ Калиныча: онъ сидѣлъ на порогѣ полураскрытой двери и ножомъ вырѣзывалъ ложку. Я долго любовался его лицомъ, кроткимъ и яснымъ, какъ вечернее небо. Г-нъ Полутыкинъ тоже проснулся. Мы не тотчасъ встали. Пріятно послѣ долгой ходьбы и глубокаго сна лежать неподвижно на сѣнѣ: тѣло нѣжится и томится, легкимъ жаромъ пышетъ лицо, сладкая лѣнь смыкаетъ глаза. Наконецъ мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужиномъ я заговорилъ опять о Хорѣ да о Калинычѣ. „Калинычъ— добрый мужикъ", сказалъ мнѣ г. Полутыкинъ:—„усердный и услужливый мужикъ; хозяйство въ исправности одначе содержать не можетъ: я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходитъ... Какое ужь тутъ хозяйство,—посудите сами."—Я съ нимъ согласился, и мы легли спать.

На другой день г-нъ Полутыкинъ принужденъ былъ отправиться въ городъ по дѣлу съ сосѣдомъ Пичуковымъ. Сосѣдъ Пичуковъ запахалъ у него землю и на запаханной землѣ высѣкъ его же бабу. На охоту поѣхалъ я одинъ и передъ вечеромъ завернулъ къ Хорю. На порогѣ избы встрѣтилъ меня старикъ лысый, низкаго роста, плечистый и плотный—самъ Хорь. Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Хоря. Складъ его лица напоминалъ Сократа: такой же высокій, шишковатый лобъ, такіе же маленькіе глазки, такой же курносый носъ. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Тотъ же Ѳедя при-

несъ мнѣ молока съ черным хлѣбомъ. Хорь присѣлъ на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступилъ со мною въ разговоръ. Онъ, казалось, чувствовалъ свое достоинство, говорилъ и двигался медленно, изрѣдка посмѣивался изъ-подъ длинныхъ своихъ усовъ.

Мы съ нимъ толковали о посѣвѣ, объ урожаѣ, о крестьянскомъ бытѣ... Онъ со мной все какъ будто соглашался; только потомъ мнѣ становилось совѣстно, и я чувствовалъ, что говорю не то... Такъ оно какъ-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно быть изъ осторожности... Вотъ вамъ обращикъ нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, говорилъ я ему; — отчего ты не откупишься отъ своего барина?

— А для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброкъ свой знаю... баринъ у насъ хорошій.

— Все же лучше на свободѣ? замѣтилъ я.

Хорь посмотрѣлъ на меня сбоку.

— Вѣстимо, проговорилъ онъ.

— Ну, такъ отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутилъ головой.

— Чѣмъ, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина...

— Попалъ Хорь въ вольные люди, продолжалъ онъ вполголоса, какъ будто про себя: — кто безъ бороды живетъ, тотъ Хорю и набольшій.

— А ты самъ бороду сбрѣй.

— Что борода! борода—трава; скосить можно.

— Ну, такъ что жъ?

— А, знать, Хорь прямо въ купцы попадаетъ; купцамъ-то жизнь хорошая, да и тѣ въ бородахъ.

— А что, вѣдь ты тоже торговлей занимаешься? спросилъ я его

— Торгуемъ помаленьку маслишкомъ да дегтишкомъ... Что же, телѣжку, батюшка, прикажешь заложить?

„Крѣпокъ ты на языкъ и человѣкъ себѣ-на-умѣ“, подумалъ я.—Нѣтъ, сказалъ я вслухъ:—телѣжки мнѣ не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя въ сѣнномъ сараѣ.

— Милости просимъ. Да покойно ли тебѣ будетъ въ сараѣ? Я прикажу бабамъ послать тебѣ простыню и положить подушку.—Эй, бабы! вскричалъ онъ, поднимаясь съ мѣста:—сюда, бабы!... А ты, Өедя, поди съ ними. Бабы, вѣдь, народъ глупый.

Четверть часа спустя, Өедя съ фонаремъ проводилъ меня въ сарай. Я бросился на душистое сѣно, собака свернулась у ногъ моихъ; Өедя пожелалъ мнѣ доброй ночи, дверь заскрипѣла и захлопнулась. Я довольно долго не могъ заснуть. Корова подошла къ двери, шумно дохнула раза два; собака съ достоинствомъ на нее зарычала; свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь гдѣ-то въ близости стала жевать сѣно и фыркать .. я наконецъ задремалъ.

На зарѣ Ѳедя разбудилъ меня. Этотъ бойкій парень очень мнѣ нравился; да и сколько я могъ замѣтить, у стараго Хоря онъ тоже былъ любимцемъ. Они оба весьма любезно другъ надъ другомъ подтрунивали. Старикъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Отъ того ли, что я провелъ ночь подъ его кровомъ, по другой ли какакой причинѣ, только Хорь гораздо ласковѣе вчерашняго обошелся со мной.

— Самоваръ тебѣ готовъ, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой:—пойдемъ чай пить.

Мы усѣлись около стола. Здоровая баба, одна изъ его невѣстокъ, принесла горшокъ съ молокомъ. Всѣ его сыновья поочередно входили въ избу.—„Что у тебя за рослый народъ!“ замѣтилъ я старику.

— Да, промолвилъ онъ, откусывая крошечный кусокъ сахару:—на меня, да на мою старуху жаловаться, кажись, имъ нечего.

— И всѣ съ тобой живутъ?

— Всѣ. Сами хотятъ, такъ и живутъ.

— И всѣ женаты?

— Вонъ одинъ, пострѣлъ, не женится, отвѣчалъ онъ, указывая на Ѳедю, который по-прежнему прислонился въ двери. Васька, тотъ еще молодъ, тому погодить можно.

— А что мнѣ жениться? возразилъ Ѳедя:—мнѣ и такъ хорошо. На что мнѣ жена? Лаяться съ ней, что-ли?

— Ну́, ужь ты... ужь я тебя знаю! кольца сереб-

ряныя носишь... Тебѣ бы все съ дворовыми дѣвками нюхаться... „Полноте, безстыдники!“ продолжалъ старикъ, передразнивая горничныхъ.—Ужъ я тебя знаю, бѣлоручка ты эдакой!

— А въ бабѣ-то что хорошаго?

— Баба—работница, важно замѣтилъ Хорь.—Баба мужику слуга.

— Да на что мнѣ работница?

— То-то, чужими руками жаръ загребать любишь. Знаемъ мы вашего брата.

— Ну, жени меня, коли такъ. А? что! Что жъ ты молчишь?

— Ну, полно, полно, балагуръ. Вишь, барина мы съ тобой безпокоимъ. Женю, не бось... А ты, батюшка, не гнѣвись: дитятко, видишь, малое, разуму не успѣло набраться.

Ѳедя покачалъ головой...

— Дома Хорь? раздался за дверью знакомый голосъ,—и Калинычъ вошелъ въ избу съ пучкомъ полевой земляники въ рукахъ, которую нарвалъ онъ для своего друга, Хоря. Старикъ радушно его привѣтствовалъ. Я съ изумленіемъ поглядѣлъ на Калиныча: признаюсь, я не ожидалъ такихъ „нѣжностей“ отъ мужика.

Я въ этотъ день пошелъ на охоту часами четырьмя позднѣе обыкновеннаго и слѣдующіе три дня провелъ у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чѣмъ я заслужилъ ихъ довѣріе, но они непринужден-

но разговаривали со мной. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ и наблюдалъ за ними. Оба пріятеля нисколько не походили другъ на друга. Хорь былъ человѣкъ положительный, практическій, административная голова, раціоналистъ; Калинычъ, напротивъ, принадлежалъ къ числу идеалистовъ, романтиковъ, людей восторженныхъ и мечтательныхъ. *Хорь понималъ дѣйствительность, то есть: обстроился, накопилъ деньжону, ладилъ съ бариномъ и съ прочими властями: Калинычъ ходилъ въ лаптяхъ и перебивался кое-какъ.* Хорь расплодилъ большое семейство, покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой онъ боялся, а дѣтей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видѣлъ г-на Полутыкина; Калинычъ благоговѣлъ передъ своимъ господиномъ. Хорь любилъ Калиныча и оказывалъ ему покровительство; Калинычъ любилъ и уважалъ Хоря. Хорь говорилъ мало, посмѣивался и разумѣлъ про себя; Калинычъ объяснялся съ жаромъ, хотя и не пѣлъ соловьемъ, какъ бойкій фабричный человѣкъ... Но Калинычъ былъ одаренъ преимуществами, которыя признавалъ самъ Хорь, напримѣръ: онъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мнѣ попросилъ его ввести въ конюшню новокупленную лошадь, и Калинычъ съ добросовѣстною важностью исполнилъ просьбу стараго скептика. Калинычъ стоялъ ближе къ природѣ; Хорь же — къ людямъ, къ обществу. Калинычъ не любилъ раз-

суждать и всему вѣрилъ слѣпо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрѣнія на жизнь. Онъ много видѣлъ, много зналъ, и отъ него я многому научился. Напримѣръ: изъ его разсказовъ узналъ я, что каждое лѣто, передъ покосомъ, появляется въ деревняхъ небольшая телѣжка особеннаго вида. Въ этой телѣжкѣ сидитъ человѣкъ въ кафтанѣ и продаетъ косы. На наличныя деньги онъ беретъ рубль двадцать пять копѣекъ—полтора рубля ассигнаціями; въ долгъ—три рубля и цѣлковый. Всѣ мужики, разумѣется, берутъ у него въ долгъ. Черезъ двѣ-три недѣли онъ появляется снова и требуетъ денегъ. У мужика овесъ только что скошенъ, стало быть, заплатить есть чѣмъ; онъ идетъ съ купцомъ въ кабакъ, и тамъ уже расплачивается. Иные помѣщики вздумали было покупать сами косы на наличныя деньги и раздавать въ долгъ мужикамъ по той же цѣнѣ; но мужики оказались недовольными и даже впали въ уныніе: ихъ лишали удовольствія щелкать по косѣ, прислушиваться, перевертывать ее въ рукахъ и разъ двадцать спросить у плутоватаго мѣщанина-продавца: „а что, малый, коса-то не больно того?“—Тѣ же самыя продѣлки происходятъ и при покупкѣ серповъ, съ тою только разницей, что тутъ бабы вмѣшиваются въ дѣло и доводятъ иногда самого продавца до необходимости, для ихъ же пользы, поколотить ихъ. Но болѣе всего страдаютъ бабы вотъ при какомъ случаѣ. Поставщики матеріяла на бумажныя фабрики поручаютъ закупку тряпья особеннаго рода людямъ, которые въ иныхъ

уѣздахъ называются „орлами". Такой орелъ получаетъ отъ купца рублей двѣсти ассигнаціями и отправляется на добычу. Но, въ противность благородной птицѣ, отъ которой онъ получилъ свое имя, онъ не нападаетъ открыто и смѣло: напротивъ, „орелъ" прибѣгаетъ къ хитрости и лукавству. Онъ оставляетъ свою телѣжку гдѣ-нибудь въ кустахъ около деревни, а самъ отправляется по задворьямъ да по задамъ, словно прохожій какой-нибудь, или просто праздношатающійся. Бабы чутьемъ угадываютъ его приближенье и крадутся къ нему на встрѣчу. Въ торопяхъ совершается торговая сдѣлка. За нѣсколько мѣдныхъ грошей баба отдаетъ „орлу" не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную поневу. Въ послѣднее время бабы нашли выгоднымъ красть у самихъ себя и сбывать такимъ образомъ пеньку, въ особенности „замашки",—важное распространеніе и усовершенствованіе промышленности „орловъ!" Но за то мужики, въ свою очередь, навострились, и при малѣйшемъ подозрѣніи, при одномъ отдаленномъ слухѣ о появленіи „орла", быстро и живо приступаютъ къ исправительнымъ и предохранительнымъ мѣрамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли? Пеньку продавать ихъ дѣло, — и они ее точно продаютъ—не въ городѣ,—въ городъ надо самимъ тащиться,—а пріѣзжимъ торгашамъ, которые, за неимѣньемъ безмѣна, считаютъ пудъ въ сорокъ горстей—а вы знаете, что за горсть и что за ладонь у русскаго человѣка, особенно, когда онъ „усердствуетъ"! —

Такихъ разсказовъ я, человѣкъ неопытный и въ деревнѣ не „живалый" (какъ у насъ въ Орлѣ говорится), наслушался вдоволь. Но Хорь не все разсказывалъ, онъ самъ меня разспрашивалъ о многомъ. Узналъ онъ, что я бывалъ за границей, и любопытство его разгорѣлось... Калинычъ отъ него не отставалъ; но Калиныча болѣе трогали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Онъ перебиралъ все по порядку: — „Что, у нихъ это тамъ есть также, какъ у насъ, аль иначе?.. Ну, говори, батюшка, — какъ-же?"... — „А! ахъ, Господи, твоя воля!" восклицалъ Калинычъ во время моего разсказа; Хорь молчалъ, хмурилъ густыя брови и лишь изрѣдка замѣчалъ, что „дескать это у насъ не шло-бы, а вотъ это хорошо—это порядокъ". — Всѣхъ его разспросовъ я передать вамъ не могу, да и незачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденье, котораго, вѣроятно, никакъ не ожидаютъ читатели,— убѣжденье, что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій, именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя: онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно—того ему и подавай, а откуда оно идетъ— ему все равно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по

словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ. Благодаря исключительности своего положенья, своей фактической независимости, Хорь говорилъ со мной о многомъ, чего изъ другаго рычагомъ не выворотишь, какъ выражаются мужики, жерновомъ не вымелешь. Онъ дѣйствительно понималъ свое положенье. Толкуя съ Хоремъ, я въ первый разъ услышалъ простую, умную рѣчь русскаго мужика. Его познанья были довольно, по-своему, обширны, но читать онъ не умѣлъ; Калинычъ — умѣлъ. „Этому шалопаю грамота далась“, замѣтилъ Хорь: — „у него и пчелы отродясь не мерли.“ — „А дѣтей ты своихъ выучилъ грамотѣ?“ — Хорь помолчалъ. — „Ѳедя знаетъ.“ — „А другіе?“ — „Другіе не знаютъ“. — „А что?“ — Старикъ не отвѣчалъ и перемѣнилъ разговоръ. Впрочемъ, какъ онъ уменъ ни былъ, водились и за нимъ многіе предразсудки и предубѣжденія. Бабъ онъ, напримѣръ, презиралъ отъ глубины души, а въ веселый часъ тѣшился и издѣвался надъ ними. Жена его, старая и сварливая, цѣлый день не сходила съ печи и безпрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее вниманія, но невѣстокъ она содержала въ страхѣ Божіемъ. Не даромъ въ русской пѣсенкѣ свекровь поетъ: „какой ты мнѣ сынъ, какой семьянинъ! не бьешь ты жены, не бьешь молодой...“ Я разъ было вздумалъ заступиться за невѣстокъ, попытался возбудить состраданіе Хоря; но онъ спокойно возразилъ мнѣ, что „охота-де вамъ такими... пустяками заниматься, — пускай бабы ссорятся...

Ихъ что разнимать—то хуже, да и рукъ марать не стоитъ". Иногда злая старуха слѣзала съ печи, вызывала изъ сѣней дворовую собаку, приговаривая: „сюды, сюды, собачка!" и била ее по худой спинѣ кочергой, или становилась подъ навѣсъ и „лаялась", какъ выражался Хорь, со всѣми проходящими. Мужа своего она, однакоже, боялась и, по его приказанію, убиралась къ себѣ на печь. Но особенно любопытно было послушать споръ Калиныча съ Хоремъ, когда дѣло доходило до г-на Полутыкина. — „Ужь ты, Хорь, у меня его не трогай", говорилъ Калинычъ. — „А что-жь онъ тебѣ сапоговъ не сошьетъ?" возражалъ тотъ. — „Эка, сапоги!.. на что мнѣ сапоги? Я мужикъ..." — „Да вотъ и я мужикъ, а вишь..." При этомъ словѣ Хорь подымалъ свою ногу и показывалъ Калинычу сапогъ, скроенный, вѣроятно, изъ мамонтовой кожи. — „Эхъ, да ты развѣ нашъ братъ!" отвѣчалъ Калинычъ. — „Ну, хоть-бы на лапти далъ: вѣдь, ты съ нимъ на охоту ходишь; чай, что день, то лапти". — „Онъ мнѣ даетъ на лапти". — „Да, въ прошломъ году гривенникъ пожаловалъ". — Калинычъ съ досадой отворачивался, а Хорь заливался смѣхомъ, при чемъ его маленькіе глазки изчезали совершенно.

Калинычъ пѣлъ довольно пріятно и поигрывалъ на балалайкѣ. Хорь слушалъ, слушалъ его, загибалъ вдругъ голову на бокъ и начиналъ подтягивать жалобнымъ голосомъ. Особенно любилъ онъ пѣсню: „доля ты моя, доля!" Ѳедя не упускалъ случая подтрунить надъ от-

цомъ. „Чего, старикъ, разжалобился?“ Но Хорь подпиралъ щеку рукой, закрывалъ глаза и продолжалъ жаловаться на свою долю... За то, въ другое время, не было человѣка дѣятельнѣе его: вѣчно надъ чѣмъ нибудь копается—телѣгу чинитъ, заборъ подпираетъ, сбрую пересматриваетъ. Особенной чистоты онъ, однако, не придерживался и на мои замѣчанія отвѣчалъ мнѣ однажды, что „надо-де избѣ жильемъ пахнуть“.

— Посмотри-ка, возразилъ я ему:—какъ у Калиныча на пасѣкѣ чисто.

— Пчелы-бъ жить не стали, батюшка, сказалъ онъ со вздохомъ.

— А что, спросилъ онъ меня въ другой разъ:—у тебя своя вотчина есть?—„Есть„.—„Далеко отсюда?“ — „Верстъ сто“.—„Что-же ты, батюшка, живешь въ своей вотчинѣ?“ — „Живу“.— „А больше, чай ружьемъ пробавляешься?“ — „Признаться, да“. — „И хорошо, батюшка, дѣлаешь; стрѣляй себѣ на здоровье тетеревовъ, да старосту мѣняй почаще“.

На четвертый день, вечеромъ, г. Полутыкинъ прислалъ за мной. Жаль мнѣ было разставаться съ старикомъ. Вмѣстѣ съ Калинычемъ сѣлъ я въ телѣгу. „Ну, прощай, Хорь, будь здоровъ, сказалъ я... Прощай Ѳедя“.—„Прощай, батюшка, прощай, не забывай насъ“. Мы поѣхали; заря только-что разгоралась.—„Славная погода завтра будетъ“, замѣтилъ я глядя на свѣтлое небо.—„Нѣтъ, дождь пойдетъ“, возразилъ мнѣ Калинычъ:—„утки вонъ плещутся, да и трава больно силь-

но пахнетъ".—Мы выѣхали въ кусты. Калинычъ запѣлъ въ полголоса, подпрыгивая на облучкѣ, и все глядѣлъ да глядѣлъ на зорю...

На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ г. Полутыкина.

И. Тургеневъ.

ОТРЫВОКЪ

изъ поэмы

МОРОЗЪ, КРАСНЫЙ НОСЪ.

I.

Савраска увязъ въ половинѣ сугроба —
Двѣ пары промерзлыхъ лаптей
Да уголъ рогожей покрытаго гроба
Торчатъ изъ убогихъ дровней.

Старуха въ большихъ рукавицахъ
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на рѣсницахъ,
Съ морозу—должно полагать.

II.

Привычная дума поэта
Впередъ забѣжать ей спѣшитъ:
Какъ саваномъ снѣгомъ одѣта,
Избушка въ деревнѣ стоитъ;

Въ избушкѣ — теленокъ въ подклѣти,
Мертвецъ на скамьѣ у окна:
Шумятъ его глупыя дѣти,
Тихонько рыдаетъ жена.

Сшивая проворной иголкой
На саванъ куски полотна,
Какъ дождь, зарядившій на-долго,
Не громко рыдаетъ она.

III.

Три тяжкія доли имѣла судьба:
И первая доля — съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.

Вѣка протекали — все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки.
И всѣ мы согласны, что типъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертвы судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не ввѣряла, —

Но мнѣ ты ихъ скажешь, мой другъ!
Ты съ дѣтства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испугъ,
Ты вся — вѣковая истома!

Страдальческой долѣ твоей
Отдамъ я послѣдніе годы —
. . . .
. . . .

IV.

Однако же рѣчь о крестьянкѣ
Затѣяли мы чтобъ сказать,
Что типъ величавой славянки
Возможно и нынѣ сыскать.

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ;

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говоритъ:
„Пройдетъ—словно солнце освѣтитъ!
„Посмотритъ — рублемъ подаритъ!“

Идутъ они той же дорогой,
Какой весь народъ нашъ идетъ,
Но грязь обстановки убогой
Къ нимъ словно не липнетъ. Цвѣтетъ

Красавица, міру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.

И голодъ, и холодъ выноситъ
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она коситъ:
Что взмахъ—то готова копна!

Платокъ у ней на ухо сбился
Того-гляди косы падутъ,
Какой-то парнекъ изловчился
И къ верху подбросилъ ихъ, шутъ!

Тяжелыя русыя косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мѣшаютъ крестьянкѣ взглянуть.

Она отвела ихъ руками,
На парня сердито глядитъ.
Лицо величаво какъ въ рамѣ,
Смущеньемъ и гнѣвомъ горитъ...

По буднямъ не любитъ бездѣлья.
За то вамъ ее не узнать,
Какъ сгонитъ улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.

Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни и пляски такой
За деньги не купишь. — „Утѣха“!
Твердятъ мужики межъ собой.

Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ — не сробѣетъ, — спасетъ:
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяныя губы
Хранятъ ихъ красу отъ людей —

Она улыбается рѣдко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не рѣшится сосѣдка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалокъ ей нищій убогой —
Вольно жъ безъ работы гулять;
Лежитъ на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудѣ,
И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бьется въ нуждѣ.

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Идетъ эта баба къ обѣдни
Предъ всею семьей впереди,
Сидитъ какъ на стулѣ двулѣтній
Ребенокъ у ней на груди,

Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведетъ...
И по сердцу эта картина
Всѣмъ любящимъ русскій народъ!

V.

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя изсушило,
Уснувшаго Прокла жена!

Горда ты—ты плакать не хочешь,
Крѣпишься, но холстъ гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадаетъ
На быстрыя руки твои.
Такъ колосъ беззвучно роняетъ
Созрѣвшія зерна свои...

VI.

Въ селѣ, за четыре версты,
У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
Подбитые бурей кресты,
Мѣстечко старикъ выбираетъ;
Усталъ онъ, работа трудна,
Тутъ тоже сноровка нужна,

Чтобъ крестъ было видно съ дороги,
Чтобъ солнце играло кругомъ.
Въ снѣгу до колѣнъ его ноги,
Въ рукахъ его заступъ и ломъ,

Вся въ инеѣ шапка большая,
Усы, борода въ серебрѣ.
Недвижно стоитъ, размышляя,
Старикъ на высокомъ бугрѣ.

Рѣшился. Крестомъ обозначилъ,
Гдѣ будетъ могилу копать,
Крестомъ осѣнился и началъ
Лопатою снѣгъ разгребать.

Иные пріемы тутъ были,
Кладбище не то, что поля:
Изъ снѣгу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнувъ свою старую спину,
Онъ долго, прилежно копалъ
И желтую мерзлую глину
Тотчасъ же снѣжокъ застилалъ.

Ворона къ нему подлетѣла,
Потыкала носомъ, прошлась:
Земля какъ желѣзо звенѣла —
Ворона ни съ чѣмъ убралась...

Могила на славу готова, —
„Не мнѣ бъ эту яму копать!"
(У стараго вырвалось слово):
„Не Проклу бы въ ней почивать,

„Не Проклу!..." Старикъ оступился,
Изъ рукъ его выскользнулъ ломъ
И въ бѣлую яму скатился,
Старикъ его вынулъ съ трудомъ.

Пошелъ... по дорогѣ шагаетъ...
Нѣтъ солнца, луна не взошла...
Какъ будто весь міръ умираетъ:
Затишье, снѣжокъ, полу-мгла...

VII.

Въ оврагѣ, у рѣчки Желтухи,
Старикъ свою бабу нагналъ
И тихо спросилъ у старухи:
„Хорошъ ли гробокъ-то попалъ?"

Уста ея чуть прошептали
Въ отвѣтъ старику: „ничего“,
Потомъ они оба молчали
И дровни такъ тихо бѣжали,
Какъ будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькаетъ огонь;
Старуха крестомъ осѣнилась,
Шарахнулся въ сторону конь —

Безъ шапки, съ ногами босыми,
Съ большимъ заостреннымъ коломъ,
Внезапно предсталъ передъ ними
Старинный знакомецъ Пахомъ.

Прикрыты рубахою женской
Звенѣли вериги на немъ;
Постукалъ дуракъ деревенской
Въ морозную землю коломъ,

Потомъ помычалъ сердобольно,
Вздохнулъ и сказалъ: „не бѣда!
„На васъ онъ работалъ довольно
„И ваша пришла череда!

„Мать сыну-то гробъ покупала,
„Отецъ ему яму копалъ,
„Жена ему саванъ сшивала —
„Всѣмъ разомъ работу вамъ далъ!“..

Опять помычалъ — и безъ цѣли
Въ пространство дуракъ побѣжалъ.
Вериги уныло звенѣли
И голыя икры блестѣли
И посохъ по снѣгу черкалъ.

Н. Некрасовъ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ

«СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.»

Въ исходѣ іюня стояли уже сильные жары. Послѣ душной ночи, потянулъ на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣваетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходимая: безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дискантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана,

обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодаго сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутаго, высокаго лба своего, высунулъ голову изъ подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никаноръ Танайченокъ храпѣли въ разстяжку на полу, въ каррикатурно-живописныхъ положеніяхъ. „Экъ храпятъ, собачьи дѣти!“ сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ; но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя кожаныя туфли на босыя ноги и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной лленной холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала), вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ, что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякій читатель вправѣ замѣтить, что это несообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть! прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и

всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и наконецъ пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство; онъ изрубилъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оброчной лленой холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ „билъ ее, да своего добра не рубилъ...“, но и это средство не помогало: опять явилось толстое бѣлье — и старикъ покорился... Виноватъ, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ разсказъ про „добрый день моего дѣдушки“. Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подостлалъ его подъ себя, на верхней ступени крыльца, и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю. Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно; а дѣдушкѣ сверхъ того весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда дворъ былъ необгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались, хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы: разу-

мѣется, отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего неопрятнаго, а напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали „Спирькой", выводилъ одного за другимъ, двухъ рыже-пѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной коновязи, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статями, заранѣе любовался и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились въ небѣ, щебетали и пѣли ласточки и касаточки; звонко били перепела въ поляхъ: надсѣдаясь, хрипко кричали въ кустахъ дергуны; посвистыванье погоньшой, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ ближняго болота; варакушки въ запуски передразнивали соловьевъ,—выказывалось изъ-за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужички въ поле... захотѣлось дѣ-

душкѣ умыться студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они какъ полоумные, въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: „Мазанъ, умываться! Танайченокъ, будить Аксютку и барыню, — чаю!“ Не нужно было повторять приказаній: Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою, а проворный Танайченокъ разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа стоялъ у крыльца столъ, покрытый бѣлою браною скатерткою домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ, въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала о его здоровьѣ: „какъ почивалъ и что во снѣ видѣлъ?“ Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришей; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна расцвѣла и помолодѣла; куда дѣвались ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ неласково встрѣчалъ ее. — „Напьемся-ка вмѣстѣ чайку,

Ариша!“ заговорилъ Степанъ Михайловичъ, „покуда нежарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?“ Такой вопросъ былъ необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее болѣе другихъ дочерей, какъ это случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Александрой и Елизаветой Степановными, и она уже одѣлась, но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два: дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась. Единственнаго сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшіе дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку, и назвалъ одну Лизенькой, а другую Аксюшей. Обѣ были очень неглупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина самая простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумѣнью, рѣдко проходило ей даромъ и

что старикъ зналъ наизусть; онъ зналъ и то, что дочери готовы обмануть его при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки и для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что они надуваютъ его; при первой же вспышкѣ, все это высказывалъ имъ безъ пощады, въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда бивалъ; но дочери, какъ настоящія Еввины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лице отца, и они сейчасъ принимались за свои хитрые планы и нерѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: лошадь!" и старый бурый меренъ, запреженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, накрытымъ войлокомъ, уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, то есть просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключь и мѣдный гребень. Въ предъидущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую-же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его слычкой и, надѣвъ полевой кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста да картузъ,

и подостлавъ про себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный втрое свой обыкновенный зипунъ изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилося въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали „марениками"; я самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, съ человѣка вышиною, стояла какъ стѣна; дулъ легкій вѣтерокъ, и синія волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе, отражаясь на солнцѣ; любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба; потомъ отправился на яровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое нетронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ было благополучно; можетъ-быть, и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой, высокой травой, которую чрезъ нѣсколько

дней надо было косить.“ Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего незабылъ. Проѣзжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Не смотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полденъ. Только завидѣли спускающіяся съ горы дѣдушкины дроги — кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. „Ну, Ариша“, весело сказалъ дѣдушка, „какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка“. Бабушка растаяла отъ радости; „на половину поспѣла“, продолжалъ онъ: „съ завтрашняго дня посылать по ягоды“. Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему на встрѣчу изъ залы. „А, готово!“ еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: „спасибо“; и не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно, — чтобъ кушанье стояло на столѣ, и, Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы,

чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человѣкъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтой, какъ воскъ, соленой осетриной и съ чищенными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись объѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней у самой двери въ дѣдушкину горницу. Онѣ спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; но только духота и упека отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ, захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ,

и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ,—Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги и положили льду, — проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утренняго проснулся баринъ, и первое его слово было: „студеной бражки“. Перепугались лакеи; Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже въ халатѣ настоящій баринъ. Съ перваго слова обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и чтожъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послалъ за Аришей и дочерьми и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился;

брови его уже начали морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: „ну, Богъ проститъ на этотъ разъ, но если въ другой...“ договаривать было не нужно.

—

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни и, послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и, воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись досыта любимаго потогоннаго напитка съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостію согласились. и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однѣхъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобъ нарыть въ плотинѣ червяковъ и насаживать имя удочки у барышень. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку

и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, неподалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтный сынокъ то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какъ нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ; одинъ изъ нихъ приказалъ отпустить на пол-зарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ заперетъ воду, мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню, и сказалъ: „Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась.“ — „То-то маленько“, безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка: а кабы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась“. — „Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ“. — „Ну, Богъ

простить, давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще другихъ—въ этомъ вся штука“. Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе приложенную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали гдѣ надобно дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а понемногу (тоже по приказанію дѣдушки),—и запѣлъ, замололъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своею дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольщику, знакомому Мордвину: „чего смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного нетолченнаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше“. Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то есть кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичій дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ; гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости, дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полу-пуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ; всѣмъ былъ онъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана хорошо смотритъ за птицею.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ. — „Пора, Ариша, домой; староста, чай, ждетъ меня“, сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и черезъ полчаса онѣ придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить по

прежнему у отца, и проч. Этого мало; всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе кваснаго стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго, и вѣроятно, кушали за нимъ даже поплотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставлялъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки и такъ ихъ поддразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы, но дѣдушка, до-сыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари. Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человѣку. Ближе шумѣла мельница и толчея въ ночномъ сыромъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и

легъ почивать, не смотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

С. Аксаковъ.

ВОЛХВЪ.

Созвонили про вѣче... далече-далече
Загудѣлъ *благовѣстникъ софійскій* про вѣче,
И созвалъ разудалыхъ, лихихъ молодцовъ,
Изо всѣхъ изъ *пятинъ*, изо всѣхъ изъ *концовъ*;
Приподнялъ онъ и въ свѣтлой, во гридницѣ княжей,
Со гагачей постели, съ подушки лебяжей,
Князя стольнаго Глѣба Мстиславича...
Всталъ,
И топоръ съ поворузой ременною снялъ
Подъ рукавъ, и въ конюшнѣ сѣдлалъ „*воронова*“;
Но на вызовъ народный не выронилъ слова...
Да и что-тутъ, какія-же были-бъ слова,
Если ѣдешь на встрѣчу и рѣчи Волхва,
Наипаче, коль онъ сатаной обученный
И вѣдуньями въ чарномъ кострѣ опаленный?..
Да. Прошла про Волхва издалека молва:
— „Не бывало во-вѣки такого Волхва!

Ворожбой онъ узнаетъ – гдѣ шито, да крыто?..
Гдѣ у бабъ и у дѣвокъ пшеница и жито?..
Все-про-все ужь доточно провѣдаетъ онъ,
И наружу, что крадено, высыплетъ вонъ,
И не спрячешь за пазухой зернышка хлѣба...
Взглянешь на небо, — нѣтъ тебѣ синяго неба:
Звѣзднымъ свиткомъ свернется и скатится прочь;
И оставитъ одну непроглядную ночь...
Взглянетъ на море, — въ трепетномъ ужасѣ-страхѣ,
Волны рѣзвыя лижутъ, въ пескѣ и во прахѣ,
Слѣдъ отъ стопъ его мощныхъ...
Да что говорить?..
И убить, и въ тотъ мигъ-же опять воскресить, —
Можетъ онъ перекомой своей ворожбою,
Можетъ, словно калиткой, ворочать душою...
Значитъ: знаетъ отъ Бога такія слова...
Не бывало во вѣки такого Волхва!"
Вотъ и вышелъ онъ, Волхвъ и язычникъ, на вѣче;
Вотъ гудитъ — и гудитъ „*благовѣстникъ*" далече...
И съ пяти всѣхъ концовъ всѣ посадники тутъ;
И сошелся къ Волхву добровольный весь людъ;
И собрались за нимъ горожане на вѣче;
И повелъ вѣщій Волхвъ имъ безстыдныя рѣчи...
Говоритъ:
—„Новугороду слава и честь!..
Есть поклонъ вамъ отъ Бога и вѣсточка есть —
Онъ глаголетъ:
„*Меня* вы не знаете, люди!

Вы язычники-болѣе Ями и Чуди,
И Литвы... Вы глядите прилежно сюда...
Все ровно предо *мною* земля, иль вода:
Поглядите-же всѣ вы, очами, какъ мимо,
Вдоль къ Волхову, сынъ *мой* пройдетъ невредимо
И на берегъ наступитъ нетлѣнной пятой,
Ибо сынъ онъ *мой* вѣщій и праведникъ *мой*!"
Сомутилися вѣчники-люди не въ мѣру,
И повѣрили всуе Волхву-изувѣру...
Не повѣрилъ Владыка Ѳеодоръ о немъ:
Предъ соборомъ Софійскимъ онъ сталъ со крестомъ,
Возглашая:
„Кто Господа-Бога боится,—
Передъ страшнымъ Господнимъ Крестомъ преклонится,
Кто-же грѣшенъ предъ Божіимъ страшнымъ крестомъ,
Тотъ ошую и станъ съ окаяннымъ Волхвомъ..."
Отъ Епископа Новгородъ весь отщетился;
Волхвованіемъ дьявольскимъ весь соблазнился,
И засѣлъ, словно маковникъ, окрестъ Волхва;
Да въ то время лѣвша не бывала права...
Ко Епископу Князь подошелъ со дружиной;
И крестомъ оградилися всѣ,—какъ единый;
Приложились дружинники Князя; потомъ
Оградился и Князь всепобѣднымъ крестомъ,
И встряхнулъ, молодечества буйнаго ради,
Онъ кудрей темнорусыхъ шелковыя пряди,

Подъ собольею шапкой, и молвилъ Волхву
Очи-въ очи:
—„Такъ ты не во-снѣ—на-яву
Бредишь?.. Ну! А скажи мнѣ — о чемъ говорила
Ноньче зорька съ тобою и что посулила?“
—„Знаю все и всегда, повседневно, точь-въ-точь,
Что сулитъ мнѣ и зорька, и темная ночь.“
— „Право“? молвилъ Князь Глѣбъ. — „А скажи мнѣ: сегодня
Знаешь—какъ тебѣ вызволитъ воля Господня?“
—„Знаю: я сотворю чудеса!..“
Но, въ упоръ,
Перешибъ всѣ мозги зарукавный топоръ,
И хвастливый языкъ, и гортань всю по груди...
И бѣжали со страхомъ всѣ вѣчники-люди!

Л. Мей.

ТРУБКА.

(Разсказъ Ауэрбаха).

Это очень странная исторія; она имѣетъ связь съ новой всемірной исторіей, или, что совершенно тоже самое, съ исторіей Наполеона. Время тогда было странное. Каждый крестьянинъ могъ видѣть изъ дома своего, какъ изъ царской ложи, какъ идетъ вся всемірная исторія; тутъ играли и короли, и императоры, и являлись то въ одномъ, то въ другомъ костюмѣ; и это величественное зрѣлище часто стоило крестьянину не больше, какъ потери дома, двора, а иногда и жизни. Такое горе не постигло сосѣда моего Гансіорга; но—я разскажу вамъ эту исторію.

Это было въ 1796 году. Въ наше тихое время, мы, дѣти неудовлетвореннаго мира, едва можемъ имѣть понятіе о тогдашнемъ безпокойствѣ; казалось, у людей уже не было твердыхъ домашнихъ очаговъ, и все человѣчество встало на ноги, чтобы перетаскивать другъ

друга съ мѣста на мѣсто. Черезъ Шварцвальдъ проходили то австрійцы въ бѣлыхъ мундирахъ, то французы съ веселыми лицами, то русскіе съ длинными бородами, а между ними торчали во всевозможныхъ формахъ баварцы, вюртенбергцы и гессенцы. Шварцвальдъ всегда былъ открытыми дверьми для французовъ, и только теперь наконецъ заперли ихъ на задвижку.

Итакъ часто проходили тамъ, отступали и наступали войска, и слышалась такая стрѣльба и громъ, что жители совсѣмъ потеряли головы; да и на дѣлѣ головы часто не оставались на мѣстѣ, а печально скатывались съ плечъ. Не подалеку отъ Байзингена, среди открытаго поля, есть насыпь вышиною съ домъ, и вся она наполнена только мертвыми солдатами, французами вмѣстѣ съ нѣмцами.

Сосѣдъ мой Гансіоргъ избавился отъ участи быть солдатомъ, хотя ему только минуло девятнадцать лѣтъ, и онъ былъ красивый плотный парень, которому не стыдно было бы нигдѣ показаться. Случилось это вотъ почему. Въ день свадьбы каменьщика Венделя, взявшаго жену изъ Эмфингена, Гансіоргъ вмѣстѣ съ другими парнями ѣхалъ за телѣгой, гдѣ на сундукѣ, раскрашенномъ голубой краской, со всѣмъ хозяйствомъ, сидѣла невѣста подлѣ прялки и подлѣ новенькой люльки. Гансіоргъ чертовски усердно стрѣлялъ, постоянно заряжая пистолетъ двойнымъ зарядомъ. Когда поѣздъ поровнялся съ Леймгрубомъ, гдѣ вправо былъ прудъ, а слѣва кирпичный заводъ, откуда выглядывала Ке-

терле, Гансіоргъ опять выстрѣлилъ, но чуть ли не прежде чѣмъ раздался выстрѣлъ, послышался жалобный крикъ Гансіорга. Пистолетъ выпалъ у него изъ рукъ, и онъ самъ упалъ бы съ лошади, еслибъ товарищъ его, Фидели, не поддержалъ его. Тутъ увидѣли, что случилось: Гансіоргъ отстрѣлилъ себѣ по средній суставъ указательный палецъ на правой рукѣ; его сняли съ лошади. Всѣ собрались около него, соболѣзнуя; Кетерле вышла тоже, и чуть не лишилась чувствъ, видя, что палецъ у Гансіорга держится только на кожѣ; а Гансіоргъ стиснулъ отъ боли зубы и пристально смотрѣлъ на Кетерле. Его перенесли въ домъ хозяина кирпичнаго завода. Поскорѣе послали за старымъ Іокелемъ изъ Шейбуса, умѣвшимъ останавливать кровь; кто-то побѣжалъ и въ городъ за Эратомъ, всѣми любимымъ хирургомъ.—Когда старый Іокель вошелъ въ комнату, всѣ вдругъ смолкли, разступились передъ нимъ, и ставъ по обѣ стороны, образовали улицу, по которой онъ и прошелъ къ раненому, лежавшему за столомъ на лавкѣ. Только Кетерле выступила и вскричала:

— Ради Бога, Іокель, помогите Гансіоргу!

Гансіоргъ открылъ глаза и повернулъ голову къ говорившей, и когда Іокель сталъ передъ нимъ, и, нашептывая, дотронулся до его руки, кровь перестала течь.

Но на этотъ разъ это случилось не отъ симпатическаго вліянія Іокеля, а отъ симпатіи между Кетерле и Гансіоргомъ. Услыхавъ слова Кетерле, Гансіоргъ по-

чувствовалъ, какъ вся кровь прилила ему къ сердцу, и потому-то и перестала она идти изъ пальца.

Эратъ пріѣхалъ, и Гансіоргу отняли палецъ. Онъ какъ герой вынесъ ужасную боль. Когда, черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, онъ лежалъ въ лихорадкѣ, ему казалось, будто къ нему спускался ангелъ и навѣвалъ на него прохладу. Онъ не зналъ, что Кетерле отмахивала отъ него мухъ, и при этомъ часто проводила рукой совсѣмъ близко отъ лица его; даже такая близость, не только что прикосновеніе милой руки, производитъ магическое дѣйствіе, и она то может быть навела грезы на нашего Гансіорга. Гансіоргъ видѣлъ потомъ во снѣ какую то закутанную фигуру (онъ не могъ, какъ проснулся, хорошенько ее припомнить), и — странные бываютъ сны!—у этой фигуры былъ во рту отрѣзанный палецъ, она курила изъ него табакъ, какъ изъ трубки, и синеватый дымъ расходился кольцами.

Кетерле замѣтила, что закрытыя губы Гансіорга шевелились во снѣ. Проснувшись, онъ прежде всего спросилъ трубку. У Гансіорга была самая красивая трубка во всей деревнѣ, и намъ надо разсмотрѣть ее поближе; вѣдь она—главный предметъ нашего разсказа. Это была ульмская деревянная трубка; темныя жилки дерева завивались удивительными фигурами. Серебряная крышка колпачкомъ, и такая гладкая, что въ нее можно было смотрѣться, какъ въ зеркало, съ тою притомъ выгодой, что лицо въ ней отражалось два раза, одно прямо, а другое на выворотъ. По краямъ трубки былъ

серебряный бортикъ, какъ у сапоговъ отвороты. Двойная серебряная цѣпочка съ застежкой служила вмѣсто шнурка и соединяла коротенькій чубукъ съ длиннымъ, гибкимъ и загнутымъ мундштукомъ.

Ну не чудная ли трубка, и не правъ ли былъ Гансіоргъ, что любилъ ее, какъ древніе герои любили свои щиты.

При потерѣ пальца, Гансіорга всего болѣе огорчало то, что ему трудно ужъ будетъ набивать себѣ трубку. Кетерле смѣялась, и бранила его за его пристрастіе къ куренью, а все таки набивала ему трубку, доставала уголекъ и даже сама раза два закуривала ее; но потомъ качала головой и показывала гримасой, какъ это противно. Гансіоргу же никогда трубка не была такъ сладка, какъ побывавъ прежде во рту у Кетерле.

Хоть лѣто было и жаркое, но Гансіорга не позволили перенести домой, и онъ долженъ былъ остаться у кирпичника. Это было очень съ руки нашему паціенту. Хотя родители его и пришли ухаживать за нимъ, все же онъ зналъ, что будетъ время, и останется онъ одинъ съ Кетерле.

На слѣдующій день была свадьба каменьщика Венделя, и когда заблаговѣстили въ церкви, Гансіоргъ, лежа въ постели, насвистывалъ неизмѣнный свадебный маршъ, который играли въ то время въ деревнѣ.

Послѣ вѣнца музыка ходила по деревнѣ и играла передъ тѣми домами, гдѣ жили хорошенькія дѣвушки, или такія, у которыхъ были дружки. Парни и дѣвуш-

ки присоединялись тогда къ шествію, и чѣмъ далѣе оно подвигалось, тѣмъ становилось многолюднѣе; передъ домомъ кирпичнаго заводчика они тоже остановились. Фидели пришелъ со своей милой, какъ товарищъ Гансіорга, чтобы, вмѣсто раненаго, пригласить на танцы Кетерле; но Кетерле поблагодарила, отговариваясь работой, и осталась дома. Гансіоргъ былъ чрезвычайно доволенъ, и когда они остались одни, онъ сказалъ:

— Не горюй, Кетерле; скоро будетъ еще свадьба, и мы съ тобой славно попляшемъ.

— Свадьба? спросила огорченная Кетерле:—да чья же? я не слыхала.

— Подойди-ка ко мнѣ, сказалъ, улыбаясь, Гансіоргъ.

Кетерле подошла, и онъ продолжалъ:

— Я ужъ признаюсь тебѣ; я вѣдь нарочно отстрѣлилъ себѣ палецъ, чтобы не годиться въ солдаты.

Кетерле вздрогнула, громко крикнула, и закрыла лицо передникомъ.

— Зачѣмъ ты кричишь? спрашивалъ Гансіоргъ: — развѣ это не по тебѣ? Это должно тебѣ нравится; вѣдь ты въ этомъ виновата

— Господи Іисусе Христе! нѣтъ, нѣтъ; я тутъ не виновата. Ахъ, Спаситель! какой грѣхъ мы совершили, Гансіоргъ! Вѣдь ты бы могъ совсѣмъ застрѣлить себя; нѣтъ, ты дикарь; нѣтъ, я не хотѣла бы жить съ тобой; я боюсь тебя.

Кетерле хотѣла убѣжать отъ него; но Гансіоргъ крѣпко держалъ ее лѣвой рукой. Она стояла, съ до-

садой вырываясь, и отвернувшись къ нему спиной, кусала кончикъ передника; Гансіоргъ отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ хоть разокъ взглянуть на нее; но всѣ его просьбы и мольбы были напрасны. Онъ отпустилъ ее, и подождалъ немного, не обернется ли она; но она молчала и стояла отвернувшись; и онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Будь такъ добра, сходи за моимъ отцемъ! я хочу домой.

— Нѣтъ, этого тебѣ нельзя; вѣдь съ тобой можетъ сдѣлаться дурно, сказалъ Эратъ! отвѣчала Кетерле, все еще отвернувшись.

— Если ты никого не приведешь, я уйду одинъ, сказалъ Гансіоргъ.

Кетерле повернулась, и посмотрѣла на него, влажными отъ слезъ глазами; въ нихъ выражалось столько мольбы! столько нѣжной заботливости! Гансіоргъ взялъ Кетерле за руку; она была вся въ жару, и онъ долго смотрѣлъ въ лицо своей милой. Лицо у нея было не изъ тѣхъ, что называютъ хорошенькими, грубоватое, простое; и у лица и у всей головы была почти шарообразная форма; высокій выгнутый лобъ, почти полукругомъ, глаза глубоко лежащіе подъ бровями, маленькій вздернутый носъ, придававшій лицу насмѣшливое и капризное выраженіе, круглыя, полныя щеки, все дышало здоровьемъ и свѣжестью. Гансіоргъ любовался раскраснѣвшеюся дѣвушкой, какъ красавицей.

Они долго держали другъ друга за руку, не говоря ни слова; наконецъ Кетерле сказала:

— Не набить ли тебѣ трубку?

— Да, сказалъ Гансіоргъ, и выпустилъ ее.

Въ предложеніи Кетерле заключалось лучшее выраженіе примиренія; это оба они почувствовали, и потому ни слова не говорили о своемъ спорѣ.

Къ вечеру пришло много парней и дѣвушекъ съ разгорѣвшимися щеками и блестящими отъ радости глазами, чтобы взять Кетерле на танцы; но она никакъ не хотѣла идти. Гансіоргъ улыбался. Когда же онъ попросилъ ее сдѣлать ему удовольствіе и отправиться съ ними, она весело побѣжала, и скоро возвратилась, мило разряженная.

Тутъ явилось новое препятствіе. Не смотря на все свое добродушіе, никто однакожъ не хотѣлъ отказаться отъ танцевъ и остаться у Гансіорга; тутъ къ счастію пришелъ Іокель и согласился за хорошую кружку пива, что обѣщали прислать ему изъ гостинницы, остаться, если нужно, на всю ночь.

Гансіоргъ попросилъ Эрата спрятать его палецъ въ банку со спиртомъ; онъ хотѣлъ подарить его Кетерле; но не смотря на свою обыкновенную смѣлость, дѣвушка боялась пальца какъ привидѣнія, и едва смѣла дотрогиваться до банки. Когда Гансіоргу можно было въ первый разъ выйдти изъ дому, они вмѣстѣ пошли въ палисадникъ и похоронили палецъ. Гансіоргъ стоялъ задумавшись въ то время, какъ Кетерле зарывала па-

лецъ. Ему и въ голову не приходило, что онъ совершилъ, изувѣчивъ себя, преступленіе противъ отечества; въ немъ пробудилась только мысль, что тутъ зарыта часть жизненной силы, дарованной ему Богомъ, въ которой онъ долженъ дать отчетъ. Онъ живой присутствовалъ такъ сказать на своихъ похоронахъ, и въ немъ родилось намѣреніе всѣми оставшимися въ немъ силами вѣрно служить долгу и совѣсти. Мысль о смерти дрожью пробѣжала по немъ, и онъ съ грустью и радостью увидѣлъ, что онъ живъ и что милая его подлѣ. Всѣ эти мысли какъ-то неясно проходили по душѣ его, и онъ сказалъ:

— Я вижу, Кетерле, что тяжко согрѣшилъ, и долженъ покаяться; мнѣ надо скорѣй снять грѣхъ этотъ съ души, и я готовъ на всякое покаяніе.

Кетерле обняла и поцаловала его, и онъ заранѣе наслаждался самымъ отраднымъ отпущеніемъ, какое должна чувствовать каждая истинно кающаяся душа, вооруженная твердымъ намѣреніемъ исправиться.

Въ первое же воскресенье Гансіоргъ пошелъ къ исповѣди. Никто никогда не узналъ, какое покаяніе было наложено на него.

Надо полагать, что въ человѣкѣ есть особенное, тайное стремленіе къ мѣсту, гдѣ покоится часть его живаго существованія. Какъ отечество становится намъ вдвойнѣ дорого, когда въ немъ покоятся кости нашихъ милыхъ; какъ становится земля свята для насъ только когда мы поразмыслимъ, что тѣла нашихъ друзей и

сродниковъ мѣшаются съ ея прахомъ; такъ и человѣкъ, живая часть собственнаго тѣла котораго предана землѣ, долженъ чувствовать благовѣніе къ святости земли, и часто обращаться къ части своей могилы.

Такія мысли, или такое неясное сознаніе родилось въ нашемъ другѣ; но долго не могло оно тревожить такого человѣка какъ нашъ Гансіоргъ: онъ каждый Божій день ходилъ въ домъ кирпичника, не потому чтобы его влекло туда мертвое; нѣтъ, его влекло напротивъ живое, то есть любовь къ Кетерле. Но часто онъ уходилъ оттуда очень опечаленный, потому что Кетерле, казалось, старалась сердить его и командовать имъ. Кетерле постоянно отъ него требовала, чтобы онъ бросилъ курить. Онъ никогда не смѣлъ поцѣловать ее, если курилъ передъ этимъ, и прежде чѣмъ онъ отправлялся къ ней, онъ почти всегда долженъ былъ прятать свою милую трубку: въ комнатѣ же кирпичника онъ ужъ никогда не смѣлъ курить, и какъ ни пріятно ему было бывать тамъ, онъ все-таки вскорѣ уходилъ. Кетерле конечно была права; потому и часто дразнила его.

Гансіоргъ сильно сердился на упрямство Кетерле, и все болѣе и болѣе держался за свою склонность. Ему казалось неприличнымъ мужчинѣ позволять женщинѣ распоряжаться собой; женщина должна уступать, думалъ онъ; и притомъ, надо признаться, ему было совершенно невозможно отказаться отъ своей привычки. Разъ онъ попробовалъ два дня во время покоса пробыть безъ

трубки, но ему все казалось, будто онъ постится; всюду ему недоставало чего-то, и онъ снова взялъ свою трубку, и съ удовольствіемъ ухватилъ ее зубами и, выбивая огонь, сказалъ про себя: „Кетерле со всѣми бабами можетъ убираться къ чорту, а ужъ я не брошу курить“. При этомъ онъ ударилъ себя по пальцу, и помахивая сильно занывшею рукой, подумалъ: это клятвопреступленіе; клятва твоя вѣдь не вѣрна.

Наконецъ наступила осень; Гансіоргъ былъ объявленъ негоднымъ къ военной службѣ. Еще нѣсколько парней вздумали подражать его хитрости, и вырвали себѣ передніе зубы, чтобы имъ нельзя было откусывать патроны; но военная коммисія признала это умышленнымъ увѣчіемъ, между тѣмъ на дѣло Гансіорга смотрѣли какъ на несчастіе. Беззубыхъ причисли къ фурштату и они все-таки должны были идти на войну. Изувѣченными челюстями имъ часто приходилось кусать жалкіе военные сухари, а подъ конецъ пришлось питаться и травой; для этого ужъ и не надо было зубовъ.

Въ первыхъ числахъ октября, генералъ Моро производилъ свое знаменитое отступленіе черезъ Шварцвальдъ. Часть войска шла и черезъ Норштетенъ. Объ этомъ узнали тамъ за нѣсколько дней. Въ деревнѣ поднялись такой страхъ и безпокойство, что не знали, чѣмъ помочь и что рѣшить. Принялись зарывать и прятать въ подвалы все, что было у кого денегъ и дорогихъ вещей. Дѣвушки приносили свои гранатовыя

нятки съ висячими на нихъ монетами, снимали съ рукъ серебряныя кольца и клали ихъ въ землю. Всѣ ходили безъ всякихъ украшеній, какъ въ большемъ трауре. Скотъ прогнали въ Эгельсталь, въ непроходимую лощину. Дѣвушки печально переглядывались съ парнями, когда рѣчь шла о приближающемся непріятелѣ; иные парни хватались при этомъ за ножи, торчавшіе у нихъ изъ кармана панталонъ.

Всѣхъ тошнѣе было жидамъ. Если у крестьянина и все отнять, полей и плуга отнять у нихъ нельзя; все же богатство жидовъ состоитъ въ движимомъ имуществѣ, въ деньгахъ и товарахъ; поэтому-то они дрожали вдвое и втрое болѣе крестьянъ. Еврейскій раввинъ, умный и ловкій человѣкъ, нашелъ хитрый выходъ. Онъ передъ домомъ своимъ велѣлъ поставить бочку краснаго вина, порядкомъ разбавленнаго водкой, и на столѣ полныя бутылки, чтобы угостить и удержать непрошенныхъ гостей. Хитрость эта удалась; французы и безъ того торопились идти далѣе.

Наступилъ день шествія войска, и прошелъ гораздо лучше, чѣмъ надѣялись. Деревенскіе жители стояли кучками и смотрѣли на проходившихъ. Сначала шла конница, потомъ многочисленная пѣхота.

Гансіоргъ съ товарищами своими, съ Фидели и Ксаверіемъ, вышелъ изъ деревни къ дому кирпичнаго заводчика; онъ на всякій случай хотѣлъ быть тамъ, чтобы не случилось чего съ Кетерле. Онъ вошелъ съ товарищами въ палисадникъ передъ домомъ, и, опершись

на заборчикъ, съ удовольствіемъ покуривалъ трубку. Кетерле глядѣла въ окно и сказала:

— Если не хочешь курить, Гансіоргъ, такъ можешь съ товарищами войдти въ комнату.

— Намъ и тутъ хорошо, отвѣчалъ Гансіоргъ, быстро выпустивъ три клуба дыму одинъ за другимъ, и крѣпко сжалъ въ рукѣ трубку.

Тутъ показалась конница. Всѣ ѣхали въ безпорядкѣ, и, казалось, имъ и дорога не вмѣстѣ; всякій заботился только о самомъ себѣ, а между-тѣмъ все-таки дѣло у нихъ шло складно. Нѣкоторые посылали поцѣлуи, дерзко смѣясь и кивая въ окно Кетерле; Гансіоргъ быстро схватился за свой боковой ножъ. Кетерле затворила окно, и ужъ потихоньку смотрѣла изъ-за рамы. За пѣхотой потянулся фуражъ и телѣги съ ранеными. Это была жалкая картина. Одинъ изъ раненыхъ высунулъ руку, на которой было только четыре пальца; это до мозга костей поразило Гансіорга; ему показалось что это онъ самъ лежитъ. Голова раненаго была обвязана лишь платкомъ, и повидимому зябла. Гансіоргъ быстро перескочилъ заборчикъ, снялъ у себя съ головы баранью шапку и надѣлъ ее на бѣдняка; потомъ далъ ему еще денегъ, вмѣстѣ съ кожанымъ кошелькомъ. Раненый сталъ показывать ртомъ знаки, что ему бы очень хотѣлось покурить; при этомъ онъ, прося и умоляя, глядѣлъ на Гансіорга, и все показывалъ на трубку; но Гансіоргъ отрицательно качалъ головой. Кетерле принесла хлѣба и рубашекъ, и положила на фуру къ раненымъ. Боль-

ные воины съ удовольствіемъ посмотрѣли на свѣженькую дѣвушку, и нѣкоторые отдали ей честь по военному, и бросили другъ другу нѣсколько итальянскихъ словъ. Послѣ того они поѣхали дальше, все дружески кивая. Тутъ никто не разсуждалъ, друзья ли это, или враги; это были несчастные, безпомощные люди, и каждый долженъ былъ помочь имъ.

Шествіе заключалъ большой конный отрядъ. Кетерле снова стала у окна, и Гансіоргъ съ товарищами занялъ постъ свой; тутъ Фидели сказалъ:

— Гляди! идутъ мародеры!

Два оборвыша въ полуформѣ, безъ сѣдла и стремянъ, скакали къ нимъ. Не доѣзжая немного до Гансіорга, они остановились и поговорили что-то другъ съ другомъ; раздался смѣхъ одного изъ нихъ. Послѣ этого они поѣхали потихоньку, и одинъ изъ нихъ около самаго заборчика... тутъ вдругъ вырвалъ онъ изо рта у Гансіорга трубку, и ускакалъ съ нею въ галопъ. Мародеръ взялъ въ ротъ еще непогасшую трубку, и какъ бы въ насмѣшку сталъ весело дымить изъ нея.

Гансіоргъ схватился за ротъ; ему казалось что у него всѣ зубы выбиты изъ челюстей; Кетерле же расхохоталась во все горло, и вскричала:

— Вотъ достань-ка теперь свою трубку.

— Да, и достану! сказалъ Гансіоргъ, въ бѣшенствѣ отломивъ часть балясинки у заборчика: — идемте, Фидели, Ксаверій! возьмемте лошадей и поѣдемъ за ними;

если и сами пропадемъ, все же негодямъ трубки моей не достанется.

Оба товарища побѣжали и проворно вывели лошадей изъ конюшни; Кетерле сошла внизъ, и закричала Гансіорга въ сѣни; нехотя пошелъ онъ къ ней, сердясь что она надсмѣялась надъ нимъ; Кетерле же съ трепетомъ взяла его за руку, и сказала:

— Ради Бога, Гансіоргъ, брось трубку! Смотри, я теперь буду дѣлать все по твоему; иди за мной. Неужели ты хочешь погубить себя изъ-за такой пустой вещи? Прошу тебя, останься!

— Не останусь. Я буду радъ, если пуля прострѣлитъ мнѣ голову. Чего я тутъ не видалъ? Ты только и знаешь, что дурачить меня.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Кетерле, и бросилась ему на шею: — я не пущу тебя, ты долженъ остаться.

Дрожь пробѣжала по Гансіоргу: но онъ смѣло спросилъ:

— Такъ хочешь быть моей женой?

— Да, да; хочу!

Оба они радостно обнялись, и Гансіоргъ воскликнулъ:

— Во всю жизнь свою не возьму въ ротъ трубки. Вотъ тебѣ Христосъ...

— Нѣтъ, не божись; ты долженъ и такъ сдержать свое слово: этакъ-то лучше. Такъ ты остаешься? Брось трубку французамъ! ну ее къ чорту!

Между тѣмъ товарищи пріѣхали на лошадяхъ; они вооружились вилами, и кричали:

— Скорѣе, Гансіоргъ! ѣдемъ!

— Я ужъ не ѣду, сказалъ Гансіоргъ, держа Кетерле въ объятіяхъ.

— Что дашь, если мы привеземъ тебѣ трубку? спросилъ Фидели.

— Возьмите ее себѣ!

Оба вихремъ понеслись по дорогѣ въ Эмфингенъ; а Гансіоргъ съ Кетерле смотрѣли имъ вслѣдъ. Тамъ на небольшомъ возвышеніи около глинной копи для кирпичнаго завода, они почти догнали мародеровъ; когда же послѣдніе замѣтили преслѣдованіе, они дерзко повернулись и стали махать саблями, а одинъ даже прицѣлился пистолетомъ. Увидя это, Фидели и Ксаверій точно также проворно повернули, и назадъ помчались еще быстрѣе, чѣмъ впередъ.

Съ этого дня Гансіоргъ ни разу больше не затянулся изъ трубки. Спустя четыре недѣли, его выкликали въ церкви съ Кетерле.

Разъ Гансіоргъ отправился на кирпичный заводъ; онъ зашелъ съ задней стороны дома, и никто его не видалъ; оттуда услышалъ онъ голосъ Кетерле. Она съ кѣмъ-то разговаривала.

— Такъ ты хорошо знаешь ее? спросила Кетерле.

— Какъ же мнѣ не знать? отвѣчали ей на вопросъ.

По голосу Гансіоргъ узналъ красную Майерле, торговку жидовку.

— Я вѣдь часто его съ ней видала. Онъ ее также

любилъ, какъ теперь тебя любитъ; кабы можно, я думаю, онъ женился бы на ней.

— Знаешь, что? сказала Кетерле: — мнѣ только хочется посмотрѣть, какъ онъ вытаращитъ глаза, какъ увидитъ ее у себя на свадьбѣ. Значитъ можно вполнѣ на это положиться?

— Она будетъ тутъ; это такъ же вѣрно, какъ мнѣ хочется получить сто тысячъ гульденовъ.

— Только чтобы Гансіоргъ ничего не зналъ!

— Буду нѣма, какъ рыба! отвѣчала красная Майерле, и ушла.

Гансіоргъ робко подошелъ къ Кетерле; онъ стыдился признаться, что подслушалъ разговоръ; когда же они дружески усѣлись рядкомъ, онъ ей сказалъ:

— Я хочу вотъ что сказать тебѣ, Кетерле; можетъ, тебѣ чего-нибудь насплетничали на меня, такъ это неправда. На меня разъ насказали, что я связался съ служанкой изъ трактира „Орелъ“, съ той, что теперь въ Ротвейлѣ: повѣрь мнѣ, это не правда; тогда вѣдь я еще къ пастору ходилъ; это просто ребячество было.

Кетерле сдѣлала видъ, будто придаетъ большой вѣсъ этому обстоятельству, и Гансіоргу много стоило труда оправдаться. Вечеромъ же онъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобы вывѣдать что-нибудь у красной Майерле; но она точно была „нѣма, какъ рыба.“

Гансіоргу предстояло еще много хлопотъ и бѣготни по всей деревнѣ. А именно вотъ какимъ образомъ. Въ воскресенье, передъ свадьбой, по старинному обычаю,

Гансіоргъ съ дружкой своимъ Фидели, съ красной лентой вкругъ руки и съ красной повязкой на треугольной шляпѣ, долженъ былъ ходить изъ дому въ домъ, и говорить всѣмъ слѣдующую рѣчь:

— Покорнѣйше прошу васъ на свадьбу, во вторникъ, къ „Орлу". Если мы будемъ въ состояніи вознаградить васъ за это, вознаградимъ! Приходите же навѣрное. Не забудьте, приходите навѣрное.

Послѣ этого каждая хозяйка въ домѣ отворяла ящикъ въ столѣ, вынимала хлѣбъ и ножъ, и подавала ихъ, со словами: „Отрѣжь хлѣба!" Женихъ долженъ былъ отрѣзать кусокъ хлѣба и взять съ собой. Гансіоргъ нѣсколько неловко рѣзалъ хлѣбъ своими четырьмя пальцами, и ему было непріятно, что во многихъ домахъ съ добродушной шуткой говорили ему: „По настоящему, тебѣ не слѣдуетъ жениться, Гансіоргъ; ты со своимъ тупымъ пальцемъ не можешь и хлѣба-то хорошенько отрѣзать."

Гансіоргъ былъ ужасно радъ, когда кончились эти приглашенія.

Свадьба праздновалась съ пѣньемъ и весельемъ; только стрѣлять никто не смѣлъ, потому что со дня несчастія или шалости Гансіорга, это было строжайше запрещено.

За свадебнымъ столомъ все шло весело. Тотчасъ же послѣ обѣда Кетерле вышла въ кухню; но черезъ минуту возвратилась въ горницу, и во рту у ней была знакомая намъ трубка. Нельзя было отличить, старая

ли это трубка, или только похожая на старую какъ двѣ капли воды — новая. Кетерле, сдѣлавъ гримасу, затянулась изъ нея раза два, и протянула трубку Гансіоргу со словами:

— На, возьми; ты славно велъ себя; можешь отказаться, отъ чего хочешь; а курить по моему тебѣ можно; я ничуть не противъ этого.

Гансіоргъ покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ; онъ отрицательно покачалъ головой и сказалъ:

— Чтò я разъ сказалъ, подъ то никто не подточится; во всю жизнь свою ни разу не затянусь.

Онъ всталъ и снова сказалъ:

— А тебя, Кетерле, я все же поцѣлую, хоть ты и курила.

И они бросились другъ другу въ объятья. Тутъ Гансіоргъ признался, что подслушалъ, какъ Кетерле говорила съ красной Майерле, и что полагалъ — рѣчь идетъ объ трактирной служанкѣ.

Всѣ отъ души посмѣялись надъ этой шуткой.

Трубку подвѣсили къ пологу кровати молодыхъ на память, и Гансіоргъ часто указываетъ на нее, когда хочетъ доказать, что съ твердой волей и изъ любви отъ всего можно отвыкнуть.

Нѣсколько словъ могутъ вдругъ подвинуть насъ далеко впередъ: Гансіоргъ и Кетерле теперь уже дѣды; они еще бодры и крѣпки, и, счастливы въ кругу своихъ

домашнихъ. Между пятью сыновьями Гансіорга трубка считается почетнымъ семейнымъ достояніемъ; никто изъ нихъ и изъ дѣтей ихъ до-сихъ-поръ еще не пріучился курить.

ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ.

(Легенда. Съ нѣмецкаго).

Изъ мрачнаго, пустыннаго ущелья,
Едва дыша, выходитъ Агасферъ.
Двѣ тысячи годовъ уже промчалось
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ по всѣмъ странамъ земли
Скитается, не вѣдая покоя
И отдыха. Двѣ тысячи годовъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ Искупитель міра,
Лишившись силъ подъ бременемъ креста,
Сѣлъ отдохнуть предъ дверью Агасфера.
Но Агасферъ, сурово оттолкнувъ
Спасителя, прогналъ его съ порога...
Христосъ упалъ... Но гнѣвный ангелъ смерти
Передъ жидомъ явился и сказалъ:
„Ты отказалъ Спасителю въ минутѣ
Спокойствія и отдыха; за то
Съ минуты сей до новаго прихода
Его въ нашъ міръ и ты не будешь знать
Спокойствія и отдыха!“

Свершилось...

Изъ края въ край пошелъ ты, Агасферъ,
Скитаешься, гонимый адскимъ духомъ,
И падаешь, и тщетно смерть зовешь!...

Изъ мрачнаго, пустыннаго ущелья,
Едва дыша, выходитъ Агасферъ;
Изъ череповъ, у ногъ его лежащихъ
Беретъ одинъ и гнѣвно со скалы
Бросаетъ внизъ... и вслѣдъ за нимъ другіе
Летятъ туда-жъ... а вѣчный жидъ глядитъ
Въ отчаяньи и дико восклицаетъ:
„Вотъ этотъ былъ отецъ мой, эти вотъ —
Жена моя и дѣти, и родные...
И всѣ они — всѣ умереть могли!
И только я, отверженецъ проклятый,
Обязанъ жить!...
„Подъ Титовымъ мечемъ
Іерусалимъ священный разрушался,
Я ринулся въ опасность, посылалъ
Въ лицо врагамъ ругательства, проклятья,
И жаждалъ быть убитымъ... Но увы!
По воздуху проклятья разлетались, —
Народъ мой палъ—а я остался живъ!

„Римъ затрещалъ и началъ быстро падать...
Подъ страшнаго колосса наклонилъ
Я голову... онъ рухнулъ, но остался
Я невредимъ... Народы вкругъ меня
Являлися и гибнули безслѣдно,

Лишь я одинъ, одинъ не умиралъ!...
Съ подоблачныхъ утесовъ я кидался
Въ морскою глубь, но волны вновь меня
Выбрасывали на берегъ, и снова
Подъ огненнымъ проклятьемъ бытія
Я мучился... Въ жерло суровой Этны,
Какъ бѣшеный, я бросился и ждалъ
Погибели, но Этна задымилась,
И въ огненномъ потокѣ лавы я
Былъ выброшенъ на землю, — и не умеръ!

„Въ ряды бойцовъ, въ смертельнѣйшій разгаръ
Сраженія я бѣшено кидался;
Но тучи стрѣлъ ломалися на мнѣ,
На черепѣ моемъ мечи тупились,
Градъ пуль меня безвредно осыпалъ
И молніи сраженія безсильно
Змѣилися по тѣлу моему,
Какъ по скалѣ, сурово-неприступной!
Напрасно слонъ давилъ меня собой.
Напрасно конь топталъ меня подковой,
Напрасно взрывъ пороховой меня
Взметалъ на верхъ: на землю снова падалъ
Я невредимъ, и въ лужахъ кровяныхъ,
Средь грудъ костей моихъ собратій ратныхъ,
Межъ мертвецовъ, лежалъ одинъ живой!

„Я убѣгалъ въ далекія пустыни...
Тамъ предо мной спокойно проходилъ

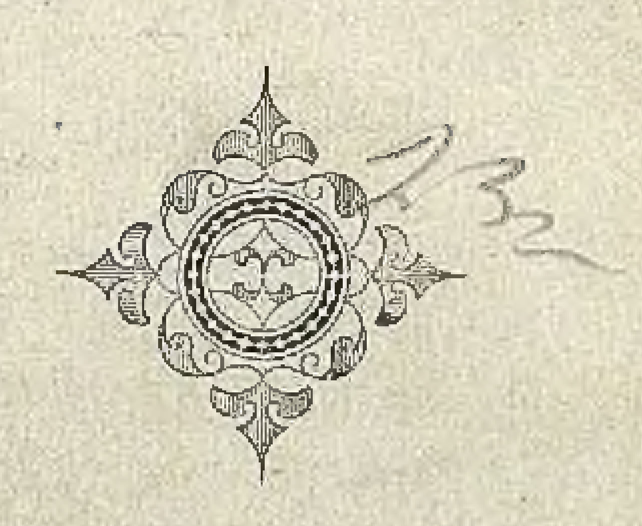
Голодный левъ, тамъ тигръ безсильно зубы
Точилъ на мнѣ, тамъ ядовитый змѣй
Пронзилъ насквозь своимъ смертельнымъ жаломъ
Всю грудь мою, — и умертвить не могъ!

„Я приходилъ къ тиранамъ кровожаднымъ,
Проклятьями и бранью осыпалъ
Мулей-Пашу, Нерона, Христіерна...
Не мало мукъ и пытокъ для меня
Они изобрѣли—и я не умеръ!

„Не умирать! увы, не умирать!
Въ душѣ носить могильный смрадъ и холодъ,
Но тѣломъ жить!.. Смотрѣть, какъ каждый часъ,
Развратное, прожорливое время
Родитъ дѣтей и пожираетъ ихъ!
Не умирать! не умирать! проклятье!..
О, мой Господь! о, гнѣвный мой Судья!
Коль есть еще въ твоей десницѣ кара
Страшнѣйшая, — на голову мою
Пошли ее, убей меня скорѣе!“

И онъ упалъ безъ чувствъ. Тогда предъ нимъ,
Весь кротостью сіяя, свѣтлый ангелъ
Предсталъ и снесъ несчастнаго жида
Въ пустынное ущелье и промолвилъ:
„Спи, Агасферъ, спи безмятежнымъ сномъ:
Не вѣчно Богъ караетъ преступленье!“

П. Вейнбергъ.

Издатель: П. Вейнберг.

2007098240